

ЮЖНАЯ ПРИСТАНЬ

Сборник рассказов литературного проекта

Южная Пристань

Этот сборник сделан на основе одноимённого аудиосборника из проекта «Южная пристань» (http://community.livejournal.com/lit_project/)
Все рассказы озвучены Олегом Булдаковым с согласия авторов.

Предисловие

Все приморские города обладают особым колоритом, тем более, южные. А если этот город стал не только перекрёстком морских дорог, но и миров, то совсем не удивительно, что в нём постоянно происходят странные и загадочные события. Такова Южная Пристань — небольшой портовый город на юге России, сохранивший уклад жизни начала XX века. Здесь порой мирно, порой не очень уживаются люди и пришельцы, простые горожане и могущественные маги. Здесь смешались времена и эпохи, реальность и фантастика.

Олег Булдаков и авторы Литературного Проекта приглашают вас окунуться в необыкновенную атмосферу этого удивительного города.

Александр Ромашихин

Содержание

Файл № 1 Александр Ромашихин	Пролог	4
Файл № 2 Валерий Цуркан	Кузнец	8
Файл № 3 Валерий Цуркан	Дым отчества	16
Файл № 4 Дэн Шорин	Бутылочка профессора Клейна	24
Файл № 5 Нина Дьяченко	Фигурка твоей судьбы	31
Файл № 6 Диана Удовиченко	Хранитель для Марфы	36
Файл № 7 Александр Ромашихин	Ракушка	46
Файл № 8 Максим Удовиченко	Alchemia	52
Файл № 9 Иван Зотов	Путь домой	62
Файл № 10 Анна Сырцова	В поиске похищенных секунд ..	73
Файл № 11 Евгения Привезенцева	Стеклодув	80
Файл № 12 Лариса Коваль-Сухорукова, Алексей Дуров	Эпидемия	88

Александр Ромашихин

Пролог

В подвале Канцелярии Градоначальника всегда тихо и прохладно. Света одинокой тусклой лампочки, висящей под низким потолком, едва хватает, чтобы рассмотреть стоящие вдоль стен полки с картонными папками. Зато настольная лампа под зеленым абажуром ярко освещает заваленный бумагами стол. Худой старик с длинными, до плеч, волосами, одетый в поношенный мундир без погон склонился над столом, перебирая пожелтевшие и местами обгоревшие листы бумаги.

– Как мало достоверных документов сохранилось, - вздохнул он, откидываясь на высокую спинку жесткого стула.

Где-то в глубине помещения скрипнула дверь, и раздались твердые уверенные шаги, старик прищурился, пытаясь разглядеть, кто это нарушил его уединение. Высокий, хорошо сложенный молодой человек, лет тридцати остановился в паре шагов от стола и галантно кивнул:

– Здравствуйте. Позвольте представиться: Иван Семенович Истров, ассистент профессора Фангейма.

– Здравствуйте, очень приятно. А я – Архивариус, присаживайтесь.

– Да, я знаю. Но как вас зовут? – спросил молодой человек, усаживаясь на стул по другую сторону стола.

– А так и зовут: Архивариус, - старик усмехнулся в седые усы, - вполне приличное имя, вы не находите?

– Как-то необычно – я привык по имени-отчеству..., – смутился ассистент профессора.

– Ничего, скоро приспособитесь, – легкий взмах узкой кисти, словно закрывает тему имени. – Что вас привело ко мне, Иван Семенович?

– Мы прибыли в ваш город с целью исследовать происходящие здесь явления и развеять антинаучные мифы, распространяемые суеверными людьми. И я бы хотел получить от вас некоторые сведения об истории Южной Пристаней.

– О, «антинаучные мифы» уже добрались до столицы, – Архивариус иронично усмехнулся, – а я не могу предоставить вам никаких достоверных сведений – только слухи, рассказы очевидцев, собственные наблюдения.

– Как это? – искренне удивился ученый муж.

– Видите ли, – старик развел руками, – практически никаких документов не сохранилось – войны, пожары, опять же землетрясение..., остались жалкие

обрывки, которые я и пытаюсь как-то систематизировать.

– Ну, хотя бы расскажите, что вы знаете, – разочарованно вздохнул Иван Семенович.

– Это можно, – Архивариус улыбнулся и после короткой паузы продолжил: Полагаю, вы знаете, что бухта, вокруг которой располагается город, названа Крабовой за обилие этих морских тварей, обитающих в ней.

– Да, знаю, – утвердительно кивнул посетитель.

– По утверждениям историков люди жили на берегах этой бухты с древних времен, но годом основания города Южная Пристань считается год, когда по приказу Императора началось строительство порта и крепости, охранявшей вход в этот порт. Крепость благополучно пережила несколько войн, две осады и одно мощное землетрясение, она и до сих пор сохраняет свое военно-стратегическое значение, по крайней мере, по словам ее коменданта, – в последних словах Архивариуса прозвучала явная насмешка.

– Город действительно имеет очень выгодное географическое расположение, – пробормотал Иван Семенович.

– Разумеется, – легко согласился Архивариус, – и поэтому порт – самое оживленное и шумное место в городе, среди местных жителей даже бытует поговорка: «Порт никогда не спит». На причалах и в обширном лабиринте пакгаузов постоянно кипит работа. Вы, наверняка, видели множество лодок, баркасов, катеров, деловито снующих между берегом и стоящими на рейде большими судами. А расположившиеся вокруг порта таверны, кофейни, рестораны, гостиницы и отели никогда не пустуют – здесь можно встретить посетителей со всего света... и так называемого «внеземелья».

– Простите, а что это за «внеземелье» такое? – подозрительно спросил Иван Семенович.

– Внеземелье..., – взгляд удивительно синих глаз старика слегка затуманился, – как бы вам объяснить? Вот синематограф – движущиеся картины на стене, вы подходите вплотную и упираетесь в эту самую стену. А теперь представьте, что стены нет, и вы можете шагнуть внутрь этих картин, а те, кто находится там, могут точно так же выйти в наш мир.

– И где же такой «синематограф» находится? – ироничная улыбка тронула губы молодого ученого.

– В порту, – Архивариус улыбнулся в ответ, – наш порт также считается и самым опасным местом, не только из-за промышляющих вокруг разномастных преступников, но и потому, что там регулярно пропадают навсегда или временно люди, происходят удивительные явления и появляются странные существа, которые потом бродят по городу, пугая обывателей. Кстати, вы, наверняка, уже видели кого-нибудь из внеземелья. Припомните, на кого вы обратили внимание, когда вы сошли на берег.

– Ну, – Иван Семенович задумчиво почесал лоб, – мушкетера видел..., но я решил, что это актер местного театра отправился обедать, не удосужившись переодеться. А, еще там попрошайничал зеленый карлик в золотой одежде. И у дверей банка вместо швейцара была говорящая собака, но это, наверное, какой-то трюк.

– Нет, карлик наш, местный – просто мажется какой-то дрянью, чтобы обманывать приезжих, – в голосе старика прозвучало осуждение, – а вот мушкетер настоящий. И швейцар – это не собака, а один из представителей клана Неспящих, как они себя называют. Эти разумные существа уже давно появились в городе и зарекомендовали себя как превосходные охранники.

– Вы шутите? – со смехом воскликнул ученый.

– С некоторых пор я не люблю шутить, – глухо отозвался старик, – вам нужны доказательства? Если бы я не был Архивариусом, я бы просто отправил вас в порт и забыл о вашем существовании. Знаете ли, нужно прожить несколько лет в нашем городе, чтобы научиться возвращаться извнеземелья, но даже это умение не гарантирует безопасности. Впрочем, выйдя отсюда, вы можете спуститься по бульвару на набережную и посмотреть на гуляющий там народ. Поверьте мне, в Южной Пристани всего один небольшой театр, и актеры не имеют привычки выходить на улицу в сценических костюмах. Кстати, в сентябре пройдет ежегодная Большая Ярмарка, где будут торговцы из разных миров, и там вы сможете собрать массу доказательств.

– Уважаемый Архивариус, приношу свои извинения, – Иван Семенович наклонил голову, приложив руку к груди, – но все, что вы говорите, кажется совершенно невероятным.

– И, тем не менее, это правда. Конечно, внешне Южная Пристань не отличается ничем примечательным – такие же богатые и бедные дома, широкие и узкие улицы, как в любом другом городе. Но живут здесь не только потомки согнанных на строительство крепости рабочих, осевших после окончания службы солдат и матросов, местных рыбаков и людей, волею судьбы попавших в эти края и оставшихся жить в этом прекрасном месте. Скоро вы сами сможете убедиться в этом, – улыбнулся Архивариус. – А началось все с достопамятного землетрясения, после которого и стали происходить всевозможные загадочные явления. Знающие люди говорят, что в городе даже, – не удивляйтесь. Вы ведь уже убедились, что попасть в город можно только по морю.

– Наша экспедиция как раз и прибыла, чтобы исследовать этот феномен, – задумчиво произнес Иван Семенович, – кстати, что вы о нем знаете?

– Ничего такого, что удовлетворило бы вас как ученого, – Архивариус снова усмехнулся, – многие люди полагают, что как раз после того страшного землетрясения, горная дорога, связывавшая город с остальной территорией страны, изменилась – долго петляя по горам, она приводит обратно. Вы ведь знаете, что такое лента Мёбиуса, с той только разницей, что, выйдя из города по Каменному Тракту на север, вы вернетесь по Охотничьему Проезду с юга. Конечно, находились смельчаки, которые пытались пройти напрямик через го-

ры, большинство из них сгинули навсегда, а те, что вернулись, замкнулись в себе и на все вопросы путано рассказывают о зеркальном тумане, висящем за третьим хребтом, или говорят, что ничего особенного не видели, а после нескольких дней пути оказывались вдруг около города...

– Невероятно! Надо будет проверить, – в глазах молодого ученого вспыхнул азартный огонек, – а, может быть, это магия? Вы же говорили, что она здесь действует

– Действует. Но вряд ли дело в магии, скорее, она – побочный эффект, – задумчиво и совершенно серьезно ответил Архивариус, – я однажды разговаривал с очень интересным человеком извнеземелья, так он назвал этот феномен сдвигом в пространственно-временном континууме. Я так толком и не понял, что это такое, хотя он пытался мне объяснить. А насчет магии вам лучше обратиться к Марфе-гадалке – она живет на Большой Рыбацкой улице и знает всех магов в городе.

– Простите, – смущенно произнес Иван Семенович, – кажется, я опять неудачно пошутил.

– Зато я не шучу, – нахмурился Архивариус, – полагаю, я рассказал вам достаточно, чтобы не наделать глупостей и выжить в нашем гостеприимном городе. Прощайте.

Молодой ассистент профессора не успел ничего ответить и с изумлением увидел, как старик медленно растворился в воздухе. Настольная лампа пару раз мигнула и погасла. Иван Семенович Истров не был трусом, но ему вдруг стало невыносимо страшно, и он опрометью бросился к выходу.

Валерий Цуркан

Кузнец

Кузнец поднял молот и звонко ударил по заготовке, которую держал подмастерье.

– Здорово у вас получается, дядь Мих! Эвон как плющите с одного удара!

Миха, здоровенный мужик, грудная клетка которого по объему была никак не меньше кузнечных мехов, снова размахнулся молотом. Удар - искры посыпались в разные стороны, и заготовка приняла вид, чуть более похожий на казацкую шашку.

– Тут, Витька, главное не сила, хотя куда кузнецу без нее? Надо знать какой сплав для чего лучше всего подходит. Из чего хорошая шашка выйдет, из того доброго меча может и не получится. А еще надо силу свою знать. Где-то посильней приложить, где-то нежно, будто женщину гладишь.

Кузнечное дело – ремесло древнее и уже вроде не совсем нужное, но к Михаилу Стожарову люди ходили всегда. Кому-то подковки, кому-то крючки рыбальные, но славился он главным образом как производитель элитного холодного оружия. Шашки, сабли, турецкие ятаганы, палаши и даже многие виды древнего оружия ковал этот чудо-кузнец. Без заказов не оставался.

Так и на этот раз, начальник порта передал ему рисунок, вырванный из книги, где был изображен французский мушкетер со шпагой, в огромной шляпе с торчащим из неё длинным пером. Миха как раз закончил работать над шашкой для командира казачьей сотни.

– Господин желает такое же оружие, как у этого мусью. Они на днях книжку прочитали, им очень понравилось и хотят научиться фигтованию. Сможешь сделать?

– Отчего не сделать? Я так думаю надо пару сделать?

– Зачем пару? – не понял посыльный. – Господин ничего о количестве не говорил.

– Для фехтования всегда пара нужна, если он не перед зеркалом будет, – пояснил Михаил. – А тем более для учебы напарник обязателен.

Посыльный ушел, оставив рисунок и задаток за работу в объеме пяти рублей.

Миха стал поучать Витьку, какова должна быть хорошая шпага. Не один день уйдет на ее изготовление. Надо несколько раз калить клинок по специальному рецепту, тайну которого знает только Михаил Стожаров. После этого шпагу можно будет завязать на узел, через неделю развязать – и она распрямится, не показав никаких признаков деформации.

Раздув как следует огонь, Михаил дождался когда сплав станет жидким и велел Витьке слить его в желоб. Красная, пышущая жаром, тягучая жидкость потекла в форму. Когда металл стал застывать, Миха коротко кивнул и Витька, подхватив сформовавшуюся массу длинными щипцами, и поставил перед кузнецом.

– Начали! – сказал Миха и легонько ударил маленьким молотком по еще

мягкой, податливой стали.

Та глухо отозвалась, без звона, она еще была вязкой. Он пристукнул еще раз и вдруг услышал очень громкий звук, слишком громкий для такого слабого удара. Стены кузницы пошатнулись и Миха даже подумал, что он не рассчитал силы, ударив чересчур мощно. Закачалась южная стена и вдруг рухнула, обсыпав пол битым кирпичом. Поднялась пыль, и сквозь пелену Миха увидел, как раскололся прочный кузнечный горн, из которого выплеснулись остатки расплавленного металла и едва не обожгли его и стоявшего рядом Витьку. Схватив помощника под локоть, кузнец отпрыгнул в сторону и отбросил молоток.

– Что? Что это? – Витька испуганно смотрел на дымящуюся красную лужу застывающего металла.

Из разрушенного горна продолжала вытекать струйка металла, поджигая рассыпаную ветошь.

Миха сгреб растерявшегося Витьку в охапку и выбежал на улицу и только там понял, что произошло.

Едва только они оказались под открытым небом, кузница задрожала и сложилась будто карточный домик. Булыжная мостовая под ногами взбугрилась и дышала словно живая, то поднимаясь, то опускаясь, отчаянно при этом охая.

Землетрясение – частый гость в этих краях, но такого сильного Миха никогда не видел. Земля стонала и гудела, воздух был наполнен громкими звуками – скрежет падающих балок, буханье лопающихся стекол, крики перепуганных людей. Лошадь с запряженной в нее бричкой, дико выпучив глаза, со слетающей с губ пеной, пронеслась мимо кузнеца и умчалась в порт. Витька хотел было броситься за ней, но Михаил удержал его.

– Сдурел что ли?

– Ее же остановить надо было! Она же в море свалится!

– Неча лошадь жалеть, когда люди гибнут.

И тут они оба увидели как стена соседнего дома взорвалась осколками кирпича. Миха готов был поклясться, что это больше похоже на прямое попадание артиллерийского снаряда, коих он немало перевидал в русско-турецкую. Но сразу сообразил, что снаряд, выпущенный из корабельного орудия причинил бы куда больше разрушений, чем то, что они только что увидели. Разве что ядро на такое способно.

Он бросил взгляд в море и вдруг увидел на рейде множество парусов. Такое количество парусных кораблей в одном порту он не встречал никогда. Это было похоже... Да, это было похоже на осаду Южной Пристани турками, только тогда порт обстреливали не парусники, а тяжелые броненосцы.

Над одним из кораблей взвилось облачко белого порохового дыма. Несколько секунд спустя еще одно. Затем еще. Парусная эскадра обстреливала Южную Пристань. Но и это было далеко не все – землетрясение еще не закончилось, земля продолжала дрожать. А Миха прекрасно знал, как дрожит земля при землетрясении и как – во время артиллерийского обстрела. Сейчас было понятно, что на город навалились сразу обе напасти. Вот только неясно откуда бы взяться парусникам? Нет, сейчас, конечно их еще много, но любому понятно, что на такую эскадру и со всего мира не наскребешь.

Рядом шарахнуло, крыша дома проломилась и из распахнутой двери на

вспученную мостовую выкатилось тяжелое ядро. Миха посмотрел на вражескую эскадру и даже не попытался угадать каким кораблем оно было выпущено.

Зачем-то подобрав оказавшуюся под ногами шашку, предназначенную для командира казачьей сотни, он схватил Витьку за руку и бросился вниз по улице. Туда, где недалеко от порта находилась батарея береговой охраны, которая, судя по редким и нестройным звукам, открыла ответный огонь.

Люди реагировали на происходящее по разному. Кто-то истерически орал в продолжительном ступоре, кто-то бежал в горы, в которых надеялся укрыться от вражеских ядер, и лишь офицеры да солдаты короткими перебежками продвигались к порту. Михаил узнал среди них казаков, командиру которых он только что отковал шашку. Были среди них и матросы береговой охраны, свободные от смены. Они что-то кричали, но их голоса просто вливались в общий фон этой дьявольской какофонии.

Вокруг рушились дома, сыпались с неба чугунные ядра, весь мир скрежетал зубами и этот скрежет, эти хлопки и крики врывались в сознание, и без того перевернутое произошедшим. Миха продолжал волочить за собой Витьку, в одной руке держа шашку и, боясь кого-нибудь задеть, размахивал ею над головой, как верховой казак в кавалерийской атаке. Он тоже кричал, но не слышал своего голоса, обычно такого громкого, что мог перекрыть даже востовую пушку, выпаливающую каждый полдень заряд пороха в сторону моря.

Когда они добежали до порта, трясти перестало, но пушечная канонада продолжалась. Орудия береговой охраны, рассчитанные на бой с броненосцами, справлялись с парусными кораблями как с игрушками. Но ядра, несмотря на малую эффективность, все-таки принесли городу весьма ощутимый урон. Наибольший вред нанесло землетрясение – город был похож на картину, которую Миха видел в прихожей начальника порта, когда принес ему выкованный стилет. На той картине был изображен конец света – разрушенные дома, бегущие люди.

Витька наконец пришел в себя и, приблизив губы к уху кузнеца, что было сил заорал.

– Дядь Мих, что это такое?

– Землетрясение, Вить, – так же прокричал Михаил, благо природа успокоилась и теперь можно было докричаться друг до друга сквозь шум морского сражения. – Правда, очень уж сильное.

– Это я и сам понял. А парусники откуда?

– Понятия не имею. Может мираж?

На некоторое время установилось затишье и только сорванный голос Витьки прозвучал в беспокойном воздухе.

– А ядра тоже мираж? – спросил он и тут же рядом шлепнулось тяжеленное ядро и наполовину впаялось в мостовую.

– Твоя правда, Витя. Не знаю, откуда им взяться. Разве что турки снова на нас войной пошли.

– У них тоже давно на паровые машины перешли, а некоторые корабли, говорят, новые двигатели используют, нефтяные.

– моторы Дизеля, – уточнил Миха. – Нет сейчас таких кораблей у турков. К Тому же, знамена у них не турецкие. Французы это. Так ведь мы с ними уже два века морей не делили. И опять же, почему парусники? Ни черта не

пойму! Пойдем, у солдат узнаем.

Они подошли к группе солдат, столпившихся у развороченного пирса. Канонада утихла, обе стороны были будто удивлены внезапно возникшей перепалкой.

Один из казаков показал рукой в море.

– Глядите! – воскликнул он. – Что это там?

В море, действительно, происходило что-то странное. Небо над неприятельской эскадрой озарилось мерцающим сполохом, переливающимся разными цветами. Паруса задрожали будто фантомы и стали медленно растворяться в воздухе. Набежавшие тучи заплакали дождем и корабли затерялись в его пелене. Михаил подобрал оброненный кем-то из офицеров бинокль с выдвинутой правой линзой и поднес его к глазам. Свечение в небе резануло по зрачку и едва не ослепило – он сразу перевел бинокль на линию горизонта. Эскадра исчезла. На беспокойных волнах близ порта покачивались обломки мачт с остатками такелажа на уцелевших реях, обрывки парусов, бочки, доски. Среди плавучего хлама Михаил заметил чудом уцелевшую лодку с человеком, который отчаянными взмахами весел греб к берегу, словно пытался избежать соприкосновения с тем странным переливчатым свечением, которое теперь начинало опускаться к барашкам волн. Куда подевалась эскадра, никто и догадаться не пытался. Может быть, она была миражом, но разве миражи стреляют по портам чугунными ядрами? И это свечение, какова его природа? Михаил видел подобное явление, но в этих широтах его никогда не замечали, и при этом оно возникало лишь высоко в небе, оно рождалось выше туч и не опускалось так низко.

Между тем с берега послали уцелевший паровой катер, чтобы схватить гребца и подробно расспросить его о том, что это за эскадра, откуда она взялась и куда делась. Михаил, воспользовавшись суматохой, пробился к командиру казачьей сотни, ведя мальчишку за собой на буксире.

– Ваша шашка, господин есаул! – громко сказал он.

– Что? – человек в порваном на спине мундире обернулся и непонимающе посмотрел на кузнеца.

– Шашка ваша, готова, говорю!

– А, кузнец? Вишь чего творится? – казачий капитан взял в руки шашку, повертел ее перед собой.

– Ножны тоже были, – сказал Михаил. – Погребены под рухнувшими стенами кузницы. Жаль, хорошие ножны были. Хорошо хоть шашку спас.

– Брось! – отмахнулся есаул. – Ты, как бывший военный человек, прекрасно понимаешь, что не до шашки сейчас.

– Господин есаул, у меня к вам просьба. Примите меня в свою сотню. Кузницы моей уже нет, а город, я чувствую, надо будет оберегать от врагов.

– От каких врагов, кузнец? От того матроса в лодочке? От своих же оберегаться будем, от тех, кто любит суматохой пользоваться, от мародеров.

– Мальчонку надо оставить матросам для присмотра.

– Присоединяйся к нам. На вот, тебе оружие, – есаул протянул ему шашку. – Но потом отдашь. Как порядок в городе наведем, новую кузницу справим, так и вернешь. В ножнах. Ну, мальчишку к матросам отведи и вертай назад. Если не все кони пропали, так и тебе какую клячку подыщем.

Кузнец вытащил из кармана картуз, расправил его, надел на голову, по-

солдатски браво козырнул и побежал в порт. Когда Михаил с Витькой добрались до батареи береговой охраны, паровой катер уже вернулся с подобранным матросом. Кузнец, вместо того, чтобы вести мальчика в матросские казармы, подошел поближе к пирсу и увидел маленького человечка в странной одежде. Это был не матрос, но и на офицера он не был похож. Скорее всего, судово- вой врач, или кто-нибудь из исследователей, которых часто принимали на борт военные корабли, когда шли в далекие страны. Одет он был в устаревший камзол, каких сейчас не носят и старинную смешную шляпу с намокшим, и оттого отяжелевшим пером, повисшим, как ус погрустневшего гусара. При виде этой шляпы сразу вспомнился рисунок, по которому он должен был сделать шаг для начальника порта.

Михаилу захотелось узнать, кто это такой и он пробился сквозь толпу солдат и матросов к катеру. Когда маленького человечка в странной одежде повели на допрос, оказалось, что допрашивать его негде – штаба уже не существовало, равно как и многих других построек. Решили отвести его в казарму, что кузнецу было только на руку – и об этом странном человеке узнает, и мальчишку пристроит. Михаил вошел в казарму, вталкивая перед собой Витьку. Большинство матросов и офицеров его прекрасно знали, он не раз справлял им и подковки и ножи да кортики и поэтому его никто не остановил.

Человека с неизвестной эскадры, атаковавшей Южную Пристань, начали допрашивать на русском языке, но он не понял ни слова. Офицер перешел на французский и маленький человечек сразу ответил. Михаил неплохо знал этот язык, в молодости ему довелось побывать во Франции, когда он служил матросом на русском пароходе "Витязь".

- Как вас зовут? – спросил офицер.
- Никола. Никола Миньон.
- Ваше подданство?
- Парижское Королевство.
- Франция?
- Да, мсье. Но, боюсь, не та Франция, о которой вы говорите.
- Как прикажете понимать ваши слова, господин Миньон?
- Я и сам не знаю. Другая Франция, другой мир. Как-то так.
- Изъяснитесь понятно. Что значит другой мир?
- То и значит. Я живу не в той Франции, о которой вы думаете. Наш флот шел войной не на ту Россию, в которой живете вы. Понимаю, что это звучит более, чем глупо, но это так.
- Вы не ответили на мой вопрос.
- Я ответил как мог и другого ответа бы не услышите.
- Хорошо. Продолжим беседу. Ваш флот, состоящий из парусных военных кораблей, совершил атаку на Южную Пристань. Скажите, почему не использовали современные корабли?
- Южная Пристань? Наши корабли начали обстрел Семигорска, а в итоге вышло, что это Южная Пристань. Забавно. А насчет современного оружия, могу сказать только то, что наше оружие самое совершенное – для нас. В вашем мире оно считается устаревшим. Понимаете, наш флот будто попал в будущее. И не просто в будущее, а в несколько другой мир. Такой, каким наш мир скорее всего, никогда не станет.
- Не совсем понятно, ну да ладно. Какую должность вы занимали в ва-

шем флоте?

– Никакую. На корабле я был как частное лицо, а вообще я – географ.

– И пока последний вопрос. Где вы живете?

– Где я жил, вы хотели сказать? В Марселе. Но уверен, что в этом мире я - бездомный скиталец. Никола Миньон – бездомный скиталец.

– Стало быть, Никола Миньон – Ни Кола Ни Двора, – с усмешкой сказал Михаил.

Француз его услышал, но разобрал только свое имя.

- Стожаров, ты откуда здесь взялся? – спросил его офицер.

– Мальчишку я к вам привел. Оставьте его пока у себя, а я казачкам помогу порядок навести.

Офицер распорядился принять Витьку и приказал кузнецу покинуть казарму. Михаил задержавшись у выхода, успел подслушать разговор со странным французом.

– А куда, собственно, скрылся ваш флот, господин Миньон?

– Этого я знать не могу. Мы приближались к осаждаемому нами Семигорску...

– Нет такого порта на этом побережье, любезный, – перебил француз офицер.

– Этот порт должен быть в Российском Триединстве.

– Где?

– Российское Триединство, государство, с которым конфронтирует Парижское королевство.

– Ладно, вы Францию Парижским королевством называете. Но причем тут триединство?

– Бог, Царь и Народ. Это не я придумал, ваше же правительство и объявило о переименовании государства. Но уточню уже в который раз два государства, ваша Россия и та, у которой идет война с моей родиной - находятся в разных мирах.

– Как понять ваши слова?

– Сейчас поясню. Когда мы подошли к порту Семигорска на пушечный выстрел, все было на своих местах. Мы открыли огонь по фортификационным укреплениям и в этот момент произошло нечто, что объяснить я не в силах. Море вдруг всколыхнулось, волной окатило корвет, на палубе которого я стоял и вдруг я увидел, что город уже разрушен. Понимаете, было произведено всего по несколько залпов с каждого корабля, а город уже пребывал в таком состоянии, будто мы долбили по нему целую неделю. Но я сразу понял, что тут что-то не так. Ведь я географ, первым делом я обращаю внимание именно на подобные вещи. Это был не тот порт, к которому мы подходили. Несмотря на то, что город был почти разрушен, я увидел, что башни укреплений расположены не так, как были. Остатки церкви находились в другом месте, где минуту назад она стояла, да и общие очертания береговой линии сильно изменились. В общем, я сделал вывод, что наш флот в результате какого-то явления перенесся в иной мир. Идея сумасшедшая, согласен, но другой придумать не могу. Возможно, виной тому это таинственное свечение, которое вы прекрасно видели. Но, скорее всего этот мерцающий свет – всего лишь побочный эффект землетрясения, которое у вас произошло. Верите мне, господа, или нет, но я сказал всю правду, так, как я ее вижу. В моем рассказе, кстати, и ответ на во-

прос – куда исчез флот. Вероятно, его выбросило назад, в нашу реальность.

Дальше слушать Михаилу не дали и вытолкали на улицу. Там он столкнулся с посыльным начальника порта, мундир на нем был измят и грязен.

– Сделал? – вдруг спросил посыльный.

– Что сделал? – опешил Михаил.

– Шпагу. Шашка, вижу, уже готова.

– Какая к бесу шпага? От кузницы только крыша и осталась. А где Семен Иваныч?

– Я и сам его ищу.

– Увидишь, передай, пусть в казармы матросские зайдет. Странные вещи творятся в нашем городе.

Кузнец, переложил шашку в левую руку, пожал мягкую ладонь посыльного и ушел искать казаков.

С высоты разрушенного города море казалось пшеничным полем, колышущимся на ветру. Михаил понимал, что произошло нечто, неподдающееся пониманию, что это выше его представления о мире. Он смутно понимал – в связи с землетрясением что-то произошло со временем, времена будто перетасовались. К тому же его мир соприкоснулся с другим миром, более справедливым – ему понравилось название его родины в другой вселенной, российское триединство. И понимал он так же то, что теперь все изменилось – мир съехал с накатанной колеи, город никогда не станет прежней Южной пристанью. Отныне здесь будут происходить странные, непонятные вещи, с которыми людям еще предстоит столкнуться.

Михаил взглянул в небо, тучи рассеялись. Вдруг он увидел серебристую птицу, которая, широко расправив крылья, летела не размахивая ими и сверкая огнями. Мгновение – и она исчезла. Мираж это был, существо из другого мира или машина далекого будущего – он не знал.

Оставалось только жить в этом новом мире, надеясь, что когда-нибудь все вернется на круги своя. Или привыкать к новому миру подобно колонизаторам. Потому что этот мир перестал быть прежним.

Увидев впереди казаков, разбирающих завалы городской канцелярии, он поспешил к ним на помощь.

Валерий Цуркан
Дым отечества

Утро было пасмурным. С моря тянул холодный ветер, наступала осень. Несмотря на то, что город находился на берегу теплого Черного моря, в сентябре вдруг резко похолодало, чего раньше в этих краях никогда не случалось. Погода здесь всегда была ласковой, особенно осенью, недаром многие богатые чиновники приезжали в Южную Пристань именно в сентябре-октябре, отдохнуть от промозглого Петербурга. Но в этом году природа распорядилась иначе – ветер сиплым голосом пел северную песню, он согнал тучи со всех концов и наверно скоро пойдет дождь, такой же ледяной и унылый, как в Питере. Что тут поделаешь, недавнее землетрясение изменило мир до неузнаваемости. Но теперь не до погоды – весь белый свет будто сошел с ума и не собирается приходить в себя.

Михаил Стожаров стоял на деревянном причале и смотрел в пустующее море – на рейде не было видно ни одного корабля. Рядом с ним – Витька, такой же растрепанный как всегда, в распахнутой ватной телогрейке и дырявой тельняшке, прикрывающей его крепкое тело. Витька был юн, но выглядел намного старше своих пятнадцати, иной раз в темноте его принимали за мужика.

– Дядь Мих, а что, больше уже никогда не будет как раньше? – спросил он, вглядываясь в серый горизонт, надеясь увидеть хоть один корабль.

– Не знаю, Витька, не знаю, – слова кузнеца тяжело скатывались с его губ и падали на деревянный помост как чугунные ядра. – Может, все и вернется на свои места, но когда? Теперь нам надо привыкать к другой жизни, а не плакать по поводу старой. Тот, кто будет жить одними воспоминаниями, так и сгинет, сидя у печи. Сидеть сложа руки и стонать – это, Витька, не для нас.

Горизонт уже который месяц был чист – ни паруса, ни дымка. Ничего и никого. Михаил развернулся к бухте спиной и зашагал в сторону города. Витька, постояв немного, поспешил за ним.

С момента землетрясения минуло полгода, но за это время в Южную Пристань зашло всего только три парохода, но и те, увидев, что здесь творится нечто странное, задерживаться в порту не стали. Слухи разлетаются по миру со скоростью мысли – Крабовую бухту, некогда забитую кораблями, стали избегать, боясь столкнуться с расплотившейся там нечистью. Два сторожевых пароходика, приписанные к Южной Пристани, затонули спустя несколько дней после катастрофы – разбились на рифах у берега. Никаких рифов на лоцманских картах отмечено не было и неизвестно откуда они появились. Умные люди говорили, что во время землетрясения изменился ландшафт морского дна, правда, Михаил не понимал, как это могло произойти. Что бы там ни было, а посетить соседний порт они не могли, не на утлых же рыбацких баркасиках плыть – на них просто от берега отойти и то страшно.

Кузнец быстрым шагом шел к казачьим казармам. Теперь он не был кузнецом, он снова в строю. Он надеялся, что это ненадолго, – вот разберутся они с нечистью и вернется он к своему любимому горну. Новую кузницу, которую построили взамен разрушенной, он отдал в распоряжение Витьки. Когда тот узнал об этом, то взволнованно спросил.

– Дядь Мих, а я смогу? Я же только ученик. Боязно.

– Ты не просто ученик, – ответил Михаил. – Ты ученик Мишки Стожарова. Сможешь. Гвозди клепать и дурак сможет, а ты станешь мастером. Подбери себе в подмастерье толкового пацана, только смотри, мои тайны ему сразу не открывай. Сначала присмотрись к нему. Если он способный малый, тогда можешь приоткрыть ему самую малость. Когда у меня будет время, я тебя еще кое-чему научу.

На Большой Рыбацкой улице они разошлись в разные стороны – Михаил двинул к виднеющимся вдалеке казармам, а Витька повернул к кузнице. Перед входом в казарму кузнец столкнулся с французом. Никола Миньон казался ребенком по сравнению с огромным, жилистым Стожаровым.

– А, Никола, – Михаил кивнул французу и хотел было пожать ему руку, но тот сжал ладонь в кулак и спрятал за спину.

– Вы мне в прошлый раз едва руку не сломали – ответил он.

– Я хотел с тобой поговорить, – Михаил отвел француза в сторону.

Они остановились под платаном. Ветер шелестел в ветвях, покачивая дерево, тень которого плясала на стене казармы. Никола молчал, дожидаясь, пока кузнец начнет говорить. Михаил положил ему руку на плечо и сказал:

– Коля, как ты думаешь, можно ли попасть тебе назад, в ту Францию, о которой ты мне рассказывал?

– Даже и не знаю, что сказать, мой друг, – француз хитро улыбнулся.

– А ты подумай, и скажи.

Они беседовали на диковинной смеси русского и французского. Кузнец умел сносно говорить по-французски, а француз за полгода немного освоил русский.

– Я не уверен, что вы, Мишель, печетесь о моей дальнейшей судьбе. Мне кажется, что вам просто хочется попасть в ту Россию, в которой вы никогда не были.

– А хоть бы и так! – Михаил сжал плечо Никола так сильно, что тот, поморщившись, сбросил его руку.

– Я всего лишь географ, Мишель, я не знаю природы произошедшего сдвига.

– Какого еще сдвига?

– Это я так, для себя назвал то, к чему привело землетрясение, – Никола махнул рукой, показывая на город и намекая на разрушения и не только на них, вернее вовсе не на разрушения он намекал. – Что-то сдвинулось с места – пространство ли, время ли, или и то и другое, но сдвинулось основательно. И причем, как мне кажется, только в районе Крабовой бухты, как вы называете бухту Солнечную. Кто знает, откуда здесь стала появляться вся эта нечисть, кто знает, куда пропадают жители Южной Пристани? В данный момент Бухта похожа на перекресток миров, а все эти вурдалаки и ведьмы, на которых вы со своими казаками стали охотиться, просто жители другого мира. Может быть, они так же пропали без вести в порту своего города, как исчезнувшие жители Южной Пристани. Может быть и так, что ваши рыбаки, которых вы уже и искать перестали, оказались в другом мире и их там приняли за оборотней.

– Путано ты говоришь, географ, но я кое-что все же понимаю. Так ты не знаешь, как вернуться назад? Если честно, то вскружил ты мне голову рассказами о Российском Триединстве, прямо как барышне вскружил. Очень уж

хочется посмотреть мне на государство, где нет обиженных. Даже и не верится, что такое возможно – мир и благодать для всех, никто не обижен ни Царем, ни Богом. Такое же только в сказке может быть. И зачем только твой король на Россию войной пошел?

– Ну, на это ответить я могу. От большого пирога кусок откусить желающий всегда найдется. Не Парижский Король, так Византийский Паша или Римский Император, кто-нибудь обязательно это бы сделал. Слишком уж вкусный пирог, а у столь большого государства, каким является Российское Триединство, просто не хватает сил, чтобы охранять отдаленные от центра границы. Вот и нападают на вас все кому не лень. – Никола замолчал, почесал ладонь, посмотрел на огромную кисть Михаила и усмехнулся. – А насчет того, как мне попасть домой я долго думал, кузнец, и мне пришла в голову такая мысль: самые странные вещи происходят именно в порту. Здесь и люди пропадают, и появляются различные твари, неизвестно в каком мире обитающие. Это значит, что именно там находится дверь в мой мир. Но не только в мой – все эти крыланы, все эти оборотни и ведьмы, это обитатели не моей земли. Скорее всего, они попадают в Южную Пристань из разных вселенных. И если я даже найду эту дверь, то нет гарантий, что, пройдя сквозь нее, я окажусь в Парижском Королевстве, а не в царстве крылатых и зубастых тварей. Но если ты очень хочешь увидеть Российское Триединство, то мы можем попробовать.

– Хочу! – едва не выкрикнул Михаил. – Хочу увидеть государство, в котором справедливы и царь, и бог, и сам народ. Даже и не верится, что такое возможно.

– Тогда начнем отслеживать те места, где появляется нечисть. – сказал Никола. – Там, где выходят те, кого вы называете ведьмами и ведьмаками, упырями и вурдалаками, может быть, и находится дверь, но куда она ведет?

Громкие крики и глухие звуки шагов заставили прервать разговор. Несколько людей топали в сторону порта и тяжело дыша, перекидывались словами.

– Вон там! Я видел!

– Он со стороны порта шел!

– Не один, несколько их, с ними собака была!

Из казармы посыпали казаки как горох из опрокинутой банки. Они бежали, на ходу крепя пояса с ножнами и закидывая ружья за спины.

– Что там произошло? – схватив молодого чернявого казачка за рукав, спросил Михаил.

– Кажись, опять нечисть поперла!

Михаил, забыв о французе, побежал вслед за казаками. Никола остался стоять в тени под платаном, глядя в спину бегущему кузнецу. Невдалеке от казармы, у коновязи, нервно фыркали кони – верный признак того, что рядом находится нечисть. Кони начали дергаться и брыкаться, столбы, к которым они были привязаны, того и гляди рухнут. Они кого-то очень сильно испугались. Кто это был – упыри, вурдалаки или еще кто из нечистой братии, предстояло узнать.

Кузнец отвязал своего Кудлата, стоявшего под седлом с самого утра и запрыгнул на него. Конь, почуяв хозяина, несколько успокоился, но в сторону порта идти не хотел. Только после нескольких окриков он настороженно двинулся к морю. Кудлат фыркал, вертел головой, ржал, но подчинился воле че-

ловека. Вскоре он уже скакал галопом, а рядом с ним бежали его товарищи. Ножны при каждом скачке били коня по боку, подстегивая его.

Минуту спустя Михаил увидел отца Силантия. Тот стоял посреди дороги – один рукав рясы оторван, борода развевается на ветру, в руках бутыл со святой водой, которую он разбрызгивает перед собой. Все знали, что нечисть святой воды не боится, но сила привычки велика. Не брали упырей и молитвы, однако поп громко, нараспев читал "отче наш", потом затянул молитву богородице, хоть и понимал, что толку от этого чуть.

Люди поговаривали, что за грехи их бог отдал Южную Пристань дьяволу и тот, недолго думая, наслал на город своих тварей. Несколько пришлецов спокойно, будто не замечая священника, продолжали идти по дороге. Рядом с ними была собака, и Михаил порядком удивился – раньше появлялись только разные уродцы, то о трех ногах, то с одним глазом, то волки с петушиными головами, то вообще какие-то крокодилы. Но сейчас перед казаками стояли обычные люди, отличаясь от них только одеждой, а с ними была обычная собака, похожая на сенбернара.

– Отойди, батюшка, – крикнул есаул. – Отойди от греха подальше.

Шашка с легким "вжикон" выскользнула из его ножен и блеснула сталью в солнечных лучах.

– Руби их, братцы, – приказал он, и тотчас над головами казаков заблестело несколько полуденных солнц.

Поп, завидя подоспевшую помощь, сошел с дороги. Казаки тем временем приблизились к чужакам, помахивая шашками, и по команде есаула с гиканьем бросились на них. Кузнец хотел было их остановить, уж очень страшной показалось ему нападение казаков на собаку и нескольких безоружных людей, но не успел – в несколько секунд пришлецы были уложены вдоль дороги с отрубленными головами. Из кустов выбрался отец Силантий с бутылкой под мышкой. В бороду его вплелись веточки и листья, отчего он стал похож на лесного.

– Слава те, господи! Я уж думал, в одиночку с нечистой драться придется.

– Пошто так жизнью рискуешь, батюшка? – с укоризной в голосе сказал есаул. – Неровен час сожрут черти, а нам что потом без тебя делать? Да брось ты эту бутыл, коль в ней самогона ни капли нет.

– Водичка здесь святая, – заметил отец Силантий.

– То-то пользы от неё! – укоризна в голосе есаула сменилась едкой насмешкой.

И тут Михаил обратил внимание на то, что одного пришлеца не хватает. Собаки. Успела дать деру. И неизвестно, где она спряталась, и теперь ее навряд ли удастся найти – не отличить её от обычной собаки. Михаил даже подумал – а может быть, это и была обычная собака, а те пришлецы – обычные люди? Да нет, судя по реакции коней, судя по их мандражу, пришлецы это, кони пришлецов ужас как боятся. Михаил со злостью пнул камешек под ногами. Вот ведь нечисть хитрая пошла, под людей косить начала, думают, что мы пожалеем. А мы и своих не пожалеем, если надо, а тут всего лишь нечисть.

Вскоре подъехала бричка, на которую загрузили тела пришлецов и их отрубленные головы. Лошадь брыкалась, ржала, не хотела везти нечистых, но с ее мнением никто не считался. Тела чужаков отвезли на городскую свалку,

где и сожгли, облив керосином. Над городской свалкой вот уже полгода стояла удушливая вонь, запах горелого мяса, и туда даже бродячие собаки опасались подходить. А люди привыкли доверять своим питомцам - и кони, и собаки едва почувствовав иноземельцев, начинали вести себя так, что сразу становилось ясно - перед ними исчадия ада. Ведь псы даже прах пришлецов облаивали, а это о многом говорит.

Закончив с телами нечистых, казаки вернулись в казармы, оставив дозор в порту. Михаил уже знал, что твари не появляются одна за другой. Теперь можно ожидать их только к вечеру. Поэтому он решил навестить Витьку и проверить как идут дела в кузнице. Подышать расплавленным металлом, очиститься от скверны жаром кузнечного горна - он бы полжизни отдал за то, чтобы дожить остатки лет в своей кузнице. Но времена нынче не те, тяжелые времена, казаки только и заняты тем, что отлавливают нечисть, сжигают пришлецов на городской свалке. А кто кроме Михаила Стожарова поможет им? Ведь недаром он бывший вояка, и матросом успел побывать, и в пехоте не одну пару сапог износил. С кузницей и Витька справится, надо лишь следить за ним да советы давать. А у кузнеца сейчас работы хоть отбавляй - город почитай заново строится, одних ажурных перил сколько надо! Ага, ажурные перила - город почти разрушен, а богачам подавай ажурные перила да кованные заборы покрасивей. Да ладно, деньги платят, какая разница за что получать их? Хотя больше всего Михаил любил работать с оружием и Витьку на это натаскивал. Шашки, кортики, ятаганы, несколько раз даже двуручные мечи ковал, когда пошла мода на средневековые. А иногда кузнец и сам моду делал - изготавливает саблю турецкую и ну хвалить её перед посетителем. Тот, как услышит, что такая сабеля у самого градоначальника на стене в гостиной висит, и берёт её. А последним градоначальник гонцов своих присылает - "сделай и мне такую же, а то неловко, почему у всех есть, а у меня нет".

В кузнице Михаил отдыхал и душой, и телом. Скидывал казацкую одежду, надевал грязную робу, ставил в углу шашку и ружье и принимался за дело. Только теперь он не первым, подмастерьем теперь он был. А его ученик с каждым днем становился все искуснее, иногда даже свои идеи подкидывал, чем очень удивлял и радовал Михаила. И это было здорово - хороший ученик должен стать лучше своего учителя, иначе не будет никакого движения, прогресса не будет. До вечера Михаил провел в кузнице, а после собрался, дал Витьке несколько советов, похвалил за новые приемы и ушел в казарму.

Вечером, сидя на своей кровати, он задумался о сегодняшнем дне. Вспомнился и разговор с французом, и сожженные пришлецы, такие непохожие на прежних упырей. А ведь Никола, наверно, был прав - ведь может быть и так, что никакие это не вурдалаки, не упыри, а обычные люди, только из другой земли. Может быть, даже из Российского Триединства. Он повернулся к Ваньке Игнатьеву, здоровому борову сорока с лишним лет, который на службе вот уже лет двадцать. Иван лежал на кровати с закрытыми глазами, но Михаил знал, что он не спит.

— Вань, слышь? — сказал Михаил.

— Ну? — ответил казак.

— А ведь мы людей сожгли, не нечисть. Они ж, обычные люди были, только одеты не так как мы.

Иван открыл один глаз и покосился на кузнеца.

– А че ж ты, такой умный, сразу смолчал, че ж ты шашкой махал? – зло сказал он. – Думаешь, мне такие мысли на ум не приходили? Приходили, да только поздно, когда головы пришлецов уже в канаве лежали.

– И что же теперь делать? Так и будем убивать их? А что если это такие же люди? Только из другой земли пришедшие. Вот как наши рыбаки пропали, так и они пропали в своей земле. А представь, что рыбачков наших тоже где-то на кострах сжигают?

Иван поднялся и посмотрел на Михаила.

– Надо сначала попробовать поговорить с ними. Если разумные твари, то и нельзя им готовы рубить. – продолжал Михаил.

– Черти тоже разумные, вот только ведут себя не так как мы, да и думают о другом. Вот унесут эти пришлецы твою душу в ад, что тогда скажешь? О! – Иван поднял указательный палец, ткнув им в закопченный потолок. Но тут же плечи его опустились, роскошные казацкие усы завяли, стали как пожухлые травинки – Хотя, может, поэтому их и вода святая не берет, что не от дьявола они, а такие же божии создания, как и мы с тобой. А что собаки их боятся, так они на всех приезжих лают. – Иван вздохнул. – Плохо, если мы ошиблись. Представь, кузнец, сколько невинных душ тогда мы на небо отправили! С батюшкой поговорить надо.

– А что батюшка? – Михаил аж подскочил, ударившись головой о кровать второго яруса. – Такой же запуганный как и мы, так же ошибиться может.

– А это совсем плохо. Но что мы сделать-то сможем? – Иван выглядел совсем потерянным.

– Надо не убивать пришлецов, а поговорить с ними, – сказал Михаил. – Авось и договоримся. Толмач из меня плохой, я только по-французски немного могу, но уж жесты они наверно понимают.

– Надо есаулу сказать. Иначе за самоуправство нам самим головы снесут. Я сегодня к нему подойду после ужина, посмотрим, что он скажет.

Вечер и ночь прошли спокойно, пришлецов не было. Утром есаул собрал всех казаков и сообщил, что если снова попреет нечисть, и особенно, если они будут очень похожи на людей, то убивать их не следует, а надо попытаться поговорить с ними. Рубить головы только в случае угрозы со стороны пришлецов. Хватит средневековые разводить!

До вечера прождали пришлецов, но так и не дождались. К ночи выставили новый дозор, а казаков отправили в казарму. Когда Михаил возвращался, он отстал от остальных, его Кудлат неспешно переставлял ноги, мерно цокая копытами по булыжной мостовой, опустив голову и глядя под ноги. Грива его спадала на глаза и он иногда встряхивал головой. Казаки уже исчезли в конце улицы, когда Кудлат вдруг, всхрапнув, остановился и ударил по булыжникам передними копытами.

– Ну, чего ты, Кудлатка? – Михаил успокаивающе похлопал его по боку.

И вдруг он увидел ту самую собаку. Ту белую с рыжими подпалинами собаку, которая вчера сопровождала убитых казаками пришлецов. Она осторожно кралась вдоль дороги, прячась в кустах. Ничего странного в ней не было, собака как собака. Если вчера она спокойно шла посередине дороги, то сейчас старалась быть незаметной, чтобы и ей тоже голову не снесли.

– Эй, пес, – сказал Михаил и собака, напрягшись, остановилась и посмотрела в его сторону. У нее был затравленный вид, один бок испачкан спек-

шейся кровью, хвост поджат.

– Иди сюда! – позвал ее Михаил, спешившись и привязав коня к штакете покосившегося забора.

Кудлата такое соседство не устраивало, он нервно храпел, ржал, с его губ слетали белые хлопья пены.

– Поди сюда, – повторил Михаил.

Собака, прижав уши, медленно приблизилась к нему.

– И откуда же ты взялся, такой? – спросил кузнец.

Собака села у его ног и посмотрела в глаза. Взгляд ее был печальный, оно и понятно, казаки убили ее хозяев, а она не смогла их защитить.

– Ну, и как же мне тебя назвать? – сказал Михаил, присев перед собакой на корточки.

– Лопе де Пух, – вдруг услышал он.

Оглянувшись, кузнец удостоверился, что рядом никого не было. Говорила собака. Вернее, не собака, а пришлец по виду очень на нее похожий.

– Чего? – воскликнул Михаил, подскочив, и напугав коня.

– Лопе де Пух, это мое полное имя.

– Говорящая собака!

– Я не собака, вернее, я не собака в вашем понимании.

– И ты не послан дьяволом?

– Ни дьяволом, ни богом. Я сам по себе. Подрабатываю охранником и проводником. Ваши люди вчера убили моих клиентов. А ведь они только хотели наладить с вами контакт.

– Какой контакт?

– Рынок открыть в порту хотели, а вы их убили. И не только их, скольких до них угробили!

– А зачем рынок?

– Торговать. Только здесь могут собраться все внеземельцы, только в порту вашего города есть портал для всех миров.

– Портал? Какой еще портал? – Михаил даже забыл, что он говорит с собакой.

– Окно, или дверь, как вам удобней называть. Окон много и каждое ведет в один из миров внеземелья.

– А ты, значит, проводник?

Лопе де Пух кивнул.

– И ты, Лопух, знаешь, где находится Парижское Королевство, конфронтирующее с Российским Триединством?

Очередной кивок.

– И ты, Лопух, сможешь меня туда провести?

Еще один кивок.

– Ну так веди! Э, постой, а вывести назад в случае чего ты меня сможешь?

– Смогу, – сказал Лопе де Пух. – Для нас, представителей клана Неспящих, нет невыполнимой задачи. Правда, если вас там примут за нечисть, навряд ли я смогу спасти.

– Пошли! – кузнец поднялся на ноги. – Где находится дверь?

– Везде, – ответил пес. – Положите руку мне на спину. Вся беда Неспящих, что мы не можем путешествовать без спутников. Иначе я давно бы уже

вернулся домой.

Михаил почувствовал ладонью тепло живого тела. Несколько секунд спустя они оба растворились в сумерках.

***

Михаила Стожарова искали три дня. Нашли только его перепуганного Кудлата, привязанного к забору брошенного дома. На четвертый день кузнец появился в порту с огромной псиной, которую он называл Лопухом. Собравшимся вокруг казакам он рассказал, что с ним случилось, и объявил, что пришлецы никакие не исчадия ада, что они такие же божии твари, только другой расы, что нельзя их безнаказанно убивать. Они просто хотят мирно торговать - товара у них диковинного целое море.

– Был я, Коля в Российском Триединстве, дюже там хорошо. – сказал Михаил французу. – И если хочешь, могу тебя отправить в твое Парижское Королевство.

– А что же вернулся, раз тебе там понравилось? – спросил его Никола Миньон.

– Негоже наслаждаться красивой жизнью, коли дома такой беспорядок. Вот если бы добиться того, чтоб и здесь и царь, и бог, и народ едины были... Тяжело мне было все это время, пока я там отдыхал. В Российской Империи царит несправедливость, а я стало быть, дезертир, сбежал от трудностей. В общем, решил я вернуться.

Михаил отстегнул пояс с ножнами и вместе с ружьём отдал их есаулу. Развернулся и медленно побрёл к кузнице.

Дэн Шорин

Бутылочка профессора Клейна

Профессор вступил в Южную Пристань с севера, по Каменному Тракту.

Это само по себе уже могло стать сенсацией местного масштаба – после злополучного землетрясения город был отрезан от континента, и путники прибывали сюда только по морю, да «чертовыми вратами», как в обиходе называли пространственные аномалии. Профессору было «за пятьдесят», причём насколько сильно «за» не смог сказать даже намётанный глаз Павла Смельцова, служащего швейцаром в Гранд Отеле. Предупредительно распахнув дверь, Павел учтиво поклонился – за что тут же получил мелкую ассигнацию «начайных». Профессор подошел к стойке и опустил на пол туго набитый пехотный ранец из телячей кожи.

– Чего изволите-с? – словно по волшебству за стойкой появился сорокалетний управляющий Гранд Отелем Игорь Иванов в безукоризненно белой сорочке и галстук-бабочке. Излишняя, на взгляд Павла полнота, ничуть не мешала Игорю с соответствующим уровнем заведения изяществом принимать постояльцев. Вот и сейчас он широко улыбался, в полной мере демонстрируя профессору дружелюбие и открытость.

– Моё внимание привлекла ваша мансарда, правильно ли я понимаю, сударь, что там расположены апартаменты?

– Разумеется-с. Осмелюсь заметить, роскошные апартаменты, которые сейчас совершенно пустуют. Они будут стоить вам...

– Устраивает, – буднично сообщил профессор, оборвав управляющего на полуслове. – Поднимите наверх мою кладь.

– Как вас записать, сударь? – почтительно склонился Иванов.

– Профессор... – здесь он на секунду замялся. – ...Ричард Клейн.

– Родственник? – неожиданно заинтересовался управляющий.

– Всего лишь однофамилец. Не ожидал, что вы знакомы с трудами Феликса Клейна.

– Он читал мне в Гёттингенском Университете теорию чисел. Между нами, он единственный тамошний преподаватель, на чьих лекциях студентов не клонило в сон.

– Математика – это царица наук, – профессор указал пальцем в потолок. – К сожалению, нынешняя молодежь этого не понимает. Совсем не понимает.

– Всецело разделяю ваше мнение, сударь. Не сочтите за невоспитанность, что привело вас в наш городишко?

– Императорская Санкт-Петербургская Академия наук, пропади она пропадом. Оторвали от научных изысканий, предлагают исследовать здешнюю аномалию.

– Не вы первый, не вы последний, профессор Клейн. Академия наук, убедившись в своём бессилии, шлёт к нам самых разных специалистов: физиков, географов, ботаников... Даже специалист по оккультным наукам у нас как-то останавливался. Правда, надолго не задержался – на следующий же день отправился обратно в столицу, даже вещи оставил, даже ему наш порт не понравился. Надеюсь, сударь, вам повезет больше.

– Мне непременно повезет больше, – профессор натянуто улыбнулся. – Если вы не возражаете, я хотел бы пока прогуляться. Эти клёны на площади...

– Платаны.

– Не суть важно. Они напомнили мне интересную топологическую задачу, над которой я бы с удовольствием поразмышлял некоторое время. Вот недельная плата за апартаменты, – профессор положил на стол пачку ассигнаций. – Южная Пристань – красивый город.

Когда профессор вышел на улицу, Игорь Иванов кивком поздравил Павла.

– Что думаешь?

– Ты про профессора? По-моему, типичный чудака, с головой ушедший в свою математику. К тому же, не шибко преуспевающий, коли путешествует без ассистента, а вся его кладь уместается в армейский ранец.

– Вот именно, типичный. Я бы даже сказал архетипичный, такой, коими профессуру видят мещане. Слышал, как он удивился, когда я сказал, что знаком с трудами его однофамильца?

– Думаешь, врёт, и на самом деле никакой он не математик?

– Обрати внимание, сам он ни разу не сказал, что он математик. Хотя, полагаю, в математике он вполне себе разбирается.

– С чего ты взял? Тыкать пальцем в потолок, с умным видом заявляя, что математика – царица наук, могу и я.

– Он оплатил апартаменты ровно на неделю. Копейка в копейку, учитывая наценку выходного дня и пятничную скидку. Это притом, что стоимость номера я так и не назвал. Не прост наш профессор, ох не прост. Не удивлюсь, если он, помимо прочего, служит в Тайной канцелярии.

– Так она ж упразднена Александром Павловичем. Уж почитай сотню лет как упразднена.

– Это у нас упразднена, а в Триединстве, говорят, по сей день существует и даже процветает. Да и не одно Триединство на Южную Пристань завязано. Короче, присматривай левым глазом за профессором, дабы не стряслось чего. Знаем мы этих сумасшедших учёных.

Павел кивнул, и тут же выбросил профессора из головы. Подобные происшествия были в Южной Пристани нередки, светила мировой науки с завидной регулярностью пытались раскрыть тайну приморского городка, а агенты разведок всячески им в этом способствовали или препятствовали – в зависимости от гражданства и политических предпочтений пресловутых учёных. В сравнении с творящимся в порту ночью, шпионские игры были злом привычным, и горожане уже не шарахались от спящих по подворотням фигур в длинных плащах, под которыми при желании в разобранном виде можно спрятать даже аэроплан. Впрочем, профессор напомнил о себе следующим утром, когда смена Павла подходила к концу и первые лучи солнца уже освещали верхушки платанов. Он подошел к юноше и небрежно поинтересовался:

– Молодой человек, не желаете немного подработать? Мне нужен ассистент.

– А в чём будет заключаться моя помощь, и какое вы мне положите жалование?

– Мне нужен человек на посылках, который, помимо прочего, помогал бы мне во время проведения эксперимента.

Справедливо рассудив, что с позиции ассистента приглядывать за Ричардом Клейном сподручнее, да и лишние ассигнации никогда не помешают, Павел охотно согласился. Сразу по окончании смены он поднялся на мансардный этаж и постучал в дверь занятых профессором апартаментов.

Посещать апартаменты Павлу доводилось не раз – служащие Гранд Отеля частенько подменяли друг друга, и внутреннее убранство номеров не было швейцару в диковинку. Многослойные льняные занавески были отдернуты, пропускавая в номер потоки солнечного света. На кровати был небрежно набросан нехитрый скарб профессора, на столе стояли две гостиничные чашки с горячим сортовым чаем и блюдо с баранками, а на тумбе возвышалось некое подобие перевернутой хрустальной вазы. Хрустальное чудо привлекло внимание Павла – в списке имущества отеля оно не значилось.

– Если не ошибаюсь, это скульптура – творение кого-то из кубистов? – предположил он. – Брак? Или всё-таки Пикассо?

– Ошибаетесь, молодой человек, – профессор с трубкой в руках сидел в кресле в дальнем от окна углу и время от времени вдыхал в себя табачный дым, пуская забавные кольца. Взгляд Павла зацепился за странного кроля темный костюм, чуть мятый и провисающий с боков, но, тем не менее, изысканный. – К современной школе живописи и ваяния эта модель не имеет ни малейшего отношения. Присаживайтесь, угощайтесь чаем, баранками.

– Модель? – переспросил юноша, обнимая ладонями горячую чашку.

На его лице, по всей видимости, было столь явно нарисовано изумление, что профессор хмыкнул.

– Эта скульптура, как вы её назвали, ни что иное, как бутылка Клейна. Нет-нет-нет... Я не имею к её созданию ни малейшего отношения, она названа в честь Феликса Клейна, моего однофамильца.

– Не очень-то она и похожа на бутылку, – фыркнул Павел.

– Конечно, правильнее будет называть её «поверхность Клейна», – неожиданно согласился профессор. – Просто в немецком языке слово Fläche пишется почти так же, как и Flasche, вот и пошла путаница. Как вы полагаете, в чем особенность этой поверхности?

– Возможно, это какой-то топологический объект, – предположил юноша.

– Бинго! – профессор положил на стол трубку и захлопал в ладоши. Потом взял модель и неожиданно швырнул её в Павла. Юноша с трудом поймал статуэтку – она чуть не выскользнула у него из пальцев. – То, что вы сейчас держите в руках, является замкнутым двумерным

дифференцируемым неориентируемым многообразием. Проще говоря, односторонней поверхностью.

– Это как лента Мёбиуса?

– Мне приятно, молодой человек, что вы слышали про работы Мёбиуса и Листинга. Возможно, вы не совсем безнадежны.

Лицо Павла расплылось в улыбке. Профессор тем временем взял в руки чашку и с наслаждением стал прихлёбывать горячую жидкость.

– А ведь умели заваривать чай в российской глубинке, умели же...

– А эта односторонняя поверхность... – Павел сделал глоток горячего чая и закусил его мягкой баранкой, выпеченной в булочной мадам Щербы. – Чем она так примечательна?

Школьный учитель Павла пан Стименский был умнейшим человеком с точки зрения практической мудрости. К его чести, он щедро делился ей со своими учениками, вполне справедливо полагая, что мудрость не просто лучше знаний, но даже способна их заменить. Советам пана Стименского, Павел частенько следовал, потому что знаний таки не хватало. Так вот, пан Стименский любил говорить, что ежели вы увидели в учёном человеке страсть к определенной области науки, с явным интересом спросите его о сей области, и доколе не расскажет всё, что лежит на душе, он не остановится, а вы заслужите почёт и уважение.

– Это из области гомотопических групп, молодой человек. Как бы это сформулировать нагляднее? Вот у вас в руках сейчас кружка и бублик. Несмотря на внешнюю несхожесть форм, они гомеоморфны. Потому что при минимальной трансформации поверхности мы из бублика можем получить кружку, а из кружки – бублик.

– А бутылка Клейна? Чему гомеоморфна она?

– Другой бутылке Клейна. Либо чему-то совершенно невообразимому, – профессор рассмеялся низким гортанным смехом. – Сделать бублик из неё не получится.

– А что получится? – спросил Паша, обескураженный неожиданным взрывом веселья профессора.

– Хотел бы я это увидеть.

***

Ещё мальчишкой Михаил Стожаров часами торчал в кузнице, наблюдая, как под тяжёлым отцовским молотом шипящий металл превращается в инструмент либо холодное оружие. Пойдя по стопам отца, он стал лучшим в городе кузнецом, а потом, с появлением разорившей конкурентов штамповочной мастерской, и единственным. Работал Михаил, в основном, с клинками. Сработать подкову – дело нехитрое, её и кузнечный пресс выдаст, а вот поди сделай на том же прессе казачью шашку, да такую, чтобы с одинаковым успехом гусиное перо и пехотный доспех разрубала.

Обычно заказов у Михаила собиралось немного. Оружие не терпит спешки, в него нужно вложить душу, только тогда оно не подведет владельца, станет ему и силой, и оберегом. Но после того как на рейде из странной дымки возник парусный флот, и одно из тяжёлых чугунных ядер снесло южную стену кузницы, надвое расколов кузнечный горн, вдруг выяснилось, что кузнец городу нужен. Справив с помощью казаков новую кузню, Михаил всерьёз взялся за работу, споро выполняя накопившиеся заказы. Одетый в кожаный кузнечный фартук, он методичными ударами разминал заготовку, когда в кузню вошёл Пашка Смельцов, племянник старого друга Михаила – Андрея Смельцова.

– Здравствуй, дядь Мих, – прокричал Пашка, стараясь заглушить ритмичные удары кузнеца.

– Будь здоров, пострел, – Михаил отложил молот и резким движением опустил заготовку в чан с водой. Будущая шашка пронзительно зашипела. – С чем пожаловал?

– Работа для тебя есть, дядь Мих! От питерского профессора, хорошо платит.

– Ну рассказывай, что за работа.

– Вот, – Пашка вынул из сумки сверток, разматал ветошь, и глазам Михаила открылась вычурная бутылка с изогнутой ручкой.

– Ежели ты помнишь, я кузнец, а не стеклодув, – сухо сообщил Михаил, скинул рукавицы, развязал фартук.

– Это модель, дядь Мих, – не смутился Пашка. – Профессор хочет, чтобы ты такую же стальную сделал. С медной, этой, как его, облёткой.

– Оплёткой, – поправил Михаил и протянул руку. – Дай погляжу.

То что Михаил сперва принял за бутылку оказалось скорее статуэткой – без дна и двух-слойной. Никакой функциональности, типичный образец современного искусства, вычурного и бессмысленного.

– И на кой она ему? – переспросил Михаил, внимательно разглядывая статуэтку.

– Опыты будет ставить, – тут же отозвался Пашка. – Он же не абы кто, учёный, его академия наук сюда прислала.

– Не он первый, не он последний. Многих она сюда присылала, токма толку нима. Не по зубам питерским академикам тайны Южной Пристани, ох не по зубам.

– Ну что, дядь Мих, сделаешь?

– Не, Паш, не потяну. Дюже она хитровыверченная. К тому ж у меня две шашки и кортик своего часа ожидают. Нехорошо это, наперёд оружия, экую финтифлюшку клепать. Да и не для кузни это дело, шибко много изгибов да заворотов. Да ты не тужи, сходи к жестянщикам в штамповочную, авось они сделают.

– Был я у них, – покаянно склонил голову Пашка. – Прости, что наперёд тебя пошёл, только и сам вижу, в кузнице такую красоту не сладить, слишком работа тонкая.

– Не, хлопец, «на слабо» меня не возьмёшь! – кузнец испытующе заглянул в глаза паренька, возвращая ему статуэтку. – Меня «на слабо» брать пытались, когда ты ещё титьку у мамки сосал. Слухай, а шёл бы ты к ювелиру, Семёныч такие вещи на раз делает!

Пашка радостно подпрыгнул и хлопнул себя ладонью по лбу:

– Я балбес! Спасибо, дядь Мих, к Семёнычу и пойду.

Когда Пашка ушёл, кузнец подошёл к колодцу, вытянул из него ведро воды, зачерпнул студёную водицу широкой мозолистой ладонью и щедро плеснул на лицо. Что-то не так было с этой пашкиной статуэткой, вот только что? Тяжело вздохнув, не от усталости, а от недоброго предчувствия, Михаил вернулся к работе, твердо решив вечером навестить архивариуса.

Архивариус был старше, чем любой другой житель Южной Пристани. Когда Михаил был ещё пацаненком и бегал с товарищами, по пустырям, играя в «казацкую вольницу», архивариус уже тогда был стариком. Никто в городе не называл его по имени, сначала из уважения к чину, а со временем имя отчество архивариуса просто забылись. Несмотря на известный указ императора Петра Алексеевича «сделать по две палаты каменные, от деревянного строения не в близости, со своды и полы каменными и с затворы и двери и решетки железными, из которых бы одна была на архиву, а другая на поклажу денежной казны», отдельной каменной палаты для хранения архива в Южной Пристани не нашлось. Ютился уездный архив в подвале канцелярии градоначальника. Полумрак подвала, вездесущая пыль и керосиновые лампы были тем сочетанием факторов, которые рано или поздно должны были привести к торжеству огненной стихии, но архивариусу каким-то чудом удавалось держать своё имущество в полной сохранности. Впрочем, в последние годы вместо керосинок архивариус использовал лампы Лодыгина. Одна, настольная, зачем-то была спрятана под плотный серо-зелёный абажур, приглушающий и без того тусклое свечение, а света второй, висевшей высоко под потолком, хватало только на то, чтобы высветить лохмотья потолочной паутины.

Когда Михаил спустился в подвал, Архивариус занимался своим любимым делом – корпел над какими-то важными документами. Прежде чем почтенный старец убрал книгу, кузнец успел рассмотреть на переплете надпись «The Wonderful Wizard of Oz».

– Чем могу быть полезен? – спросил Архивариус, поглаживая седые усы.

– Предчувствие у меня того-с. Нехорошее предчувствие, – замялся кузнец. В обществе Архивариуса он до сих пор ощущал себя мальчишкой.

– В наше время только предчувствиям и можно доверять. Что стряслось-то?

– Да Пашка Смельцов со статуэткой стеклянной прибежал. Просил такую же выковать, да медную оплетку к ней сделать. Говорит, профессор его послал, что из столичной академии прибыл.

– Стеклянную? С медной оплёткой? – Архивариус улыбнулся в усы. – Может, он лампу накаливания новую изобретает?

– Да нет, – кузнец стушевался. – Модель он принёс стеклянную. А копию стальную хотел заказать. С медной оплёткой. Выглядела она так, – здесь Михаил сделал волнообразный жест рукой, словно пытался вдеть нить в игольное ушко.

Архивариус извлек из конторки лист бумаги и карандаш.

– Рисуй.

Михаил схематично набросал стеклянную статуэтку. После первых же штрихов улыбка сползла с лица Архивариуса, дальше он сидел, наблюдая за работой кузнеца, насупившись, и

только в самом конце, когда на бумаге были изображены узнаваемые формы, коротко спросил:

- Уверен?
- Да.
- Похоже, твои предчувствия тебя не обманули. Это бутылка Клейна.
- И чего в ней военного? – спросил Михаил.
- Ты знаешь, что такое лента Мёбиуса?
- Имею представление, – сказал кузнец.

После злополучного землетрясения, когда в Южной Пристани начала твориться чертовщина, самая северная улица города, Каменный Тракт, замкнулась на южный Охотничий Проезд по принципу этой самой ленты Мёбиуса. Что произошло с топологией пространства в окрестностях города, никто не знал, однако с тех пор попасть в Южную Пристань стало возможно только по морю. Одновременно с этим в городе стали происходить всякие странности, изрядно потрепавшие всем нервы.

– Так вот, если сшить друг с другом две ленты Мёбиуса, мы получим эту самую бутылку Клейна, – выдохнул Архивариус.

- Думаете, профессор затеял что-то нехорошее?
- Я боюсь этого.

***

Топологический эксперимент решили проводить в порту ровно в полночь. Сколько не пытался Павел убедить профессора, что порт и днём-то опасное место, а ночью туда здраво-мыслящий человек вообще не полезет, учёный был непреклонен. Заявив, что эксперимент имеет смысл только в фокусе аномалии, он продолжил изучать при помощи лупы изготовленную ювелиром модель, по ходу дела цепляя на медную оплетку какие-то миниатюрные прямоугольные пластинки с множеством лапок. Павлу ничего не оставалось делать, как положиться на мадам фортуна, которая вот уже двадцать лет отводила от него все напасти, и завалиться спать в ожидании полуночи.

Проснулся он уже ночью, когда большой багровый диск луны заглядывал в окно, а заунывный пронизывающий вой ветра пробирал до костей. Профессор уже собрал ранец и теперь курил трубку, наполняя апартаменты едким табачным дымом.

- Как спалось? – спросил он Павла, выбивая пепел в корзинку для мусора.
- Ещё не понял.
- Тогда собирайтесь, науку будем двигать.

Они шли по ночным улицам Южной Пристани, и по мере приближения к порту в душе Павла рос беспричинный панический страх. Профессор Клейн был, напротив, весел, он насвистывал какой-то незатейливый мотивчик, не обращая внимания на клубящийся вокруг порта туман, да странные тени, скользящие в подворотнях. Профессор начал казаться Павлу демонической личностью, одним из прислужников Люцифера. В какой-то момент страх победил жадность, и юноша решил плюнуть на обещанное вознаграждение – своя-то жизнь дороже. Профессор уловил настроение Павла и тут же достал из ранца пистолет – странный, приплюснутый, иностранного производства. Какая держава выпускает подобное оружие, юноша не знал, слишком необычны были его контуры. Как ни странно, с появлением пистолета страх отступил – налицо была не чертовщина, а всего лишь шпионские игры. Профессор пропустил Павла вперёд, держа пистолет наготове. Юноша не сомневался, Клейн выстрелит при малейшей попытке к бегству, он знал этот тип твердолобых фанатиков, прочно закрепившихся в научных кругах и спецслужбах.

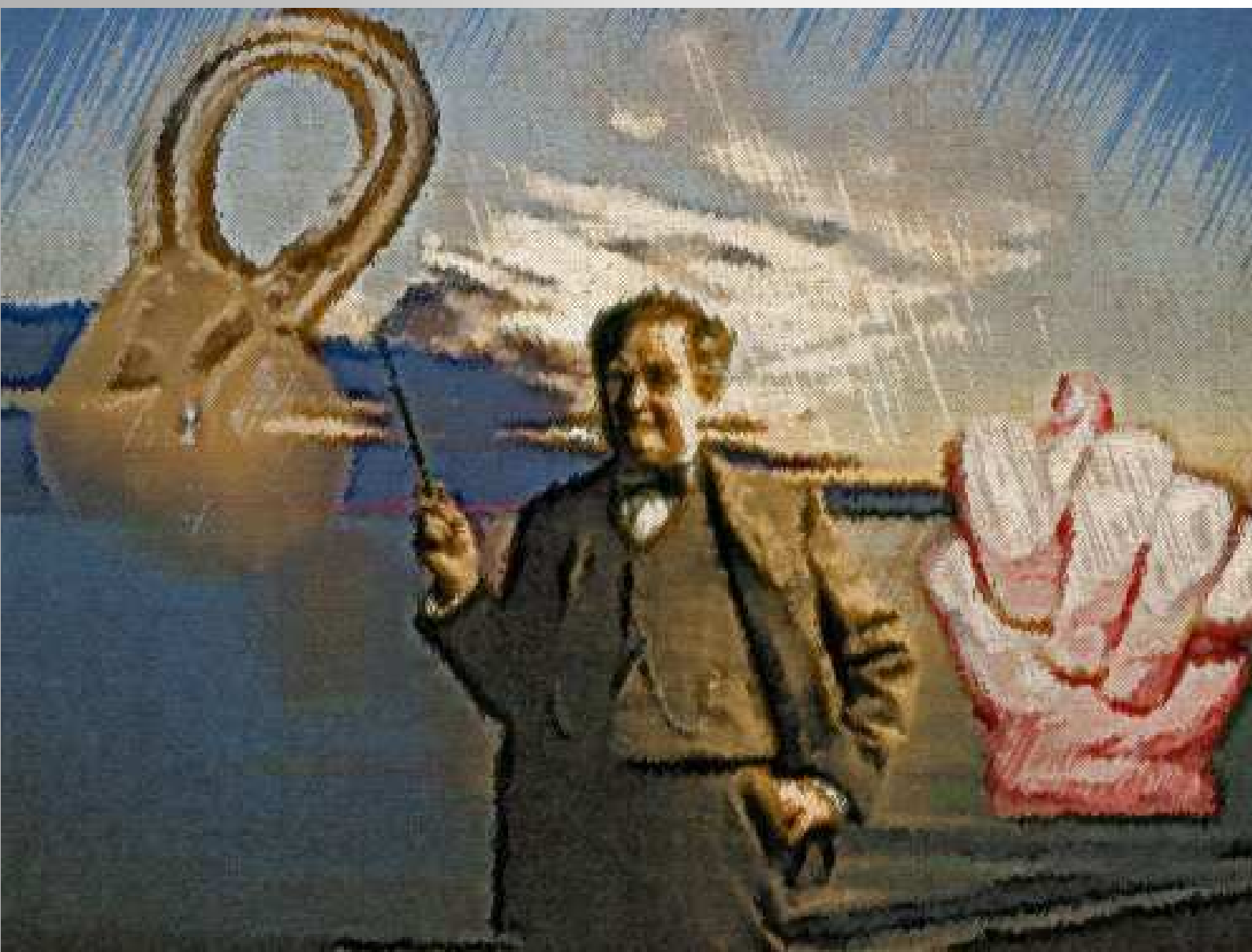
Они неспешно спустились к морю, справа в тумане величественно возвышалась громада порта, над водой висела зеленоватая дымка, вдали стрекотали цикады.

– Нехорошо праздновать труса, молодой человек, наука этого не любит, – буднично сказал профессор, всё же не выпуская пистолет из руки. – Иначе потом придётся долго жалеть, и не только об ассигнациях.

Профессор чуть отвернулся, и Павел прыгнул на него, вложив в свой прыжок всю свою ярость. Он не учёл одного – камни на берегу скрипели, и профессор успел повернуться, прервав прыжок рукояткой пистолета. Мириады искр вспыхнули в глазах у юноши, и он провалился в темноту.

Когда сознание вернулось к Павлу, он обнаружил что лежит на бетонной плите. Руки и ноги юноши были связаны прочной бечевкой. В голове гудело. Профессор Клейн обнаружился

неподалеку, он заканчивал монтаж установки, центром которой была сработанная ювелиром и модифицированная профессором бутылка. Из подсобного помещения, в котором хранились портовые инструменты, к установке тянулся шнур, Павел без труда определил в нём электрический кабель.

– Пришли в себя? – профессор наконец-то обратил внимание на Павла. – Сейчас мы будем проводить грандиозный научный эксперимент. Есть шанс, что эта бутылка вывернет пространство наизнанку, а мы станем почти богами, получив доступ во множество слабо развитых миров.

Павел начал подозревать, что ничем хорошим для Южной Пристани этот эксперимент не кончится.

– А если вы получите доступ в сильно развитый мир? – попытался урезонить он профессора.

– То тогда вашему городу конец, – улыбнулся профессор. – Но хочу успокоить вас, молодой человек, это сильно вряд ли. Во-первых, я сам не из этого мира, и некоторые технические средства у меня имеются. А во-вторых, если бы существовали более развитые миры, они сами пришли бы к нам.

– Вот даже как? – из тумана за спиной профессора Клейна появились три фигуры. Павел узнал Игоря Иванова, Михаила Стожарова и Архивариуса. Говорил, по всей видимости, Архивариус, но влажный морской воздух сильно искажал голос, так что поручиться за это юноша не мог. – И соответствующая теория у вас имеется?

– Вы когда-нибудь слышали про Гипотезу Пуанкаре?

– Всякое односвязное компактное трёхмерное многообразие без края гомеоморфно трёхмерной сфере, – не меняя интонации сообщил Архивариус. – Я слежу за достижениями современной науки.

– В процессе её доказательства выяснились интересные факты.

– Так её уже доказали? – удивился Архивариус.

– В вашем мире нет. В моём – доказали. Так вот, для её доказательства использовался так называемый поток Риччи. Нет-нет, не подходите, стойте где стоите, иначе я вынужден буду стрелять. Так вот, проблема доказательства заключалась в том, что при использовании потока Риччи возникали сингулярности – точки многообразия, кривизна которых стремится к бесконечности. Такие точки пришлось вырезать, выравнивая метрику полученного пространства. Мы пока не располагаем инструментарием для более тщательного их анализа.

– И при чём здесь Южная Пристань? – не удержался кузнец.

– Я считаю, что ваш город – та самая сингулярность, невозможная в нашей метрике, но весьма допустимая в метриках большей размерности, – торжествующе заявил профессор. Поэтому я и провожу эксперимент с бутылкой Клейна, в трёхмерном пространстве она, как я уже говорил молодому человеку, гомеоморфна только другой бутылке Клейна, а вот чему она будет гомеоморфна в четырёхмерном пространстве, мы сейчас увидим.

С этими словами профессор рванул рубильник, и установка окуталась зловещим рубиновым сиянием. А потом учёный просто исчез, растворившись во влажном морском воздухе. Архивариус первым бросился к установке, переведя рубильник в положение «выкл.».

– Я же перерубил кабель, – сказал Михаил Стожаров, не отводя взгляда от оплавленной установки.

– Напряженности аномалии хватило, чтобы установка сработала и без электричества, – ответил Архивариус. – Давайте всё-таки посмотрим, чему оказалась гомеоморфна односторонняя поверхность, оказавшаяся в четырёхмерном пространстве.

Ответ на этот вопрос был у всех перед глазами. Вместо бутылки Клейна установку венчала стальная скульптура, изображавшая фигу.

Нина Дьяченко

Фигурка твоей судьбы

Лёгкий шорох прозрачных хрустальных подвесок на двери. Ветер? Или кто-то пришёл?

Анжела с надеждой перегнулась через барную стойку и вытягивала голову, сосредоточившись на колеблющихся от ветерка, словно танцующие серебристые тени, подвесках, застилающих дверной проём.

Не каждый посетитель мог даже увидеть её заведение, не говоря уже о том, чтобы войти в него. Когда Анжела хотела тишины и покоя – она получала их.

Зачарованное кафе "Без названия" находилось настолько близко к порту, что по ночам, когда наступала тишина, были слышны крики портовых рабочих, занимающихся загрузкой корабельных трюмов, а также, конечно же, шум волн, накатывающих на берег. Впрочем, этот звук был слышен везде в городе, проникал во все окна, трубы, в каждую щель, звеня в ушах, словно колокольный звон. Навязчивый и привычный, застрявший в сознании.

Моложавый мужчина нерешительно оглядывался, словно только что родившийся младенец, который какими-то злыми чарами был превращён во взрослого человека – лишённого воспоминаний и жизненного опыта.

Девушка одним махом перескочила через стойку и с интересом уставилась на него, открыто, не скрываясь, машинально поправив задравшуюся юбку. Впрочем, Анжела подозревала, что белые чулки мужчина всё-таки видел в своей жизни.

– Здравствуйте, – мужчина вежливо улыбнулся. – Представляете, я не помню, откуда я тут взялся. Смешно, правда?

– А как вас зовут, помните? – любопытствовала она, ничуть не удивлённая. Значит, у неё появился новый постоялец, привлечённый её тайным желанием, огненно-ледяной жадой всего существа, трепещущего в ночи, как одинокий болотный огонёк.

– Э... Кажется, Джон, – он нервно хихикнул.

– Ничего страшного, – она мягко улыбнулась. Такая улыбка предназначалась как раз для таких случаев, когда она "приманивала" новичков. Правда, последний раз это было настолько давно... Тем приятнее этот случай, да и мужчина был почти красивым. По крайней мере, она чувствовала, что с ним, как минимум, будет интересно, а это дорогого стоило.

– Где я? – растерянно покрутил головой незнакомец с непослушными каштановыми волосами и тёмно-серыми, как зимние небеса, глазами.

– Можно сказать, на юге. Наш городок называется Южная Пристань, – улыбнулась девушка.

– Я помню, что шёл словно в тумане, – мужчина с ослепевшим взглядом запустил пятерню в волосы и несильно рванул, словно пытаясь насильственно вытащить себя из сна-кошмара. Она только улыбнулась: это было невозможным, так как её работа всегда отличается стопроцентным результатом – и пути назад не было. Правда, сообщать ему об этом Анжела не спешила. Ещё попытается прибить ненароком – и только себе навредит. Разве он вино-

ват, что ей опять скучно по ночам? Да и днём сонная одурь и тоска собрались в кафе вместо посетителей и дразнятся, и даже кофе некому подать, так как остальные её "постояльцы" в основном бродят по городу, пытаясь найти выход. Может, кто-то и нашёл, но пока она недостачу не обнаружила.

– Я видел большой православный собор, гавань, какие-то фонтаны и клумбы... высокие платаны. Я шёл, не зная куда, а вокруг меня клубился туман, и я вскоре вообще перестал что-либо замечать, слышал только чужие шаги, шум воды и мне казалось, что я схожу с ума.

– Не переживай, – белокурая красавица с глубокими синими глазами подбадривающе подмигнула ему. – Тебе здесь понравится. Хочешь кофе?

Это был важный момент. Если б незнакомец отказался... то мог бы и вернуться обратно в свой сон, а потом – в свой мир.

– Да, не откажусь, – ответил он, обмякая и почти падая на высокий стул у стойки, замирая и глядя впереди себя так, словно всё ещё видел сон.

Раздался мелодичный звон, который услышала только она.

– Сейчас, – девушка поправила беленький фартучек, надетый поверх серого платья, и направилась не на кухню, а совсем в другую сторону.

– где находился хрустальный шкаф. Открыв дверцу, Анжела бросила взгляд на полку с фигурками: так и есть, у неё появилась новая игрушка.

– Теперь ты сможешь спокойно гулять по городу, тебе от меня не уйти, так как ты всё равно будешь стоять в шкафу, – пробормотала она. Взяв тряпку, она начала осторожно протирать остальные фигурки от пыли, улыбаясь им с нежностью матери, разглядывающей своего новорожденного ребёнка.

Вскоре она принесла ему кофе на хрустальном подносе.

– У меня есть свободная комната, – сообщила Анжела. – Ты будешь там жить.

***

Сначала всё было прекрасно. Новая жизнь сквозь хрустальную завесу тумана, причудливыми узорами скрывающего прошлое, застилающего мысли и чувства. Прошрое... его словно бы и не было. Иногда Джону казалось, что он вообще не жил до этой реальности, что именно эта девушка с длинными, словно бы рано поседевшими волосами и синими, словно беззвёздное небо, глазами вытащила его из небытия, возможно, из своей фантазии, произвела на свет, как мать рождает ребёнка.

А иногда ему казалось, что вот-вот, и он ухватит воспоминания за тоненький хвостик, как клубок за выбившуюся из него нить. Потянет – и увидит всю картину целиком.

Всё было хорошо, пока он просто наслаждался жизнью, такими тёплыми объятиями красавицы, неспешными чае- и кофепитиями. Свежей выпечкой и обильными обедами, ужинами, проведенными на балкончике второго этажа, почти на крыше этого маленького домика, где так много солёного ветра, а весь горизонт залит голубыми волнами с белыми барашками.

Иногда в кафе приходил кто-то ещё, и уходил спать в одну из комнат второго этажа, почти не здороваясь с ними, словно не замечая их. Как обычный постоялец, который платит за гостиницу, и поэтому никогда не отчитывается, где он был и когда вернётся в следующий раз.

Джон замечал, что эти незнакомцы косились на Анжелу практически с

ненавистью – так смотрит собака на цепи и в наморднике, которая мечтает укусить – но боится палки. Однако же, эти мужчины казались смирившимися с тем, что "укусить" свою "хозяйку" нет никакой возможности. В их глазах было поровну равнодушия, затаившейся боли и усталости.

То, что Анжела – не человек, он догадался практически сразу. Даже в постели она казалась лишь куклой, которая неумело притворяется живым человеком. Все его прикосновения и страстные объятия ей казались... интересными. словно маленький ребёнок смотрит на что-то невиданное, вроде воздушного змея, и следит за ним немигающим взором, пытаясь понять, как и почему он летает и не падает.

Часто Джону казалось, что Анжела вообще ничего не чувствует, что у неё даже нервных окончаний нет, как у обычного, живого человека. Это в те дни, когда он позволял себе считать себя живым.

... В одну из ночей он отправился на берег и неподвижно сидел на мелком крошечном гальки, устало и с тоской глядя, как чайки бело-серыми вспылками чертят небеса, улетаая по своим делам, вылавливая мелкую рыбёшку. Корабли манили его, хотелось попроситься на борт, умолять, чтобы его забрали отсюда, увезли куда-нибудь... всё равно куда, только подальше отсюда. Он заночевал на берегу, практически всю ночь провёл, любясь игрой лунного света, танцующего на гребнях волн, с отяжелевшей от бессонницы и тяжёлых мыслей головой и затёкшим телом.

... Теперь он уходил всё чаще, благо, Анжела не препятствовала, только давала ему с собой еду, и грустно смотрела, словно пытаясь понять, в чём она, демиург местного значения, ошиблась при создании "очередной ошибки природы".

***

Дни утекали, как морская вода сквозь пальцы. Теперь Джон практически поселился на берегу, так как другие здания города казались ему такими же заколдованными, как и кафе "Без названия", где всем повелевала Анжела. Впрочем, в последнее время и повелевать-то было нечем.

Мало кто появлялся, чтобы нарушать покой хозяйки. Небольшой домик застыл в молчании, отражая только внешние звуки.

Несколько раз, когда он ночевал в своей спальне, иногда просыпаясь, то видел Анжелу, сидящую на стуле неподалеку от его постели. Она неподвижно сидела, уставившись на него тяжёлым взором, но в постель к нему больше не ложилась.

Тогда Джон демонстративно поворачивался к ней спиной и засыпал, таким образом выражая свой протест.

Однажды на берегу, он встретил старого пирата. По мнению Джона, мужчина был немного не в себе: пытался разузнать, нет ли у него какой-то карты, где крестиком обозначены сокровища. Но в основном ему понравилось беседовать с незнакомцем: тот словно бы пропах морем, и весь состоял из ветра, рвущегося наружу.

Тогда Джон ещё больше заинтересовался кораблями, и направился в порт, где часами гулял, наблюдая, как разгружаются и загружаются разномастные корабли, выглядевшие более чем странно. Ему почудилось, что в этом

порту собрали коллекцию кораблей многих эпох, устроив импровизированный музей, только этот "музей" был живым, а коллекция – действующей.

С каждый кораблём, который отправлялся навстречу приключениям, Джон ощущал кусочек своей души, пытающейся отделиться и последовать за ним, полететь в виде чайки или альбатроса.

Тоска усиливалась с каждым днём, чем больше он понимал, что находится в клетке, как редкая и дорогая птица, которую скорее доведут до смерти, чем отпустят.

Джону вспоминались прочитанные произведения, где скряги так и умирали на грудах золота, но не тратили его.

Постепенно, кроме тоски, в нём начала созревать ярость. И однажды Джон почти решился пойти на всё, даже если пресловутое "всё" означало смерть, то есть, по сути, "ничего".

В этот день, когда солнце почти скрылась за тучами, и он неподвижно сидел на гальке, застыв как изваяние, практически медитируя, решаясь на, возможно, самый безумный поступок в своей жизни, после которого нельзя будет всё вернуть, как прежде, он увидел Анжелу.

Та легко и быстро перемещалась по берегу, словно практически не касалась земли белыми туфельками. Белое платье казалось созданным из морской пены и белоснежных облаков.

Девушка села рядом, прямо на берег, вытянув ноги – при этом туфельки методично заливали волны, но она на это совершенно не обращала внимания.

– Ты хочешь меня убить? – спросила она. И тут же, без перехода, добавила:

– Кстати, я принесла тебе поесть, а то умрешь с голоду.

– Не знаю, – тихо ответил он, неожиданно ощущая себя с ней по-другому, гораздо свободнее, чем раньше. И желание удавить её прямо тут немного уменьшилось, хотя и не исчезло совсем.

– Пойми, я никому не хотела причинить боль! – горячо воскликнула девушка, поправляя волосы, которые ветер задувал её в лицо. – Я лишь хотела сохранить... и защитить.

– Коллекцию рабов? – язвительно переспросил он.

– Да, коллекцию, – воскликнула она. – Но коллекцию любимых...

– Кукол? – любезно подсказал он.

Она резко замотала головой.

– Я просто хотела спасти... Вы, люди, такие странные: чтобы наполнить свой сосуд, совершаете ужасные вещи, даже жестоко убиваете друг друга, сначала духовно, а потом физически. Вы так же пожираете друг друга, как и животные, но не ради пропитания, а ради развлечения! И я сделала из тебя... из вас сосуды. Пустые – за это прости. Теперь вы ощущаете такую же тоску, как и я. Мы никогда не сможем наполнить свой "сосуд" смыслом и даже чувствами. Зато вы можете жить чувствами других, ощущая их гораздо ярче, чем когда-то свои... поэтому вам надо общаться с другими. И на этот раз поглощение людьми станет для вас безопасным – я об это позаботилась. Мне было легко на душе, когда я знала, что в этом городке, полном тёмных тайн и крови, а также нелёгких воспоминаний, вы можете ходить где угодно, и с вами никогда ничего не случится... никогда-никогда. Разве это плохо – знать, что никто и никогда не сможет поиграть с вами против вашей воли, только потому, что ока-

зался сильнее?

Они немного помолчали. Она рисовала кончиком туфли узоры на мелкой гальке, он размышлял, только так и не мог придти к какому-либо выводу, ненавидя себя за мягкотелость. Он словно бы ждал, когда она опять всё решит за него. Но апатия вновь покрывала лёгкий налёт ярости – он вновь ощущал себя пустым... Как она и говорила: сосудом с дырой, который ничем невозможно наполнить. Хотя, возможно, это действительно небольшая цена за боль и возможность никогда и ничего не бояться: ни людей, ни смерти?

– Держи, – неожиданно она вложила в его руку странную хрустальную фигурку. – Это твоя судьба и твоя жизнь. Теперь ты будешь хранить её, если тебе так уж неприятно, что я сохраняю её за тебя.

Анжела встала и уставилась на горизонт, в то магическое место, где обманом зрения соединялась вода и небеса.

– Теперь ты можешь уйти от меня и даже уехать. И так же никого и ничего не бояться, так как теперь твоя судьба в твоих руках, и насильно её отобрать ни у кого не получится. Всё-таки мои чары до сих пор на ней... И я вновь буду заботиться о тебе, только без навязчивости. Можешь теперь считать меня своим ангелом хранителем, – девушка рассмеялась с некоторой горечью. – Кажется, мне пора найти остальных и вручить им их фигурки. А ты... думаю, ты можешь стать пиратом или моряком, мне кажется, что тебе понравится такая жизнь. В любом случае, делай, что хочешь... Только иногда возвращайся, пожалуйста.

Анжела ушла, оставляя в его сердце странную пустоту, а ладонь рефлктора сжала фигурку. Некоторое время Джон боролся с желанием швырнуть её в воду, но затем решил перестать быть инфантильным ребёнком, и взять на себя ответственность за собственную жизнь.

Диана Удовиченко

Хранитель для Марфы

Марфа шла — нет, Марфа гордо несла себя по Большой Рыбацкой улице, степенно отвечая на приветствия горожан. Бархатная серая жакетка ладно облегла пышную грудь, юбка из плотной синей тафты тихо шуршала при каждом шаге, ей вторили веселым скрипом новенькие полусапожки на высоком каблучке. И собою Марфа была приятна: высокая, статная, смуглая. Взгляд ее лукавых зеленых глазищ мало кто мог выдержать: они словно в душу смотрели, насквозь видели. Из-под маленькой шляпки выбивались завитки смоляных волос, красиво обрамляя миловидное лицо. Человек нездешний, увидев Марфу, подумал бы: «Вот идет барыня или купчиха». Ни за что не догадался бы этот самый человек, что перед ним потомственная гадалка. Почему-то принято считать, что гадалки — это такие страхолюдные старухи, замотанные в цветастые шали поверх унылых черных обносков и не расстающиеся с хрустальными шарами, в которых клубится непонятная муть.

А Марфе не нужны глупые декорации. И без того вся Южная пристань знает, у кого пытаться судьбу. В уютный домик на Большой Рыбацкой шли моряки, чтобы узнать, благополучно ли пройдет кругосветный рейс. Сюда заглядывали перед совершением крупной сделки купцы и банкиры, приходили в канун свадьбы невесты и женихи. Однажды явился погадать даже сам батюшка Силантий из церкви, что на Соборной площади. Марфа всем раскидывала карты, молчала долго, изучая расклад, а потом, глядя в глаза собеседника, начинала говорить. Все рассказывала, в подробностях — что сбудется, что не сбудется, чем дело кончится, чем сердце успокоится. Тонко гадала, ажурно, словно кружево плела. И всегда ее предсказания сбывались в точности. Поговаривали, что Марфа обладает не только умением видеть будущее, но и с магией в ладах. Может, оно и так — недаром же матерью провидицы была цыганка. Тридцать восемь лет назад в Южной пристани остановился приехавший на ярмарку пестрый табор. Одна из юных смуглянок, показывающих толпе волшебные фокусы, влюбилась в молодого рыбака. Девушка осталась в городе, а через год родила избраннику дочь. Но свободолюбивая красавица не сумела стать рыбаку хорошей женой, домашнее хозяйство казалось ей скучным, а оседлая жизнь — душной. И спустя три года цыганочка сбежала от любимого, оставив ему на память черноволосую малышку и вечную тоску.

Так что никто не сомневался в способностях Марфы — кому как не дочери загадочного кочевого племени быть настоящей чародейкой? Весь город и без шалей знал: Марфа — плетельщица судьбы.

А вот сегодня она не гадала никому. Потому что день особенный, праздничный — день перед Вальпургиевой ночью. Сегодня Марфа шла на городской рынок.

Рядом с Марфой шагал ее двадцатилетний сын Никита, почтительно поддерживая матушку под локоток. Обычно он родительницу на рынок сопровождал неохотно. Не любил гулять по рядам, таща корзину, наполненную снедью. Но в особенный день и покупки особенные, и парень пребывал в хорошем настроении, поглядывая по сторонам и отвешивая поклоны молоденьким

девицам.

***

Ах, что за чудо этот рынок в Южной пристани! Кто не бывал на нем, тот никогда не поймет характера этого приморского городка. У входа, в тени платанов, торгуют семечками бойкие старушки. Не пренебрегайте ими! Они — память, совесть и источник свежих сплетен города. И не вздумайте бросить на них неприветливый взгляд. Иначе назавтра вся Южная пристань узнает, что вы — горький пьяница, подлый изменщик, да и вообще нежить окающая, прибывшая из самого страшного уголка внеземелья. И попробуйте потом отмыться. Так что старость надо уважать, иначе — себе дороже.

Дальше простираются длинные, бесконечные, пропахшие морем рыбные ряды. Они открываются, когда часы на Центральной площади бьют пять утра, а завершают свою работу ровно в полночь. Прилавки завалены рыбой — сверкающей, трепещущей, бьющейся, потерянно раскрывающей печальные рты, и вялой, снулой — такая идет по дешевке.

В этих рядах всегда шумно: кричат нахальные, покрытые веснушками от стояния под солнцем торговки, хватают рыбу большими красными руками, размахивают ею, поднося к носу покупателя. Здесь всегда азартно и с выдумкой торгуются:

— Посмотрите, какие бычки! Это ж персики, а не бычки!

— Сколько? Пятьдесят копеек за эту дохлятину? Да чтоб вас дети в старости такими кормили!...

— Скумбрия, скумбрия, свежая скумбрия! Подходите, господин хороший! Гляньте, какая большая: настоящая акула!

— Ой, не говорите мне за акулу, она и то симпатичнее! И не суйте мне ее в лицо! Это таки рыба, а не русалка...

— Мадам Марфа! Мадам Марфа! — кричали торговки. — Подходите, мадам Марфа. Вам самая лучшая рыба за полцены!

Но гадалка с улыбкой отказывалась и проходила мимо. Ибо кому, скажите, люди, нужна рыба перед Вальпургиевой ночью? Нет, может быть, кому-то и нужна, но только не Марфе.

Миновав рыбные ряды, пройдя мясные, не задержавшись в зеленных, гадалка с сыном наконец вышли к самому концу рынка. Здесь стояло несколько покосившихся лавчонок. Вокруг, на небольшом пятачке, топтались подозрительные личности — небритые, угрюмые, распространяющие сивушный запах. В этом укромном уголке, скрытом от глаз непосвященных, собирались контрабандисты: местные моряки, вернувшиеся из дальних рейсов, желающие заработать лишний рубль на заморских товарах, матросы с иностранных кораблей и просто перекупщики. Чего только не предлагали эти суровые люди! Забористый ром и сигары, которые на далеких островах крутили, раскладывая на смуглой ляжке листья табака, юные мулатки. Невесомый шелк и жемчужные украшения, зеленый чай и кораллы. Да много чего можно было купить — всего не перечислишь. Вроде бы за контрабанду полагалось суровое наказание. Но, в конце концов, приставы тоже люди, и тоже любят пить ром. А градоначальнику нравятся хорошие сигары.

— Здраффстфуйте, префосходная фрау Марта! — приветствовал гадалку немецкий матрос, каждый год бывавший в Южной пристани, — Как фаша дела, отменная фрау Марта? У меня есть удиффительный трубка для фаш

супруг!

— Не нужно, Ганс. Сегодня не нужно.

Немец понимающе кивнул, соглашаясь: ну, кому может понадобится трубка перед Вальпургиевой ночью?

— Приехали? — спросила Марфа.

— Я! Натюрлих! — прошептал Ганс. — Ффсе лафки заняты. Хорошая будет торгоффля.

Тем временем пятачок заполнялся горожанами. Порядочные и не очень женщины, государственные служащие и купцы, холостяки и почтенные отцы семейств спешили сюда со всех концов Южной пристани, чтобы купить товар, который продавался всего дважды в году: перед Вальпургиевой ночью и в День Всех Святых. Конечно, праздники эти были не православные, и отец Силантий даже называл их бесовскими. Но ведь и Южная пристань — не совсем обычный городок, не правда ли? А значит, и ждать от ее обитателей богобоязненности не приходится.

В старых полуразвалившихся лавчонках сегодня обосновались выходцы из миров внеземелья, и торговали они коконами нечисти. То есть, может быть, в других измерениях эти существа и не были нечистью. Вполне возможно даже, что это были самые обычные для своих миров животные. Но здесь, за именем лучшего термина, их называли именно так. А любой школяр знает, что внеземельная нечисть рождается на свет не как простой зверь. Нет, она вызревает в энергетическом коконе, и лишь спустя определенное время воплощается в необыкновенное существо. Перетаскивать сквозь ткань междумирья взрослую сущность — хлопотно и накладно. Может не выдержать перехода, погибнуть, заболеть, а то и, не дай боже, взбеситься. Поэтому контрабандисты внеземелья завозили в Южную пристань разноцветные пульсирующие сгустки энергии и выгодно продавали их горожанам. Нежные коконы легче всего переносили путешествие в день перед Вальпургиевой ночью и в День Всех Святых. Видно, все же и правда были в родстве с нечистым.

— Ай, красавица, заходи! — посверкивая красными глазками, зазывал Марфу сладкоречивый синекожий авриец в пестром халате. — Гляди, какие фенчики!

За спиной внеземельного гостя порхали в воздухе пестрые, как халат торговца, издающие мелодичные трели крошечные комочки. Гадалка вежливо улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Баюны, баюны, кому коты-баюны! — вкрадчиво мурлыкала молодая ренианка. — Лучшее средство от бессонницы!

Гибкая и грациозная, с большими зелеными глазами и остроугольными ушками на макушке, она и сама напоминала кошку. У ног ее лениво перекатывались дымчато-серые клубки пушистой шерсти.

Но и сюда Марфа не стала заходить, двинулась дальше. И наконец нашла то, что искала. В последней лавке маленький суетливый зедлодец предлагал хранителей-домовиков. Веселые разноцветные комки пуха, словно мячики, бодро скакали по полу, подпрыгивали, зависая в воздухе.

— Почем хранители? — спросила Марфа.

— Смотря какой, — уклончиво отвечал торговец, почесывая кривые рожки. — Розовый двадцать пять рублей, зеленый — тридцать. А если парой будете брать, то дешевле выйдет. Договоримся.

Хранители пользовались у горожан большим спросом, отсюда и цена была высока. Вырастая, эти добродушные неунывающие существа помогали женщинам в домашней работе, сторожили жилище, играли с детишками и отличались безоговорочной преданностью хозяевам. Да и выглядели они симпатично — маленькие, не больше локтя ростом, пухленькие человечки с круглыми глазами, на головах которых красовались пышные шевелюры самых неожиданных цветов.

Гадалка придирчиво осматривала радостно щебечущих хранителей.

— Может, желтого? — предложил Никита. — Смотри, какой забавный.

— Слишком яркий будет, — ответила Марфа.

— Тогда бери фиолетового, — посоветовал зедлодец. — Цвет не маркий, да и шустрый он вырастет.

— Нет, очень уж суетлив.

— Ну, вот есть серый, крупный. Смотри!

— Ленивый какой-то...

Гадалка долго выбирала, всматривалась в переливающиеся скачущие шарики, в каждом находя какой-то изъян.

— Здравствуй, соседка. Помощника ищешь? — раздался с улицы визгливый голос.

В лавку заглянула худощавая остролицая женщина лет сорока, одетая по последней моде Большой рыбацкой улицы — красный жакет, зеленая в синий цветок широкая юбка, на голове желтый платок, повязанный так, что концы сходились на лбу кокетливым бантиком. Марфа поморщилась. Она недолюбливала соседку Фиру — крикливую и скандальную торговку.

— Вот и я за домовиком, — глазки Фиры бегали, выискивая тему для новой сплетни. — Два года копила, во всем себе отказывала. Мы ж люди простые, бедные, гадать не умеем, денег из воздуха добывать — тоже...

— Гляньте, мадам, на колер! — галантно заявил зедлодец, сразу сообщив, какой тон следует взять с новой покупательницей. — Это ж уму непостижимо, какой шик! — Он поднес к носу Фиры розовый кокон. — Под цвет ваших прелестных щечек. Все ваши подружки удавятся от зависти, мадам!

Женщина жеманно хихикнула:

— Ой, баловник какой! Небось товар-то порченный?

— Что вы, мадам! — зедлодец, на родине которого принято было молиться демонам, истово перекрестился. — Богом клянусь!

— Ну, хорошо. А за двоих сколько возьмешь?

Фира принялась самозабвенно торговаться с зедлодцем. Тем временем Марфа все никак не могла найти подходящего ей домовика. Соседка наконец сговорила с торговцем, отдала деньги и засунула новые приобретения в корзину с крышкой. Но уходить не спешила, ждала, на чем остановится гадалка.

— Ты бы поторопилась, Марфочка! — сказала она, выглянув за дверь. — Сюда господин Ставриди идет.

К лавке, одышливо сопя, катился маленький пухлый человечек в черной сюртучной паре.

— Ууу, мироед... — глядя в щель между досками, мрачно выругался зедлодец.

Внеземельные торговцы не любили господина Ставриди, как всякий торговец не любит проверяющего. Разумеется, коконы нечисти были такой же

контрабандой, как и островные сигары. Но, как уже упоминалось, градоначальники — тоже люди, со своими слабостями, бедами и пристрастиями. Вот глава Южной пристани, к примеру, мучился бессонницей, и спасался от нее только мурлыканьем кота-баюна. А супруга его обожала трели птичек фенчиков, коих у нее имелось целых шесть.

Но совсем уж пускать на самотек торговлю нечистью тоже не годилось. Вдруг какой-нибудь иномирнин провезет под видом насекомоядного кроля, допустим, упыря или вурдалака? Кто их разберет, эти коконы? Все между собой похоже.

Разбирать коконы призван был господин Ставриди — самый известный и уважаемый маг города. Два раза в год чародей являлся на рынок с проверкой, о результатах которой докладывал самому градоначальнику.

Проверяющий прошествовал в лавку ренианки, а продавец хранителей, вдруг как-то занервничав, выхватил из-под прилавка еще один клубок и поднес его Марфе, шепнув на ухо:

— Если ничего не нравится, возьмите эту. Недорого отдам. Вез на заказ, да покупатель неожиданно помер.

В руках зедлодца пульсировал крупный ком, словно сотканный из мрака безлунной ночи. Марфа приняла сгусток тьмы на ладони и внимательно вгляделась в него. Черные тени, бродившие в клубке, отразились в ее глазах, легли на лицо... Марфа улыбнулась.

— Фу, мерзость какая, — брезгливо взвизгнула Фира.

Господин Ставриди вышел из лавки с котами-баюнами.

— Десять рублей, — быстро сказал торговец.

Гадалка перевела на него взгляд почерневших глаз, из которых, казалось, смотрел сам дьявол.

— Три рубля, — сбавил зедлодец.

— Беру, — усмехнулась Марфа, передавая ему деньги и опуская кокон в бархатный мешочек. — Приятная расцветка.

Фира, довольная тем, что сегодня будет, о чем посудачить с соседками, побежала домой, а на пороге воздвигся господин Ставриди с магической рамкой в руке.

— Здравствуйте, Марфа Петровна, — кисло поздоровался чародей, не любивший гадалку за то, что составляла ему конкуренцию.

— День добрый, Аполлон Дионисович, — кивнула Марфа.

Господин Ставриди прекрасно понимал, что не похож ни на Диониса, ни уж тем более на Аполлона, и каждое обращение по имени-отчеству воспринимал чуть ли не как личное оскорбление. Недовольно фыркнув, он отвернулся от гадалки и принялся водить контуром над скачущими хранителями. Марфа тихо вышла, потянув за собой Никиту. Она была довольна своим приобретением.

***

Богдан вошел в сени, опустился на лавку, стянул сапоги, блаженно пошевелил пальцами, давая отдых натруженным за день ногам. Оперся затылком о стену, посидел немного. Хорошо! Сейчас он умоется прохладной водой, вместе с пылью и потом смывая с себя усталость. А потом Марфа подаст ужин: наваристые щи, свежий вкусно пахнущий хлеб, порезанный крупными

ноздrevатыми ломтями и тонкие, почти прозрачные, аппетитно розовеющие на свету лепестки соленого сала. Под такую закуску не грех и пропустить стопочку знаменитой марфиной настойки...

Предвкушая спокойный вечер в кругу семьи, Богдан собрался было встать со скамьи, но вдруг замер: к ноге подкатился черный комок. Выглядел он как-то недружелюбно, похрюкивал и словно бы обнюхивал богданову штанину, примериваясь, куда цапнуть.

— Жена! — возопил Богдан, в сердцах хватив кулаком по лавке.

В сени выглянула Марфа, вопросительно взглянула на мужа. Как всегда под ее взглядом злость куда-то делась, истаяла, и Богдан уже спокойнее спросил:

— Это кто?

— Хранитель, — улыбнулась гадалка.

— Станный какой-то. Но разве я не говорил, что больше не желаю видеть домовиков?

— Говорил.

— И разве не ты полгода рыдала, когда наш прошлый хранитель застрелял в дымоходе, да там и издох? В общем, так, жена. Первое: не нужны мне никакие домовики. Второе: пусть только попробует нашкодить, живо выкину в окошко. И третье... — Богдан оценивающе посмотрел на притихший клубок, — ты его кормила? Что-то мелковат. Пойдем, бродяга, я тебя салом угощу...

Он взял хранителя на руки и прошествовал в дом. Марфа, лукаво усмехнувшись, двинулась следом.

Муж гадалки был человеком суровым. Таким суровым, что его уважал даже хозяин верфи, на которой Богдан работал плотником, соседи обходили его стороной, а все окрестные пьянчужки побаивались его крепких кулаков. Только домашних почему-то ничуть не страшил его крутой нрав. Вот и хранитель хозяина не испугался: уютно устроился на руках, угостился салом и, посапывая, уснул.

— Назову его Другом, — решил Богдан.

***

Станный хранитель прижился в доме и чувствовал себя вполне уютно. Спал на подушке Богдана, много ел, причем предпочитал сырое мясо, и вечно путался под ногами у Никиты, требуя, чтобы с ним поиграли. Месяц спустя Друг вырос вдвое и сытым коlobком катался за Марфой по комнатам, издавая звуки, похожие на рычание. По ночам домовик выпрыгивал в открытое окно, растворялся в темноте и возвращался только к утру. Только вот воплощаться в свою истинную сущность не спешил.

— Может, это и не хранитель вовсе, а Марфочка? — спрашивала Фира, повадившаяся каждый день забегать к гадалке. — Что-то долгонько он у тебя в коконах ходит.

У соседки коконы давно уже обратились в шустрых домовиков. Фира нахвалиться ими не могла: розовый любил работать на кухне, ловко чистил рыбу и даже научился печь пироги, а персиковый с утра до вечера занимался уборкой. Фире до ужаса любопытно было, каким же будет Марфин хранитель, и она, не желая пропустить момент обращения, часами торчала у нее в кухне, донимая вопросами:

— Может, это другая какая нечисть?

— Какая, например? — скептически уточняла гадалка.

— Вурдалак. Или упырь. Сама знаешь, они к нам частенько извнеземля пробираются, крови человеческой попить.

— Взрослые пробираются, — отвечала Марфа. — А коконов сроду никто не завозил. Зачем это торговцам?

— Ну, к примеру, если вдруг для ведьмы какой... — загадочно шептала Фира.

На этом разговор и заканчивался. Гадалка выпроваживала навязчивую соседку, ссылаясь на то, что ждет важного гостя.

Шло время. Весна сменилась жарким летом, вслед за ним пришла осень с ее дождями, туманами и ночной прохладой. В Марфином доме не происходило никаких перемен. Все так же гадалка предсказывала горожанам судьбу, все так же ее муж работал на верфи, а сын учился в университете. И все так же скакал по дому энергетический кокон, упорно не желавший превращаться в хранителя.

— Признайся, Марфа, что это не домовик! — донимала ее Фира.

— Домовик-хранитель, — неизменно отвечала хозяйка, — больше и быть некому!

Вся семья терпеливо дожидалась момента обращения своего питомца, И возможно, дождалась бы. Но одной стылой предзимней ночью, когда лужи, оставленные холодным дождем, покрылись корочкой льда, а ветер с моря, залетев в трубу, уныло завывал в ней, словно мятущаяся душа, Друг исчез. Как всегда, вечером выскочил в раскрытое для проветривания окно, но вот наутро не вернулся. Богдан с Никитой снова и снова обходили всю улицу, на все лады подзывая домовика, обшаривали кусты в поисках черного клубка, расспрашивали соседей, не видели ли те хранителя. Тщетно.

Пусто стало в доме, тоскливо. Семья уже привыкла к своеобразному домовику. Теперь никто не катался по полу черным вихрем, не сбивал домочадцев с ног, не воровал со стола пирожки и не плюхался, поднимая жирные брызги, в миску со сметаной. Скучно...

— Скучно, — жаловался Никита, грустно посматривая за окно, все еще надеясь увидеть там толстенькое круглое тельце хранителя.

— Скучно, — подтверждал и Богдан, глядя на опустевшую подушку.

— Странно как-то, — подозрительно щурилась Фира.

— Ничего, вот увидите, он вернется, — бодрилась Марфа.

Но при этих словах брови ее непроизвольно хмурились, выдавая тревогу.

Так, в надеждах и ожиданиях, прошло пять дней. Утро шестого ознаменовалось громкими ругательствами соседа напротив.

— Что стряслось, Илья? — спросил проходивший мимо Богдан.

— Ай, наказание, — ответил сосед, — какая-то тварь, чтоб ей собственным языком подавиться, залезла в курятник и перерезала всех кур.

С тех пор ни одна ночь не обходилась без происшествий. Злокозненное неведомое существо сначала уничтожало домашнюю птицу, потом перешло на животных. Каждое утро начиналось с причитаний кого-нибудь из жителей Большой Рыбацкой улицы, обнаружившего обескровленный, с разорванным горлом, трупик своей кошки или собаки.

— Слава богу, скотину никто не держит, — поджимая губы, говорила Фира. — А то бы уж разорились люди.

«Упырь, а то и вурдалак», — единодушно заключили обитатели улицы. Да, конечно, в любом другом городе такие подозрения можно было бы назвать нелепым суеверием. Но в Южной пристани возможно все...

Действительно, изредка случалось, что в городе неизвестно откуда объявлялись опасные твари. Впрочем, неизвестно откуда — это так, для красного словца сказано. А на самом деле, любой ребенок знает: вся нечисть лезет извнеземелья. Хотя бывало и такое, что по Южной пристани бегал результат неудачного эксперимента какого-нибудь местного мага.

Несколько раз мужчины пытались устроить на вурдалака засаду, ставили капканы. Тварь обходила все ловушки с иезуитской хитростью, а собачье-кошачье поголовье на улице стремительно сокращалось.

Соседи решили обратиться к господину Ставриди. Явившись на Большую Рыбацкую, маленький грек потребовал плату вперед, взял пять рублей, осмотрел тело очередной безвинно убиенной кошки, уверенно бросил: «вурдалак», потом долго ходил от дома к дому с магической рамкой в вытянутых руках. На этот обряд, затаив дыхание, взирали все обитатели улицы. Марфа, тоже вышла на свое крыльцо и, подбоченившись, скептически наблюдала за манипуляциями чародея. Рядом с нею притулилась Фира, жадно ловившая взглядом каждое движение волшебника.

— Вот здесь что-то нечисто, — мстительно заявил господин Ставриди, остановившись возле дома гадалки. — Чувствую: так и исходит от этого места чуждая, недобрая энергия...

— Так я и знала... — Фира тихо охнула, но под сердитым взглядом Марфы зажала рот ладонью, бочком слезла с соседского крыльца и ходко потрусила домой.

— А что, Аполлон Дионисович, — спокойно спросила Марфа, — может быть, устроите здесь на ночку-другую? Поймаете вурдалака прямо на моем крыльце?

— Мне это не нужно, — сердито фыркнул господин Ставриди. — Я в своей лаборатории сварю нужное зелье, произнесу над ним заклинание...

— Знаю-знаю, пентаграмма, латынь, и все такое, — скучливо бросила гадалка. — Удачи вам, Аполлон Дионисович. Только вот, пока не найдете вурдалака, да не докажете, что он у меня живет — не беспокойте честных людей.

Заверив заказчиков, что поимка нежити — вопрос одних суток, маг удалился. Но видно, как-то не так сварено было его зелье, а может, заклинание произнесено неточно, потому что вурдалак сдаваться не спешил.

***

Серым и мокрым было то ветреное утро. Серым от горя и мокрым от слез было лицо Фиры, обнимавшей мертвого мужа, Хаима-сапожника, на горле которого зияла широкая рана. Несчастная женщина, выбежавшая во двор в одной нижней рубашке, стояла на коленях, глядя седые волосы своего Хаима.

— Бог, видишь ли ты, бог, что творится в этом городе? — Кричала она. — Видишь ли ты мои слезы, бог? Скажи мне, милый бог, за что мне такое горе?

Молча стояли вокруг нее соседи, ужасаясь беде, постигшей Фиру. И как-то само собой забылось, что Хаим славился в Южной пристани как пьяница и

гуляка, что сапожник частенько бивал свою супругу, которая не раз вслух говорила мужу: «Чтоб ты не жил, старый поц!»

— Смотрите, люди! — Кричала Фира, наклонившись к мужу так низко, что в широком вороте ее рубахи виднелись пустые, высохшие груди. — Смотрите! Скоро и в ваш дом придет вурдалак! Скоро ваши мужья и дети будут лежать в грязи с покусанным горлом! А все она! — женщина подняла руку и указала на Марфу, стоявшую на крыльце. — Это она напустила на нас вурдалака!

Соседи зашептались. Мало кто поверил ослепленной горем Фире. Но та не сдавалась:

— Кто купил у внеземельного торговца непонятный кокон? У кого этот кокон потом пропал? И кто у нас занимается ведьмовством? И на кого показал господин Ставриди?

Подавленная мощью аргументов толпа зароптала. А Фира продолжила:

— А теперь посмотрите, кому напакостил вурдалак? Вот Иван, его куры три года назад поклевали у Марфы семена на клумбе! И где теперь те куры? А вот Зина, ее собака прошлым летом порвала марфиному сынку штаны! А Хаим... вы все помните, что мой Хаим сделал по весне Богданчику!

Ничего особенного Хаим Богдану не делал, да и сделать не мог: был сапожник худ и слабосилен против могучего соседа. Так, по пьяному делу плюнул в его сторону, за что был схвачен за шиворот и водворен на свое крыльцо. Но сейчас, рядом с окровавленным телом Хаима, люди верили словам Фиры.

— И помните, с вами будет то же! — женщина ткнула худым пальцем в небо, словно призывая его в свидетели.

Марфу и ее семью на Большой Рыбацкой уважали и даже побаивались. Только поэтому перепуганные, впечатленные словами Фиры соседи не разделились с гадалкой сразу же. Люди стояли перед ее крыльцом, насупленные, хмурые, злые. И молчали. Марфа молчала тоже.

— Я имею сказать, уважаемая Марфа, — заговорил наконец Степа-боцман, известный своим красноречием, — что мы имеем прамблему. И эту прамблему надо решать. И хоть мы не в суде, дорогая Марфа, а я не прокурор, чтоб ему... здравствовать, но вам-таки придется оправдываться.

Ничего не ответив, гадалка обвела толпу тяжелым взглядом, развернулась и вошла в дом. В спину ударил чей-то злобный крик:

— А то можем и красного петуха подпустить, ведьма!

***

— Я верю тебе, жена, — поздним вечером, сидя за столом, говорил Богдан. — Но скажи мне: не могла ли ты и вправду купить кокон какого-нибудь чудища? Случайно?

— Это хранитель, — упрямо сказала Марфа.

Вдруг Никита прошептал:

— Слышите, там, на улице...

В ночной тишине явственно слышны были чьи-то вкрадчивые шаги. Кто-то бродил вокруг дома, выискивая вход. Богдан на цыпочках подошел к стене, снял висевшее на ней ружье.

— Посвети! — бросил он сыну и распахнул дверь.

Никита взял со стола керосиновую лампу и вышел на крыльцо. За его спиной стояла Марфа, тревожно вглядываясь в темную ночь. Из мрака вдруг донесся чей-то злобный вой, а вслед за ним — полный ужаса человеческий

крик и звук падения тела.

— Ну уж нет! — пробормотал Богдан и, подняв ружье, шагнул в темноту.

Вой повторился, зазвенел тоскливо на самой высокой ноте, и внезапно оборвался, перейдя в захлебывающийся стон. В домах зажигались окна, хлопали двери, вокруг раздавались шаги, звучали взволнованные голоса соседей. Люди бежали на помощь.

Никита направился вслед за отцом, но не успел сделать и шага. Вышедшее к нему существо, казалось, было рождено самой ночью. Огромный, с годовалого теленка, пес, тело которого было будто соткано из теней, а глаза горели как красные звезды, широко оскалился, показывая сверкающие белоснежные клыки в палец длиной. Парень шагнул назад, но не успел спрятаться за спасительной дверью: зверь совершил длинный прыжок, сбил Никиту с ног... и, завивая хвостом, принялся старательно облизывать его лицо.

— Великолепнейший экземпляр мобари! — сказал, выходя из темноты, господин Ставриди и потер ушибленный затылок. — Очень редкое животное! Если бы не он, не говорил бы я сейчас с вами.

— Все же караулили вурдалака, Аполлон Дионисович? — улыбнулась гадалка. — Да прокараулили...

Господин Ставриди сконфуженно потер ушибленный затылок.

— А вот и вурдалак! — Богдан подтащил и бросил у ног мага тело уродливого существа, одновременно напоминавшего и летучую мышь, и волка. — Друг его загрыз. Видно, и из дома ушел, потому что нежить почуял.

На Марфином крыльце, повизгивая от счастья, приветствовал хозяев демонический бойцовый пес из далекого мира Вирг — охотник на нежить.

— Я же говорила, у нас будет самый лучший хранитель дома! — торжествуя произнесла Марфа.

Александр РОМАШИХИН

Р а к у ш к а

Егор Семенович Крылов, молодой человек двадцати пяти лет от роду, спустился по ступенькам банка, в котором служил, и полной грудью вдохнул прохладный вечерний воздух, напоенный ароматами весенних цветов и моря. Солнце еще только клонилось к закату, идти домой не хотелось, и он решил прогуляться по набережной, чтобы сбросить накопившуюся за день усталость. Фонтаны на бульваре громко журчали, выбрасывая вверх позолоченные солнцем струи, свежая, еще не успевшая запылиться листва едва слышно шелестела от прикосновений ласкового морского бриза, сильный аромат белой акации будил романтические воспоминания, и Егор Семенович, очарованный гармонией весны, улыбался, рассеянно глядя по сторонам и автоматически кивая встречным знакомым.

Народу на набережной было немного, и если смотреть только в синеву играющего солнечными бликами моря, можно было представить, что гуляешь в полном одиночестве. Сюда не доносился ни вечный шум портовой суматохи, ни глухой топот и шарканье центральных улиц города, только негромкий плеск волн не давал тишине улечься на теплые камни мостовой.

- Купите ракушку, - тонкий детский голос сломал хрупкую иллюзию уединения. Егор повернул голову – рядом стоял белобрысый мальчишка лет десяти и двумя руками протягивал ему довольно большую причудливую раковину.

- Зачем она мне? – пожал плечами молодой человек.

- Море слушать, - объяснил мальчишка, и приложил раковину к уху.

- Так вот оно, море, его и так хорошо слышно, - усмехнулся Егор.

- Это здесь слышно, - не унимался мальчишка, - а дома? Вот закрустите, возьмете ракушку, а там море. Ну купите.

- И сколько ты за нее хочешь? – спросил потенциальный покупатель, вздохнув.

- Полтинник, - радостно сообщил мальчишка.

- Ого! – изумился банковский служащий. – Что-то дороговато.

- Так она же заморская, - обиженно объяснил мальчишка, - у нас таких не водится. Я у старого моряка ее выпросил.

- Ладно, давай твою ракушку, - Егору почему-то стало жалко пацана.

Отдав деньги, молодой человек положил раковину в портфель и хотел еще что-то сказать мальчику, но с удивлением обнаружил, что того уже и след простыл. Он постоял еще немного у парапета, наблюдая, как оранжевый шар солнца опускается на башни крепости, и не спеша, направился домой.

Егор как обычно поужинал в греческой «Таверне», и в приподнятом настроении поднялся в свою небольшую квартирку, которую снимал в доходном доме купца Пантелеева. Удобно устроившись в кресле, он просмотрел вечернюю газету и, не найдя ничего интересного, уже собрался лечь спать, когда вспомнил о своей необычной покупке.

В неярком свете лампы раковина казалась большим веретеном, обвитым толстыми бело-коричневыми нитями, и только внутри ярко серебрился перламутр. Она удобно лежала в ладони, и Егор поднес ее к уху. Казалось, он действи-

тельно услышал приглушенный рокот далекого прибоя, и представил, как зеленые волны накатываются на галечный пляж, а затем с шипением отползают назад, унося с собой белые лоскуты пены. Вдруг этот шепот волн перекрыл густой баритон:

- Ну что, красавица? Не ожидала меня здесь увидеть? Думала спрятаться? Никто не сможет скрыться от Сниффера даже в аду.

- Простите, - ответил мелодичный женский голос, - но вы меня с кем-то перепутали. Я вас не знаю.

- Не знаешь!? – притворно удивился мужчина. – Ха-ха-ха! Впрочем, не имеет значения. Если тебе нравится подавать пиво пьяным матросам, можешь оставаться здесь. Отдай ключ, и я никому не скажу, где ты скрываешься.

- Сударь, вы правда обознались, - в голосе девушки послышались извиняющиеся нотки.

- Обознался? – мужской голос стал угрожающим. – А хоть бы и так! Мне нужен ключ. И я его получу, даже если мне придется освежать твою память не только словами. Но я – человек добрый и даю тебе срок до завтра, чтобы все обдумать.

На этом разговор прервался, а Егор продолжал растерянно стоять, прижав раковину к уху. Что это было? Как такое вообще возможно? Кто эти люди? Вопросы бились в голове, словно только что пойманные птицы. Но ответов не было, и он решил, что это всего лишь очередная шутка странного города, в который его забросила судьба.

За ночь ветер пригнал с моря облака, затянувшие небо толстым серым покрывалом. И настроение было под стать погоде – хмурое, тягостное. К тому же, не давали покоя мысли об услышанном вчера разговоре. Едва дождавшись окончания рабочего дня, Егор Семенович вернулся домой, переоделся в старый, порядком поношенный костюм, обул хромовые сапоги и стал похож на не очень преуспевающего купчика средней руки. В таком виде можно было идти в припортовые кабаки, не опасаясь привлечь к себе внимание. И он отправился на поиски девушки с чарующим мелодичным голосом.

Удача улыбнулась Егору уже в третьем заведении, носившем гордое название «Посейдон» - здесь клиентов обслуживали девушки. По замыслу владельца этой ресторации официантки должны были изображать русалок, поэтому все они были одеты в зеленые облегающие платья и носили зеленые же парики. Молодой человек сел за столик и заказал ужин, намереваясь тем временем присмотреться к сновавшим по залу девушкам. Но это оказалось не так-то просто – издали они все были словно сестры-близнецы, и он уже готов был признать свою затею глупой, когда за его спиной раздался знакомый баритон:

- Эй, красавица! Поди-ка сюда.

Егор резко обернулся. Невдалеке от входа, опираясь на толстую сучковатую палку, стоял кряжистый седовласый мужчина и пальцем подзывал одну из официанток. Девушка, держа в руках поднос с грязной посудой, подошла. Обменявшись со стариком несколькими фразами, которые молодой человек не расслышал, она резко повернулась, чтобы уйти, но мужчина схватил ее за руку, и посуда с громким звоном посыпалась на пол. Егор вскочил и в два прыжка оказался рядом с ними.

- Оставьте девушку в покое, - твердо сказал он, сжимая кулаки.

- Что!? Не лезь не в свое дело, щенок! – рявкнул старик, злобно прищурив-

шись. – Никто не смеет мешать Снифферу выполнять его долг.

На них стали оглядываться, и, воспользовавшись тем, что мужчина отвлекся, девушка вырвала руку и убежала.

- Мы еще поквитаемся, - Сниффер круто развернулся и покинул заведение.

Егор вернулся за свой столик, ожидая, что девушка подойдет, поблагодарить его за помощь, и он сможет с ней познакомиться, но она так и не появилась.

Подождав некоторое время, молодой человек расплатился и вышел на улицу.

К ночи облака истончились, и круглая луна тускло просвечивала сквозь белесую кисею, озаряя одну сторону улицы сероватым светом. Егор медленно шел, коря себя за то, что не решился расспросить обслуживавшую его официантку о той девушке. Услышав за спиной легкий шорох, он оглянулся и едва успел уклониться от удара по голове. Сниффер оскалился и тут же нанес тычок в грудь молодого человека. Уходя от удара, Егор шагнул в сторону, крепко схватил палку и дернул ее на себя, намереваясь либо вырвать ее из рук злобного старика, либо свалить его на землю. Но чуть сам не упал – трость осталась у него, а в руке Сниффера блеснул длинный узкий клинок. Егор, слышал о замаскированном оружии, но увидел его воочию впервые. Он вырос в казацкой станице и с детства научился обращаться с шашкой, а потом, в студенческие годы еще ходил в атлетический клуб фехтовать на эспадронах. И теперь эти навыки ему оченьгодились – он парировал опасные выпады странного старика и сам атаковал оказавшейся у него в руках тростью. Наконец ему удалось одержать победу в поединке: отбив очередную атаку, Егор сделал ложный выпад, и нанес сокрушительный удар по шее противника. Будь в его руках шашка, голова Сниффера слетела бы с плеч, а так, он просто лишился чувств и рухнул на мостовую. Тяжело дыша, Егор бросил трость на поверженное тело.

- Bravo! Прекрасный бой, - неожиданно прозвучал мелодичный голос.

Девушка вышла из густой тени, быстро подошла, подняла клинок и вложила его в трость, затем склонилась над стариком, проверяя, жив ли он. Правда, Егору показалось, что при этом она сняла что-то у того с шеи.

- Он скоро очнется. Пошли быстрее отсюда! – девушка схватила Егора за руку и потащила в узкий проход между домами.

Они быстро шли проходными дворами, пролезали через дыры в деревянных заборах, и, наконец, вышли на широкую улицу, освещенную редкими фонарями. Пораженный тем, как легко его провожатая ориентируется в темноте в этом лабиринте, молодой человек даже не сразу сообразил, что это Большая Рыбацкая.

- Возьми. Не гоже приличной девушке прогуливаться по городу с палкой в руках, - сказала она со смехом, подавая ему трость. - Тебя как зовут?

- Егор.

- А меня – Таис.

- Очень приятно, - улыбнулся молодой человек.

- Мне тоже, - девушка взяла его под руку, - спасибо, что вступился за меня.

- Не за что, - Егор слегка смутился, - а почему он угрожал тебе?

- Кто? Этот старик? – удивилась девушка.

- Ну да. Он же требовал от тебя какой-то ключ, - растерянно ответил Егор.

- Ключ? С чего ты взял? – в голосе Таис проскользнуло раздражение и, как будто даже подозрение.

- Мне слышалось, - промямлил молодой человек.

- А-а-а, - протянула девушка, - в ресторане очень шумно – так что тебе могло почудиться все, что угодно. Ну вот мы и пришли.

Они остановились перед массивной калиткой в высоком заборе.

- Возьми, - Егор протянул Таис массивную трость.

- Нет-нет. Ты взял это оружие с боя, теперь оно по праву твое. Прощай.

- Мы еще увидимся? – спросил молодой человек смущенно.

- Только если тебе еще что-нибудь послышится, - рассмеялась Таис и скрылась во дворе.

Егор шел по ночному городу, а в голове теснились воспоминания: ресторан, темное, словно вырубленное из мореного дуба лицо старика, смертоносный блеск клинка, стройная фигурка девушки, ее темные глаза с длинными ресницами, выбившаяся из-под платка прядь светлых волос, серебристый голос. Вот только эти отрывочные образы никак не складывались в полноценную картину – то есть он четко помнил все, даже неожиданный поединок, а дальше вспоминались лишь отдельные детали, и он уже не был уверен, узнает ли Таис, встретив ее снова.

Дома Егор обнаружил, что его пиджак в нескольких местах располосован, даже рубашка пострадала, однако на теле не было ни царапины. Покачив головой, он вытащил клинок из трости: темное лезвие с коленчатым узором было острым как бритва. Егор поразился: булат высшей пробы! И такое сокровище упрятано в неприглядную палку! Кто же этот Сниффер? И кто Таис? Снова вопросы, на которые у него нет ответов..., а вот и ракушка, с которой все началось.... Он приложил ее к уху и вздрогнул, услышав скрежещущий смех:

- Ха-ха-ха! Вот он, амулетик! Без него эта ищейка здесь долго не протянет. Молодец, что забрала! И деревянный меч нам бы тоже пригодился, ну да ладно. Теперь главное вернуть ключ.

- Зачем ты вообще его отдавала? – раздраженно спросила Таис.

- А ты хотела, чтобы Сниффер пришел сразу сюда? – спросил скрежещущий голос с издевкой. - Посмотри на амулет – это маленькая копия ключа, магически связанная с ним. Если бы ключ был у нас, старый шпион моментально узнал бы об этом. И, в лучшем случае, он бы просто забрал его, а в худшем....

- Да, ты, как всегда, права, - вздохнула Таис, - и что теперь?

- Будем надеяться, что Сниффер не выследил тебя, но, все равно, завтра съедем из этого дома, - неизвестная собеседница сделала паузу, - потом заберем ключ, и поживем здесь, пока ты не наберешься от него настоящей силы. Все, давай спать – завтра предстоит суматошный день.

Егор вздохнул: «Чужая тайна, словно репей в волосах – просто так не избавишься». Он взглянул на раковину: полупрозрачный перламутр слегка поблескивал, переливался, мерцал, как будто там, внутри происходило что-то неведомое. В этот момент раздался тихий стук в дверь. Молодой человек поспешно сунул ракушку в верхний ящик стола и удивленно спросил:

- Кто там?

- Мы с вами встречались сегодня вечером, - послышался из-за двери знакомый баритон, - откройте, нам надо поговорить.

В первый момент Егор растерялся: что делать? Но потом решительно подошел к двери и широко ее распахнул.

- А вы смелый человек, - на лице Сниффера появилось подобие улыбки, - позвольте войти?

- Проходите, присаживайтесь, - сдержано произнес Егор.
- Перешагнув порог, гость внимательно оглядел комнату и уселся в кресло. Затем снял шляпу и бросил ее на пол рядом так, словно проделывал это каждый день, вообще весь его вид говорил о непоколебимой уверенности в своих действиях.
- Хотите вина? – спросил Егор, чтобы прервать затянувшуюся паузу.
- Нет, благодарю, - старик отрицательно покачал головой. – Меня зовут Сниффер, а как ваше имя?
- Егор.
- Ага, искаженное Георгий, - задумчиво произнес незваный гость, - это многое объясняет.
- Что объясняет? - удивление Егора сменилось раздражением.
- То, почему я здесь, к примеру, - усмехнулся Сниффер, - вы можете назвать это случайностью, а я называю провидением.
- И почему же вы здесь?
- Потому что Ключ Судьбы оказался у вас, Георгий, - снисходительно произнес Сниффер.
- Я даже не знаю, что это такое, - пожал плечами Егор.
- А я вам расскажу, - с готовностью отозвался странный гость. – На свете мало людей, задумывающихся о своем предназначении, еще меньше тех, кто знает, зачем живет. Уходят годы, и человек постепенно теряет дарованные ему способности. Ключ Судьбы – это артефакт, раскрывающий и усиливающий способности человека. Проблема в том, что Ключ не разбирает хороший человек или плохой, пойдет его сила на пользу или во вред другим людям. Поэтому желающие изменить свою судьбу, прежде чем прикоснуться к артефакту проходят определенный отбор.
- Ну понятно, - усмехнулся Егор, - как всегда, у кого-то право есть, а кому-то в этом праве отказано. Я-то здесь причем?
- А вы чем занимаетесь? – вместо ответа спросил старик.
- В банке служу, - недовольно ответил Егор.
- Человек с именем Георгий и прекрасными навыками фехтования, - Сниффер потер шею, - служит в банке каким-то клерком...
- Ну и что? – рассердился Егор.
- Нет, ничего, - гость усмехнулся, - но артефакт уже находится у вас, а значит ваша судьба начала меняться.
- Из ваших вещей у меня только трость, - Егор указал в угол комнаты.
- А что лежит в верхнем ящике стола? – лукаво спросил старик.
- Ракушка, - пожал плечами Егор, открывая ящик.
- Он вынул раковину, чтобы показать ее своему гостю. И вдруг ему показалось, что ракушка превращается в рукоять меча, из которой с невероятной быстротой выдвигается отливающая темной синевой сталь клинка. Егор потряс головой, и видение пропало, только удобно лежащая в ладони раковина слегка вибрировала.
- Убедились? – насмешливо спросил Сниффер.
- В чем? – ошеломленно спросил Егор.
- В том, что ваше предназначение быть воином и защитником, - баритон гостя звучал торжественно.
- Вы предлагаете мне отправиться на войну? – насмешливо спросил Егор.

- Именно! – кивнул Сниффер. – Правда, войны еще как таковой нет – так мелкие стычки на границе.
- Вы бредите! Какая война? Какие стычки? Вы что газет не читаете? – выпалил молодой человек, сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.
- Нет, я в здравом уме, - усмехнулся старик, - Георгий, вы, видимо, не поняли. Я говорю о совсем другом мире, о другой империи, где вас ждет новая, насыщенная и, не скрою, опасная жизнь. Но именно там, вы сможете реализовать свое предназначение.
- Так вы меня вербуете..., - иронично улыбнулся Егор.
- Да, - ответил Сниффер без тени смущения, - так вы согласны?
- Продолжая удивленно смотреть на своего гостя, молодой человек вдруг осознал, что ему действительно надоела эта размеренная жизнь, что ему тесно в этом прекрасном, но замкнутом городе, что у него полно сил, которые некуда тратить, и тихо сказал:
- Согласен.
- Повторите, пожалуйста, я не расслышал, - попросил Сниффер, подавшись вперед.
- Я согласен, - четко, почти по слогам, произнес Егор.
- Возьмите мой меч. Артефакт отдайте мне. И повторите, - приказал старик. Егор отдал ему ракушку и, крепко сжав в руке трость, сказал:
- Я согласен.
- Сниффер очертил зажатой в руке ракушкой круг, и молодой банковский служащий навсегда исчез из своей квартиры. Старик глубоко вздохнул, надел шляпу и, словно обращаясь к самому себе, сказал:
- Ну вот, у нашей славной империи появился еще один герой. Таис, можете возвращаться домой. А у меня здесь есть еще кое-какие дела.

Максим Удовиченко

Alchemia

Поднести рюмку ко рту, запрокинуть голову и влить водку, слегка поморщиться и поставить посудину на стойку, сделав знак повторить — все движения уже выполнялись сами собой, рефлексивно. Не помню, какая это была по счету, давно уже сбился, а может, и вообще не начинал считать. Посмотрев налево, я встретился взглядом с не очень опрятной, откровенно одетой девушкой, которая призывно мне улыбалась. Местная проститутка, услугами которой мне иногда доводилось пользоваться. Я отрицательно помотал головой. Извини, Нинка, но сегодня совсем не в настроении, да и денег лишних нет. Шлюха не слишком расстроилась отказом и, сразу потеряв ко мне интерес, принялась оглядывать зал в поисках потенциального клиента.

Несмотря на воскресный вечер, питейная почти пустовала, только несколько столов были заняты.

— Может, на сегодня хватит, Артемий? — обратился ко мне толстый трактирщик в грязном фартуке, когда я поставил на стойку очередную рюмку.

— Не начинай, Петрович, — ответил я, кинув на него злобный взгляд.

— Побойся Бога, хватит уже пить! — сказал толстяк, наполняя мою посудину.

— Не верю я в него...

— Тьфу... Дурак! — воскликнул Петрович и размахисто перекрестился.

— Ты же сам прекрасно видишь, что с городом творится! Чародеи, ведуны, гадалки, нечисть всякая, непонятные чужеземцы — всего и не счесть. А что Бог, что церковь?! Закрывают на все глаза, потому что поделаться-то ничего не могут! — завелся я. — Удобная позиция: мол, не замечаем, значит, и нет их.

— Вышвырнут тебя, богохульника, из семинарии, ой вышвырнут, помяни мое слово! — запричитал трактирщик, вытирая пот со лба тряпкой (ею же он обычно протирал стаканы).

— Да никто меня не выгонит, — уже более спокойно ответил я.

Преподаватели сочувствовали бедному сироте, который потерял все и чтобы хоть как-то свести концы с концами, подрабатывал в портовом складе сторожем. В Духовной семинарии все меня только жалели и хвалили: мол, несмотря на трудности, учиться продолжаю, верую, слово божье в будущем нести людям собираюсь. Никто из священнослужителей и не подозревал о моей ночной жизни.

Я бы и сам забросил семинарию, но имелись веские причины этого не делать. Одна из них — планы на будущее. Стать священником — не такая уж и плохая перспектива. Кров есть, еда есть, а с деньгами что-нибудь придумать можно. Вторая причина заключалась в том, что семинария — это единственное, что мне напоминало об отце. С него, собственно, все и началось.

Матери своей я не знал совсем, она умерла при родах. А отец, сколько его помню, был удачливым купцом. Детство и отрочество я провел в особняке на Генеральском проспекте, окруженный лаской и заботой. Благодаря отцу, нанимавшему учителей, я получил прекрасное домашнее образование, меня

обучали даже фехтованию. Но когда мне стукнуло восемнадцать, старик, поддавшись общей моде, решил отправить меня в духовную семинарию при соборе. Естественно, оплатив учебу вперед до самого конца. Вскоре после этого отец отправился на корабле за границу, но до установленного срока не вернулся. Конечно, посылались запросы в порты, где должен был останавливаться «Добрый», но ответ всегда приходил один: такое судно в гавань не входило. И только спустя год от градоначальника Кейптауна пришло письмо, в котором сообщалось, что «Добрый» заходил в порт, где принял на борт сто бочек рома и вышел в море. А в тех местах всегда пошаливали пираты... Но я верил, что отец жив. И я до сих пор жду его возвращения.

Через два года после исчезновения отца партнеры и кредиторы растащили весь наш капитал и семейное имущество. Вмиг я оказался на улице, практически голодранцем. На оставшиеся гроши мне удалось снять чердачную комнатку на Малой Рыбацкой улице. Также повезло устроиться сторожем в портовом складе, владельцем которого был знакомый моего отца.

После первого жалования мне нестерпимо захотелось напиться, чтобы хоть на какое-то время абстрагироваться от этого мира. На глаза тогда попался дешевый трактир «Боцман» на Малой Рыбацкой. Я даже не задумывался о том, что это заведение может быть не совсем безопасным, да и не в моем положении было выбирать.

Когда, порядком надравшись, я уже собирался покинуть трактир, меня пригласили сыграть в карты. Пьяным матросам не хватало одного человека для партии в покер. Не знаю, почему позвали именно меня — может быть, кто-то заметил, сколько я потратил в питейной. Им не повезло: с детства меня интересовали карточные игры, фокусы и способы мухлежа. Поэтому, через некоторое время, я оставил пьяную компанию ни с чем. Естественно, матросам это не понравилось, но за руку меня никто не поймал, так что все выглядело честно.

Когда я уже во второй раз попытался покинуть трактир, меня поймал за локоть один из вышибал и весьма настойчиво попросил пройти с ним. В одной из задних комнат заведения у меня состоялся не очень приятный разговор с хозяином «Боцмана», который заметил, как ловко я обмучлевал матросов, сам будучи пьяным. Мне было сделано интересное предложение, от которого, беспокоясь о своем здоровье, я не смог отказаться.

С тех пор я работал у Петровича, хозяина заведения, местным шулером. Половину выручки отдавал, но зато имел бесплатный ужин и выпивку. Естественно, с постоянными посетителями я никогда не играл, только с приезжими.

— Я же о тебе, дураке, беспокоюсь, — прервал мои размышления Петрович.

— Только эта забота не мешает тебе обирать меня, — огрызнулся я и хватил очередную стопку.

— Дело есть дело... — как обычно затянул толстый трактирщик, но, неожиданно оборвав фразу, махнул рукой и сказал: — Поступай, как знаешь, Артемий.

Подобные разговоры у нас случались уже не первый раз.

— Вот этот совет как раз по мне, — сказал я, развернувшись, чтобы посмотреть в глубь зала.

Вот уже на протяжении нескольких часов за одним из столов усердно напивались двое матросов и один очень странный субъект. Всех их я видел впервые — угадать по форме, откуда моряки, у меня не вышло. «Пришлые», — подумал я. Третий, который меня и заинтересовал, был одет в черную длинную монашескую рясу с капюшоном, опущенным до самого носа — так, что под ним невозможно было рассмотреть лицо. Правда, это абсолютно не смущало его собеседников.

Встав из-за стойки, я, направился напрямик к заинтересовавшей меня компании, шатаясь и стараясь казаться более пьяным, чем есть. Подойдя к столу, спросил заплетающимся языком:

— Не желаете ли перекинуться в картишки, господа?

Вся троица молча уставилась на меня.

— Отчего бы и не сыграть, — тихо прошипел наконец человек в черной рясе. От его произношения мне стало как-то не по себе.

Усевшись за стол, я достал запечатанную колоду и быстро произнес:

— Во что сыграем? Винт, вист, покер...

— Белот*, — перебил один из матросов.

— Отлично. Хозяин, водки! Угощаю! — крикнул я, распечатывая колоду.

Все прошло как обычно, по стандартной схеме. Сначала ставки делали маленькие, потом, разгорячившись, под влиянием азарта и дешевой водки, стали повышать. В итоге, матросы и «монах», как я окрестил про себя человека в черном, остались с пустыми карманами.

Я же разбогател на шесть рублей тридцать копеек и старый фолиант в переплете из черной кожи, на котором, слегка потускневшими от времени позолоченными нитями, было вышито: «Alchemia». Его «монах» достав из холщовой сумки, стоявшей под стулом, в последнем кону швырнул на стол со словами: «Все равно наизусть знаю!». Старинный томик, по моим прикидкам, тянул рубля на три, потому ставку я принял.

Когда игра закончилась, я поспешил раскланяться с обманутой компанией. Заняв прежнее место за стойкой, сделал вид, что продолжаю пить. На прощанье человек в черной рясе, лицо которого я так и не рассмотрел (мне казалось, что в глубине капюшона вместо лица клубилась тьма), шепнул мне: «Не продавай книгу». Я лишь кивнул и поторопился его покинуть: этот человек вызывал во мне необъяснимое чувство страха. «Монах» напоминал мне змею. Наверно, подобные ощущения испытывает мелкий грызун при виде хищной рептилии.

Минут через двадцать, когда странная троица покинула заведение, ко мне подошел Петрович.

— Так себе улов, — толстый трактирщик всегда внимательно следил за моей игрой.

— Ну что, как обычно? — спросил я, рассматривая выигранный фолиант.

— А как же, конечно. С тебя пять рублей.

— Ты чего, Петрович, пополам же делим! — удивленно воскликнул я.

— Ты мне зубы даже не старайся заговаривать! Я-то вижу, что книжонку продать можно, да самому возиться неохота. Оставлю ее тебе, так что изволь пятерик, — сказал трактирщик, протягивая ладонь.

Молча я отсчитал пять рублей и отдал их Петровичу. Спорить не было смысла. Когда он отходил от меня, вид у него был, как у свиньи, до отвала нажравшейся помоев.

— Жидяра...

— Чего? — не расслышав, переспросил хозяин.

— Домой пойду, — буркнул я.

— А, ну бывай, — равнодушно ответил он, пожав плечами.

Надев плащ и шляпу, сунув книгу под мышку, я вышел из трактира. Темный переулочек встретил меня свежим ветерком. Октябрьские ночи в Южной пристани довольно прохладны. Засунув свободную руку за пазуху и нащупав в потайном кармане рукоять морского кортика, который когда-то выиграл в карты, я быстрым шагом направился в сторону своего дома. Спокойно наслаждаться прогулкой в переулках Малой Рыбацкой вредно для здоровья. По дороге меня запросто могли поджидать недовольные проигрышем недавние посетители «Боцмана». Еще был шанс столкнуться в переулочке с компанией пьяных матросов, которые всегда не прочь почесать об кого-нибудь кулаки. Но с такими можно разойтись миром: морякам одного человека бить неинтересно, им подавай шумную драку — толпа на толпу. Больше всего стоит опасаться обитателей городского дна, готовых за медную копейку перерезать случайному прохожему глотку. Такие существа как раз и селились в трущобах Малой Рыбацкой.

Но сегодня фортуна ко мне благоволила. Я без происшествий преодолел полверсты и остановился перед входом в нелепую двухэтажную деревянную постройку с покатой крышей. Здесь я снимал маленькую комнатку на чердаке. Из-за морского климата, сырости, плесень была в этом доме постоянной гостьей. Не имею ни малейшего представления, как эта развалина до сих пор стояла.

В коридоре я столкнулся с соседом. Маленького роста, худой, но вполне крепкий для своих пятидесяти, одетый в дешевый, покрытый заплатами, дрянной костюм, (никто из обитателей Малой Рыбацкой дорого и не одевался), в очках с толстой роговой оправой, человек пыхтел над несколькими мешками.

— Вам помочь? — обратился я к нему.

Сосед поднял на меня мутный взгляд, пару секунд смотрел молча, а затем буркнул:

— Сам справлюсь.

Я пожал плечами и отошел.

Старик всегда был нелюдим. Не знаю, чем он занимается сейчас, но от хозяйки дома я слышал, что сосед во время войны служил полевым врачом. Но по возвращении с фронта узнал, что его жену и маленькую дочь, которых он оставил в городе, убили какие-то грабители. С тех пор он слегка не в себе, что совсем не удивительно. Отправляешься защищать родину, а она преподносит тебе такой «подарок».

Поднявшись в комнату, я скинул шляпу и плащ, кое-как стянул обувь и прямо в одежде завалился в кровать.

Утром меня, как обычно, разбудили соседи, собиравшиеся на работу. Сквозь тонкие деревянные стены проникал даже самый слабый шум. Кое-как приведя себя в порядок, я отправился на занятия в семинарию. И освободился только к вечеру. Заскочил домой, чтобы взять выигранную книгу: ее я собирал-

ся изучить во время сегодняшнего ночного дежурства. Поужинав в «Боцмане», направился напрямик к месту работы. По дороге завернул в мясную лавку, чтобы купить крупную телячью кость — как обычно, успел за пару минут до закрытия.

Когда я, наконец, добрался до склада, меня уже поджидал мой напарник — старый пес Рракх из клана Неспящих.

— Хех, парень, судя по ароматному свертку в твоих руках, ты сегодня хочешь поспать, — произнес он вместо приветствия.

С Рракхом у нас давно действовала своеобразная договоренность: зная о моем положении он, за небольшие презенты (кусоч мяса или хорошую кость), дежурил всю ночь, а мне давал возможность выспаться. Рракх мог бы и один работать на складе — Неспящие, отличавшиеся острым обонянием и слухом, были отличными охранниками. Но градоначальник издал указ о том, что собственники больших зданий обязаны нанимать в охрану не только Неспящих, но и людей. Тем самым глава города поддержал новых обитателей Южной пристани, и не пополнил ряды безработных среди людей.

— Угадал, старик, — сказал я и потрепал Рракха по голове.

Пес прикрыл глаза от удовольствия и завилял хвостом.

— И где же легендарная гордость Неспящих? — пошутил я.

Представители клана Неспящих были чрезвычайно горделивы и терпеть не могли, когда с ними обращались, как с обычными собаками. Будь на месте Рракха кто-нибудь другой, я бы в лучшем случае отделался прокушенной рукой. А если подобным образом оскорбить кого-нибудь из глав клана, то можно распрощаться с жизнью.

— Эх, парень, в моем возрасте перестаешь задумываться о таких бесполезных мелочах. Так что скорее давай сюда, что принес, — получив кость, Рракх, довольный, потрусил в глубь склада.

Я же направился в маленькую каморку, сделанную специально для сторожей. Там зажег масляную лампу, улегся на старый топчан и принялся изучать выигранный фолиант. Сначала просто пролистал несколько тонких пергаментных страниц, испещренных мелким, но понятным почерком и разнообразными рисунками. Оказалось, книга была написана на латыни. Как любой семинарист, я неплохо знал мертвый язык, поэтому, открыв первую страницу, начал читать.

Книга начиналась со слов: «Алхимия не делает вас подобным Творцу. Ничто в мире не появляется из ниоткуда и не уходит в никуда. Для того чтобы что-то получить, нужно что-то отдать взамен. Алхимия строится на принципе равноценного обмена...» В ней рассказывалось совсем не о той, классической алхимии, объясняющей строение веществ и стремящейся открыть тайну философского камня. Здесь велась речь о преобразовании предметов, изменении их формы, с учетом сохранения массы. Еще были заклинания, которые, по-моему, относились скорее уже магии, не совсем светлой. Но суть преобразований отображалась в рисунке — это обязательно был круг с пентаграммой внутри. Окружность символизировала замкнутый поток энергии и единство, а магическая фигура — пять стихий: воздух, воду, огонь, землю и дух. Внутри рисунка уже расставлялись специфические, для определенного заклинания, символы. Для преобразования использовалась энергия, пронизывающая все сущее, находящаяся везде: в земле, в воде и в воздухе. Но чтобы научиться

ее чувствовать и использовать, требовались годы специальных тренировок. Каких именно, в книге не уточнялось. Поэтому автор предлагал другой вариант, доступный каждому. Сила крови. В ней, как он утверждал, содержится огромное количество духовной энергии. А боль и страх увеличивают количество энергии вдвое. Потому неизвестный алхимик советовал использовать жертвоприношения. Для мощных преобразований желательными являлись человеческие жертвы. Причем очень подробно описывались наилучшие способы убийства. Упоминался и философский камень, даже способ его создания. Но он требовал такое колоссальное количество жертв, что сделать его было практически невозможно — разве что если устроить мировую войну.

Читать я закончил почти под утро. Идея этой алхимии захватила меня. Захотелось попробовать ее в деле. Я выкопал в буржуйке уголек, благо печь уже долгое время никто не чистил, и стал искать что-нибудь для преобразования. На глаза попала старая глиняная кружка. Нарисовав прямо на полу круг с вписанной в него пентаграммой, я поставил кружку в центр. Сначала требовалось сосредоточиться и представить в уме преобразование, которое нужно совершить. Я вообразил, как кружка превращается в шарик. Затем проколол палец кортиком и, когда капля крови упала на кружку, произнес: «metamorphosis!».

Раздался громкий треск, словно от статического электричества, и в воздухе запахло озоном. Кружка неожиданно смялась, словно кто-то невидимый месил мягкую глину, и на моих глазах превратилась в идеально ровный шарик. Алхимия работала.

Я был потрясен открывшимися возможностями. В полной прострации, размышляя, какие выгоды можно извлечь из новых знаний, поплелся в семинарию. Когда занятия, наконец, закончились, со всех ног рванул домой. По дороге заскочил в пекарню и купил полбуханки черствого хлеба. Оказавшись дома, я в первую очередь стащил у хозяйки медный, отполированный до блеска, таз, в котором она летом варила варенье. В своей комнате открыл маленькое окошко, выходящее на крышу, и принялся крошить хлеб. Еда привлекла стайку голубей. Птицы клевали крошки, не обращая внимания на мое присутствие. Я стремительно потянулся и схватил ближайшего голубя, распугав остальную стаю. Затащил птицу в комнату и замотал в одеяло, чтобы не дергалась. Нарисовал мелом на полу круг с пентаграммой и поставил в центр таз. В начищенной посудине отразилось мое лицо — слегка вытянутое, с тяжеловатым волевым подбородком. Длинные волосы зачесаны назад и собраны в конский хвост. Особой красотой я не отличался, был высок и худ, хотя физически довольно силен.

Оторвавшись от созерцания своей физиономии, я взял голубя и прижал его к тазу. Птица от страха уже перестала трепыхаться. Свободной рукой я достал из кармана медные десять копеек и положил перед собой, чтобы лучше представлять итог преобразования. Затем, со словами: «извини, птичка», проткнул грудку голубя кортиком и произнес ключевое слово. Сначала ничего не происходило, но потом таз неожиданно распался на кучу медных монет. Я надеялся, что мой ликующий крик не разбудил никого из соседей.

В одночасье я стал богаче рублей на пятнадцать.

Следующий день пролетел незаметно. Возвращаясь домой из семинарии, я услышал крик мальчишки, продававшего газеты: «Горячие новости! Ри-

туальные убийства на Малой Рыбацкой!». Купив у него газету, я на ходу раскрыл ее и начал читать. Оказывается, в ночь, когда я совершал преобразования с тазом, на нашей улице было убито три человека: двое мужчин и одна женщина. По словам журналиста, какой-то манияк сначала усыплял жертв с помощью хлороформа (пропитанную им тряпку нашли на месте преступления), затем распинал прямо на земле и вырезал на груди ритуальный знак. Умерли же люди от кровопотери — убийца вскрывал сонную артерию. Разрез был сделан очень ровно и аккуратно, небольшим и острым лезвием.

К статье прилагались фотографии, рассматривать которые я не стал. На Малой Рыбацкой теперь промышляет какой-то психопат, значит, надо быть вдвойне осторожным.

Убийства не прекращались. На следующий день в вечерней газете я прочитал, что, несмотря на усиление полицейских патрулей, неизвестный душегуб распял еще двух человек. Одной из них оказалась моя знакомая проститутка — Нинка. Газетчики напечатали фотографии жертв крупным планом. На груди у несчастных были вырезаны знаки, обозначающие стихии: у Нинки символ земли, а у неизвестного мне мужчины — огня.

Меня поразила странная догадка, и я поспешил домой. Отыскал в комнате вчерашнюю газету. Как и предполагал, у прошлых жертв на груди были вырезаны знаки воздуха, воды и духа. Чтобы проверить свою теорию, я перерыл на столе кипу старых книг и бумажек, с трудом откопав карту города. В газетах давались точные адреса домов, рядом с которыми произошли убийства. Расставив на карте карандашом точки, я соединил их и раскрыл рот от удивления — получилась пентаграмма. Кто-то с помощью человеческих жертв решил создать огромный круг преобразования. Получалось, что последнее убийство должно было произойти в центре пентаграммы! Следовало срочно сообщить свои догадки полиции.

Я рванул со стула плащ, собираясь тотчас же отправиться в полицейское управление. Вдруг в дверь постучали. Я открыл, и в комнату ввалились трое патрульных. Следом вошел Семен Игнатьевич — следователь из полицейского управления, старый друг моего отца.

— Ну, здравствуй, Артемий Сергеевич, — тихо произнес он. — Следы привели нас сюда, а под твоей дверью мы нашли вот это, — Семен Игнатьевич показал мне окровавленный платок из дешевенького ситца с криво вышитыми на нем инициалами «Н.Ф.». — Это принадлежало Нине Федоровой. Как ты это объяснишь, Артемий?

— Хорошо, что вы здесь! — быстро проговорил я. — Мне известно, где произойдет следующее убийство!

Я бросился к столу, на котором лежала карта, чтобы показать ее следователю. Но увидев на стопке книг кортик, полицейские истолковали мое движение по-своему. С криком: «Вяжи его, ребята!», доблестные стражи порядка бросились на меня. Кто-то саданул меня рукоятью пистолета по голове, и я потерял сознание.

Очнулся я в одиночной камере. Голова трещала. С трудом встав с лавки, подошел к решетке и выглянул в плохо освещенный коридор. Ни души. По-видимому, меня кинули в одну из временных камер, размещенных в здании полицейского управления.

— Здравствуй, шулер, — раздался у меня из-за спины тихий, шипящий

голос.

От ужаса мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Обернувшись, я увидел на лавке человека в черной рясе, который проиграл мне книгу по алхимии.

— Как ты сюда попал?! — справившись с оцепенением, прошептал я.

— О, это сейчас не имеет никакого значения. Важно другое. Ты же понял, зачем совершаются все эти убийства? — спросил «монах».

— Да, но откуда маниак знает о круге преобразования?!

— Я дал ему точно такую же книгу, как тебе.

— Но зачем?

— Если тебе так важно знать, то ладно, пожалуй, расскажу.

Дело в том, что я решил провести интересный эксперимент, чтобы узнать, как алхимия Высшего мира повлияет на низших существ. Для опытов я выбрал ваш город, потому что сюда очень просто переместиться из любого мира. Мне требовались два подопытных экземпляра, знающих латынь, и переживших в прошлом трагедию. Одним из них стал ты. Твои реакции были очень интересны для меня. А вот действия второго субъекта оказались слишком предсказуемы. Я уже знаю, чем для него все закончится, поэтому принял решение. Ты должен его остановить, — «монах» показал мне раскрытую ладонь. Тут же, прямо из воздуха, на ней появились книга и кортик. — Возьми, тебе это пригодится.

Не в силах произнести ни слова, я взял протянутые мне вещи и уставил-ся на книгу. Когда я поднял взгляд на «монаха», собираясь задать еще один вопрос, его уже не было.

Размышлять о том, кто этот сумасшедший — фокусник или маг, не было времени. Следовало выбираться отсюда, чтобы поймать убийцу и снять с себя все подозрения.

Разрезав ладонь кортиком, я кровью нарисовал на стене круг преобразования. Приложил руку к центру и представил, как камень выпадает с другой стороны, открывая для меня проход. Но крови для такого простого действия оказалось слишком много, потому стену просто вынесло, будто ударом гигантского тарана.

Оторвав от рубахи полоску ткани, я кое-как перевязал ладонь и побежал в сторону Малой Рыбацкой.

В одном из переулков я нос к носу столкнулся с Семеном Игнатьевичем. Секунду мы удивленно смотрели друг на друга, потом одновременно начали действовать: следователь потянулся за пистолетом, но я опередил его, ударив ногой в живот. Друг моего отца сложился пополам и, как подкошенный, упал на землю. Забрав у него пистолет, я подождал, пока он отдышится.

— Как ты выбрался... Артемий? — выдавил следователь.

— Сейчас это не имеет значения, Семен Игнатьевич. Я не виновен, но знаю, где произойдет следующее убийство. Вставайте, пойдете вперед, — сказал я, наставив на него пистолет.

С трудом поднявшись, Семен Игнатьевич, пошатываясь, зашагал туда, куда я указывал.

Через несколько минут мы вышли из переулка на небольшое открытое пространство между домами, освещенное полной луной.

— Кажется, мы опоздали, — тихо произнес следователь.

На земле лежал распятый труп женщины. Сидевший перед ним на кор-

точках мужчина внимательно наблюдал, как кровь вытекает из перерезанной артерии. Рядом валялись какие-то мешки и стояли ведра с водой. В убийце, к своему изумлению, я узнал соседа, бывшего военного врача. Подойдя на пару шагов ближе, мы с Семеном Игнатьевичем услышали, как человек что-то тихо бормочет.

— Сто семнадцать фунтов воды, шестьдесят семь фунтов угля, тринадцать фунтов аммиака, пять фунтов известняка, двадцать восемь унций фосфора, девять унций соли, три с половиной унции селитры, три унции серы, шесть скрупул фтора, четыре скрупулы железа, две с половиной скрупулы кремния...

Наконец убийца заметил, что находится здесь не один.

— Вы не мешаете мне, — сказал он, вставая. В руке его блеснул скальпель.

— Стреляй, Артемий! — закричал следователь.

И я выстрелил. Пуля вошла ровно промеж глаз. Голова психопата дернулась назад, тело обмякло, и на землю повалился уже мертвец.

Подойдя к телу убийцы, Семен Игнатьевич склонился над ним, бегло осмотрел, вытянул из руки скальпель и произнес:

— Так и думал, что артерии жертв перерезали хирургическим инструментом. Но зачем ему все это было нужно? И что за чушь он бормотал?

— Примерный состав тела взрослого человека, — озвучил я свою запоздалую догадку. — Этот несчастный хотел при помощи магии воссоздать своих погибших жену и дочь. Но он даже не задумался о том, что души с того света вернуть невозможно. Созданные им тела были бы обычными куклами — го-мункулами, в которые можно вложить какое-то подобие жизни...

Тут меня, словно гром с небес, поразила неожиданная мысль. Мне вспомнилось заклинание из книги, при помощи которого можно возвращать потерянное.

— Семен Игнатьевич, вы же были другом моего отца?

— Да, почему ты это сейчас вспомнил? — удивился следователь.

— Я знаю, как его вернуть! Выслушайте меня!

Объясняться мне пришлось долго. Я поведал Семену Игнатьевичу о книге по алхимии, рассказал о кругах преобразования и об энергии, которая используется для заклинаний.

— Если использовать круг, который создал убийца, мне удастся вернуть отца! — закончил я.

Семен Игнатьевич долго молчал, переваривая мою историю. Будь мы в любом другом городе, меня после такого рассказа тут же отправили бы в скорбный дом. Но в Южной пристани случается всякое, так что следователь не сомневался в моих словах. Скорее, он прикидывал, насколько опасна может быть предложенная мною эскапада. Наконец, желание снова увидеть друга взяло в нем верх и, произнеся: «Действуй» — Семен Игнатьевич отошел в сторону.

Раскрыв книгу на нужной странице, я встал перед трупом женщины и начал читать заклинание...

...Через несколько дней, когда закончилась вся волокита с расследованием и меня признали невиновным, я, наконец, смог уединиться в своей комнате, чтобы отдохнуть. Весь вечер изучал книгу по алхимии. Когда время пере-

валило за полночь, я услышал, как кто-то скребется в мою дверь.

Поднявшись с кровати и прихватив на всякий случай кортик, я подошел к двери и резко распахнул ее.

В комнату ворвались запахи моря, рыбы и... мертвечины. На пороге стоял утопленник. Вода, стекавшая с него, образовала на полу большую лужу. В волосах запутались водоросли, в пустых глазницах копошились маленькие рачки. Кожа и плоть покойника были изъедены морскими обитателями. Но половина его лица каким-то чудом сохранилась, и я узнал своего пропавшего родителя. То, что когда-то было моим отцом, протянуло ко мне руки и по-рыбьи распахнуло рот в немом крике.

***

Тело моего отца удалось упокоить и сжечь. Вслед за ним я швырнул в огонь книгу по алхимии. Но кто-то всесильный, будто в шутку, навсегда высек в моей памяти все, что я прочитал в этом фолианте.

*Примечание: белот — карточная игра, была популярна в конце XIX - начале XX века, преимущественно в странах Средиземноморья. В России она была особенно распространена в портовых городах Причерноморья, куда ее завезли моряки.

Зотов Иван
П у т ь д о м о й

– Вы меня разочаровали, Даген.

С виду Григорий Губинов был франт франтом. Эдакий светский лев, желанный гость на любом балу. Всегда в своей странной черной цилиндрической шляпе, с благородной проседью в бакенбардах. Он резко отличался от тех криволицых мясников, с которыми мне до сих пор приходилось иметь дело. Но эти внешняя приятность и благородство не могли обмануть мой опытный глаз. Григорий по кличке «Живоглот» в душЕ был таким же мерзавцем по локоть в крови, как и все мои предыдущие работодатели. Если, конечно, у него была душа.

– Я дал вам карту, дал инструмент, рассказал, когда лучше провернуть это... – он покрутил левой рукой с тростью в воздухе, подбирая правильное слово, – это дело. А вы что сделали?

– Принес половину добычи, как договаривались, – прохрипел я с трудом. Ребра все еще саднило после экзекуции, устроенной мне парнями Живоглота.

В свободной от трости руке Губинов сжимал черную рукоять, из которой на меня смотрела блестящая маслом трубка. Я не знал, чем он мне угрожает, но чувствовал опасность, исходящую от этой штуки. Двое громил держали меня под руки. В такой ситуации было не до шуток, но я шутить и не думал. Если что-то я и читил в этой жизни, так это кодекс вора. А он предписывал соблюдать условия заказа.

– Если мне не изменяет память, я просил вас взять все деньги в доме. Даже рассказал, где стоит сундук, набитый ассигнациями, – его слащавый голос вдруг сделался ядовитым, а потом сорвался на крик. – А вы изволили принести мне горсть медяков!

Губинов вынул из кармана и швырнул об пол кошель с добычей, который я ему отдал. Медные монеты разного размера со звоном покатались по дощатому полу. Ситуация сложилась скверная. Живоглот выходил из себя. И обвинить-то кроме себя было некого. Ведь сундук в доме городничего действительно был. И находился в указанном месте. Только набит он был не деньгами, а обрезками тонкого пергамента с незнакомыми мне рунами и чьими-то портретами. За такие бумажки у нас не дали бы ничего, если они, конечно, не были волшебными.

– Этот сукин сын, городничий задолжал мне кучу денег. Много я потратил на разработку плана, а вы все испортили, значит, должны компенсировать мне убытки. Я понятно изъясняюсь?

Чего уж не понять? Плати или умри. Ростовщиками не становятся, а рождаются.

– А поскольку вам, насколько мне известно, нечем расплатиться...

– А что если есть? – перебил я.

Живоглот явно не ожидал этого и потребовал показать. Меня отпустили, и тогда я извлек из потайного кармана этот странный медальон – мою предыдущую добычу.

Уж не знаю, на что прошлому заказчику была нужна эта безделица – гра-

ненный камень размером с миндальный орех был похож на рубин, но им не являлся, и заказчик не мог этого не знать. Висел он на дешевой медной цепочке. Конечно, за него можно было бы получить пару серебряников, но не более того. И из-за этой безделицы на меня натравили всю стражу Хакиля.

Я снова вспомнил самую страшную погоню в моей жизни и свистящие стрелы, несущие смерть на остриях, и боль в спине, и падение в ледяную воду залива, мгновенно побагровевшую. И то, как вода вдруг стала теплой, и как я вынырнул уже не в Хакиле, а в совсем другом городе. И не было больше стражи, не было погони, не было даже раны.

Моего заказчика в этом мире тоже не было. И, насколько я успел заметить, люди здесь намного хуже разбирались в драгоценностях. Так что, вдруг ставший не нужным мне медальон теперь мог спасти мою шкуру.

Губинов выхватил медальон и оценивающе посмотрел на свет. Довольно хмыкнув, сказал, что с таким молодым человеком как я всегда приятно иметь дело и приказал своим шакалам меня вышвырнуть.

Итак, я оказался на пыльной улице незнакомого и странного города под названием «Южная Пристань». В кармане лежала горсть медных монет, которые, как оказалось, не многого здесь стоят. Мое нынешнее положение отличалось от положения трехдневной давности только тем, что я лишился бесполезной стекляшки и, что беспокоило меня намного больше, почти всего снаряжения. Грязный ростовщик оставил себе мой кинжал, набор дротиков для арбалета и коробку «ампул» с заклятьями, за которые я выложил в свое время (и в своем мире, конечно) огромные деньги. К счастью, громилы Живоглота обыскивали меня не слишком тщательно, можно сказать, порядка ради, и у меня остался нож в сапоге, набор бесполезных отмычек от наших хакильских замков, новые отмычки, полученные от Губинова, мини-дротострел «Шелест» и «кошка» к нему, специальная одежда и особый сюрприз на крайний случай.

В этом городе, в этом мире, за три дня я видел много чудес, о которых в Хакиле не слыхивали слыхом. Я видел железные корабли без парусов и висящие в воздухе пузыри, поднимающие людей в корзинах, слышал гром среди ясного неба, по которому горожане сверяют часы, видел мир двойников, начинающийся за многочисленными стеклами в доме городничего, и видел себя по ту сторону стекла. При этом здесь было трудно найти приличную лавку алхимика или купить заговоренное оружие. Но как бы ни различались наши миры, в главном они были схожи, и этим главным были люди. Там и тут одинаковые мерзавцы. Я понял это на примере Живоглота. Не стоило, конечно, наниматься на работу не разведав обстановку, но когда ты оказываешься один в чужом мире... тут уж не до разведок. Каждый делает то, что умеет и имеет с этого свой навар. Я умел воровать, а моим наваром стал урок.

Пошатавшись по городу, сливаясь с толпой, я, наконец, нашел, что искал. Вычурная надпись над невзрачной дверью гласила: «Магия Марфы». Разумеется, сейчас у меня не было денег на новые заклинания, но ПОКУПАТЬ я ничего и не собирался. Каждый делает то, что умеет.

В лавке, наполненной ароматами благовоний, за столом сидела старая цыганка в разноцветных одеждах, обвешанная бусами и браслетами, что ель на день святого МАниша. Приопустив тяжелые веки она, покачивалась в такт слышимой ей одной музыке.

Я осмотрелся. На магическую лавку помещение похоже не было. Хотя и

висели на стенах различные обереги, но было все какое-то показное. Письмена, не нужные знаки и узоры, аляповатые полотенца и вуали. В нашем мире за заклинание говорили его качества, а не красота оформления. Возможно, здесь было не так. И тут я заметил ЭТО. Дыхание от неожиданности сбилось, и ноги на несколько мгновений потеряли способность двигаться. В углу на сафьяновых подушках возлежал сам Отэри – призрак ночи в облики огромной черной собаки. Видимо, он спал, но мой приход его разбудил. Пес приоткрыл один глаз, загоревшийся красной звездой, и тихо утробно зарычал.

– Тихо, Друг, дай ему шанс, – обратилась женщина к псу, и тот послушно замолк. – Садись, Даген, садись. Давно жду, – произнесла колдунья, не удостоив меня взглядом.

От неожиданности я действительно сел прямо на ковер.

– Можешь не озираться в поисках поживы. Я не колдунья, а гадалка, – сообщила она будничным тоном. – Хорошего колдуна в нашем мире днем с огнем не сыскать, не то что в вашем. Хотя, есть тут один средней руки ворожей. Он в своем мире был из худших, может, поэтому сюда и перебрался. Здесь-то процветает на простеньких заклетьях. Конкуренцию мне наводит.

Я, было, раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но гадалка Марфа подняла руку.

– Не перебивай старших. Зовут его ПарапЕтус, запомни – пригодится. Теперь о главном. Домой хочешь?

Я ошарашено покивал головой.

– Можно. Но не просто. Отдал ты свой путь домой. Понял?

Я все так же удивленно головой помотал.

– Амулет, дурень. Путевой амулет отдал. Теперь обратный путь только заслужить можно.

«Путевой амулет», – пронеслось в моей голове. Как будто щелкнул под отмычкой самый хитрый замок Чаакских мастеров, и все встало на свои места. Заказ на эту безделушку, страшная погоня и мое здесь появление. Яснее ясно-го, но ведь сам не догадался!

– Его нужно вернуть, – задумчиво произнес я, теребя нижнюю губу. А в голове уже вертелись варианты возвращения честно украденного мной амулета.

– Ты что, меня не слушал?

«Купить? Но на что?».

– Тебе выпало испытание.

«Напасть? У Живоглота охрана. Слишком мало шансов».

– Дорогу домой можно только заслужить.

«Остается украсть. В конце концов, каждый делает то, что умеет».

Я вскочил на ноги и бесшумной тенью метнулся из лавки гадалки. Предстояло найти Губинова, пока тот не перепродал амулет и подождать, пока перепродаст и уж тогда...

Я снова занимался любимым делом. В огромном людном городе я прятался у всех на виду. С будничным выражением лица я плыл по улицам, уворачиваясь от слуг с тяжелыми тюками и улыбаясь редковстречаемым красавицам. И никто никогда не заподозрил бы, что я на самом деле преследую раздетого господина с двумя охранниками.

Губинов, как и следовало ожидать, отправился к ближайшему ювелиру. По крайней мере, на деревянной вывеске был изображен неприлично огромный изумруд. Амбалы остались сторожить вход. Но на легкий путь я и не рассчитывал. Украсть камень из ювелирного магазина хоть и сложно, но наверняка проще, чем вытащить его из-за пазухи Живоглота. Особенно после нашего с ним сердечного расставания.

Я обошел дом сзади. Прохаживаясь по бульвару, люди не обращали на меня внимания. Их больше привлекали наполняющие воздух свежестью фонтаны, тянущиеся вдоль проспекта. За домом было далеко не так красиво, зато безлюдно. Только несколько котов пировали в мусорной куче. Плана трехэтажного дома со странной наклонной крышей у меня не было. Да и откуда ему взяться? Но я должен узреть передачу амулета. Пришлось действовать наудачу.

Отвернув рукав, скрывающий мой верный мини-дротострел, я зарядил его «кошкой» с веревкой и запустил ее на крышу. Перчатки с кожаными накладками были специально предназначены для влезания по веревке. Форму приходилось поддерживать соответствующую. Такая уж профессия. В общем, скоро я оказался на покатой крыше. Световой люк, как и следовало ожидать, был закрыт решеткой. Правда, с замком, висящим на решетке, справился бы и карманный воришка с хакильского базара, будь у него отмычка. У меня она, спасибо Живоглоту, была. Я оказался на пыльном чердаке, заваленном старыми наждачными камнями, и стал бесшумно, насколько это было возможно, искать спуск.

Я превратился в тень, бесшумную и чуткую тень, крадущуюся по чужому дому. Тень, которую можно увидеть только боковым зрением, а потом она исчезает, и ты думаешь, не показалось ли тебе? Вот кто-то процокал через соседнюю комнату, еле слышно скрипнула дверь. Подождать четыре секунды и входить. Кто-то спускается по лестнице. Кто-то ругается этажом ниже. Губинова с ювелиром стало слышно за несколько комнат. Они уже о чем-то спорили. Я огляделся и понял, что нахожусь в мастерской, о чем говорили приборы на верстаках и наваленный кучей инструмент. Скорее всего, разговор произойдет именно здесь. Из помещения вело три двери. Через одну вот-вот войдет хозяин. Вторая была железная с семью замками. И как бы я хотел попасть за эту дверь на пять минут, больше не надо, но времени на это не было. Через последнюю дверь я вошел и теперь поспешил выйти обратно, но плотно ее не закрыл – надлежало все увидеть и услышать.

Живоглот спорил с ювелиром о цене, но не моего амулета, а каких-то украшений, проданных до этого. Ростовщик грозился найти другого сбытчика. Потом Губинов достал амулет и отдал ювелиру. Тот долго и придирчиво рассматривал его через трубку со стекляшкой, затем повернулся к Губинову.

– Шутить изволите-с? – слащаво пропел он.

– Какие шутки? Вот товар, сколько даешь?

– Нисколько-с. Это подделка-с. – Сказав это, ювелир бросил амулет на пол, да так, что он откатился почти к самой двери, за которой скрывался я.

Живоглот побагровел от злости. Он бросился в соседнюю комнату и оттуда, не стесняясь в выражениях, проорал в окно приказ своим шакалам найти меня и утопить в заливе.

Тем временем, я приоткрыл дверь и нашел глазами амулет. Оставалось

только протянуть руку, схватить и бежать отсюда в свой мир. Но тут камень, что висел на цепочке, засиял розовым ярче, чем самый дорогой рубин под солнечным светом. Ювелир не мог этого не заметить. Он медленно повернулся и охнул. Ворвался все еще разъяренный Губинов и застыл с открытым ртом. Они оба осторожно подошли к моему амулету и опасливо склонились над ним. Я отпрянул от двери, чтобы меня не заметили, но им было совсем не до того. Дальше я мог только слушать.

– Здесь надписи, – не своим голосом выдавил из себя Губинов.

– Он волшебный-с, – пролепетал ювелир.

– Без тебя, дурень, вижу, – Живоглот быстро пришел в себя. – А ведь чуть не продал за бесценок.

– Но что он делает-с?

– Не твоего ума дело. Твое дело – стекляшки продавать, лапоть.

– Повезливей-с.

– Простите великодушно. Где мои манеры? – Розовое свечение, струящееся из-под двери, вдруг иссякло. – Всего доброго, сударь. С этим я пойду к специалисту.

Мурлыча что-то под нос, Губинов удалился восвояси. И я понял, что мне тоже пора. Уходя я услышал, как ювелир, взыв от злости, чем-то грохнул по столу.

Я снова преследовал Живоглота по пятам. Слежка завела на рыночную площадь. Здесь и маскироваться не приходилось. Идешь себе, проталкиваясь через пеструю галдящую кричащую толпу. Главное – не отстать.

Продавали в основном морских животных во всевозможных видах: от живых до жаренных. А так же рыболовные снасти и заморские сласти. Торговали и чем-то экзотическим и редким. Возле таких лавок скапливались целые толпы зевак, и рассматривать, что там, мне было недосуг. На рынке пахло свежей и тухлой рыбой, навозом и морем. В общем-то, морем тут пропах весь город.

Я вспомнил, как сам начинал свою блестящую воровскую карьеру на такой вот площади среди таких вот толп на хакильском базаре. Захотелось вспомнить молодость и пройтись по карманам зевак. Как вдруг я почувствовал, что у меня в кармане рука, и эта рука не моя. Ловким движением я схватил воришку за запястье и резко обернулся. Молодая, тонкая как тростинка девушка-оборванка чуть не взвизгнула, но вовремя прикусила пухлые губки. Смуглая кожа, черные витые волосы, огромные зеленые глаза и медные серьги-кольца в ушах. Девушка-цыганка, вынужденная воровать из крайней нищеты. Я видел это в ее, наполнившихся слезами, глазищах. Иногда взгляд может сказать больше, чем слова.

Разумеется, сдавать цыганку страже я не собирался – сам не безгрешен, да и времени нет. Поэтому я соорудил серьезный взгляд, говорящий: «что же ты делаешь, девочка? С таким умением болтаться тебе на виселице в ближайшее время» – по крайней мере, я надеялся, что мой суровый взгляд именно это говорил – сопровождал его запрещающим жестом указательного пальца и отпустил ее с миром. Она еще несколько секунд смотрела в мои глаза, затем понимающе кивнула и исчезла в толпе. А когда я вспомнил, что собственно здесь делаю, было уже поздно – Живоглот скрылся.

Сначала я поддался панике, что в моей профессии абсолютно недопусти-

мо, и, выбрав одну из улиц наугад, побежал по ней в надежде снова напасть на след. Но никаких признаков Губинова не было, и тогда я, наконец, включил голову. Если человек нашел неизвестный ему механизм он идет к кузнецу-мастеру, если он нашел волшебный амулет – идет к магу. Само собой всплыло из пучин памяти единственное известное мне имя здешнего мага – ПарапЕтус. Шансы что гадалка увидела в будущем переплетение наших с ним судеб и потому назвала это имя, я бы сравнил с шансом прямо здесь и сейчас увидеть Второе Божье Сошествие. Но тот факт, что в этом мире мало магов, а этот парень – маг, давал мне слабую надежду.

Выяснить, где обитает ПарапЕтус, не составило труда – об этом знал первый подвернувшийся бродяга. А обитал он на окраине города. Его причудливая семиэтажная башня с обсерваторией на крыше возвышалась над простыми сельскими домиками. Либо маг не любил городскую суету, либо ему просто не дали разрешение на строительство в центре столь выделяющегося из городского ландшафта здания. Мои подозрения подтвердили дежурящие у входа бугаи. Забраться в щель для телескопа, наверное, можно был бы, будь у меня вдвое больше веревки и штук на пять меньше свечей в именинном пироге. Пришлось искать другой путь. Путем оказался подвал. Я страшно рисковал, проникая в жилище мага без специальных оберегов. Все, на что я мог надеяться, чтобы избежать волшебных ловушек – это невзрачный браслет на запястии, нагревающийся в присутствии магии и собственная воровская интуиция – то самое шестое чувство, благодаря которому профессионалы вроде меня умудряются ужами выскальзывать из расставленных ловушек и иногда доживать до глубоких седи.

Пока я взламывал замок на подвальной двери, не в пример более сложный, чем на крыше ювелирной мастерской, браслет оставался обжигающе холодным, но интуиция была тревогу. При возникновении таких несоответствий, разные воры поступают по-разному. Я предпочитал слушать интуицию. А потому, как только замок был взломан, совершил удививший даже меня самого прыжок от двери вдаль и в сторону. Дверь со скрипом отварилаь внутрь, я прикрыл голову руками, ожидая, что из черного провала вырвутся языки испепеляющего пламени, но этого не произошло. Просто что-то щелкнуло, вжикнуло, раздался звук бьющегося стекла. Я поднял голову и увидел разбитое окно соседнего здания, к счастью, видимо, пустого сейчас, иначе на меня уже смотрели бы любопытствующие соседские физиономии. А в черном провале, прикрепленный к стене, торчал элементарный разряженный арбалет-самострел, срабатывающий при открытии двери от простой бечевки. Вот так неожиданно начался мой визит в башню мага ПарапЕтуса.

А в башне не было никого, кто мог бы помешать моим изысканиям. Здесь не горели факелы: ни магические, ни даже обычные, что не мешало мне находить дорогу в слабом свете, струящемся из узких зарешеченных окошек. Поднимаясь по лестнице, я нашел еще одну ловушку – натянутую на уровне ног леску. Проверять, что будет, если за нее дернуть, мне не было никакой нужды. Присутствия магии амулет не показывал. На этом сюрпризы кончились. Размышлять, что за маг не охраняет свое жилище охранными чарами, не было ни времени, ни желания.

Зато амулет разогрелся, когда я проходил мимо обитой узорной решеткой двери на пятом этаже. Что бы за ней не находилось, оно было волшебным.

И тут же, спускаясь сверху, с лестницы послышались голоса и не стройные шаги.

– Да вы даже не понимаете, что держите в руках, – гнусавил, видимо, маг.
– Как вам это досталось?

– Не ваше дело, ПарапЕтус. Лучше скажете, как его использовать.

Я нырнул в темноту ближайшего дверного проема и затаился.

– Первое – меня зовут ПарАпетус, второе – вы его использовать однозначно не будете. Он останется у меня.

Коридор озарился неверным светом заключенной в высокую стеклянную колбу свечи, и с лестничного проема завернули Губинов и ПарапЕтус. Насколько я успел заметить, прежде чем спрятал свою любопытную физиономию за дверным косяком, маг был на две головы выше Живоглота, но при этом вдвое уже. Хилость фигуры частично скрывало нелепое пурпурное с золотом платье и волочащийся по земле узорчатый плащ.

– Может быть, если в цене сойдемся, – прохрипел Живоглот.

– Я не собираюсь платить какому-то грязному... – взвился было маг, но что-то щелкнуло и он резко сменил тон. – Хотя всегда можно договориться на взаимовыгодных условиях.

Я не смог удержаться, чтобы не посмотреть, что же так напугало великого мага. Они оба стояли у зарешеченной двери, и Губинов держал перед носом ПарапЕтуса ту самую рукоятку с трубкой, которой угрожал мне.

– И что же вы мне дадите за него?

– Выберешь несколько зачарованных предметов на свой вкус. – Сказав это, ПарапЕтус щелкнул длинными пальцами, и зарешеченная дверь со скрипом отворилась.

Живоглот вошел внутрь и еще полчаса я слышал его возгласы: «А это что?» и негодования мага: «Нет, только не это. Эта астролябия досталась мне от бабушки. Да и не к чему она тебе». Я все надеялся, что маг с ростовщиком не сойдутся в цене и один другого удавит, а я уж со своим эффектом неожиданности выйду на победителя. Но этого не случилось. Покупатель и продавец договорились и даже скрепили сделку звонким рукопожатием. Из сокровищницы мага потянуло сладковатым дурманящим дымом. Раздались уже куда более спокойные голоса:

– Так теперь, уважаемый ПарапЕтус, может быть расскажете, что это за штука.

– ПарАпетус.

– Прошу прощения.

Я наострил уши. Живоглот задал правильный вопрос.

– Ничего. Это, друг мой, как бы вам объяснить? Основная проблема при путешествии по мирам, коих великое множество, заключается в сложности расчета правильного направления пути. И не каждый маг сможет попасть в нужный ему мир с первой же попытки. Но у каждого мира есть свой камень – Камень Мира, Сердце Мира, как не называй. А это, помещенный в грубую оправу его осколок.

Губинов тихо присвистнул.

– Молчите, – оборвал его маг. – Каждый осколок стремится вернуться к Камню Мира, при этом ему не важно, к какому именно. Понимаете, что это зна-

чит?

– Ну-у-у, – простонал Губинов.

– Ничего вы не понимаете. Камень мира – это маяк, к которому может найти дорогу любой, у кого есть Путевой амулет как этот. Владелец амулета может свободно путешествовать между мирами, в которых есть маяк. Представляете, какие открываются перспективы для торговли!

– Или для разбоя, – вставил Губинов.

«Или для воровства», – подумал я.

– Разумеется, им нужно уметь пользоваться, – быстро добавил ПарапЕтус, поняв свою ошибку. – Для вас он бесполезен. А я, наконец, смогу вернуться в родной Ашхорим. И нечего так скалиться, меня изгнали по ошибке.

Я понял, что пришла пора решительных действий. Маг мог в любую секунду раствориться в воздухе, унеся мой обратный билет в свой родной Ашхорим. Я заглянул в магическое хранилище всего на секунду, рискуя быть замеченным. И за эту секунду мой натренированный взгляд успел найти амулет, (маг болтал им, висящим на пальце, другой рукой потягивая из пузатого и блестящего кальяна), место положения лампы (она стояла на стопке толстых фолиантов, громоздящихся на резной деревянной полке) и то, что руки Губинова были заняты какими-то предметами, наподобие хрустальных графинов. Я закрыл глаза, давая им привыкнуть к темноте, достал из сапога маленький нож и совершил прыжок. Это был прыжок боевой пантеры, сильной и грациозной. Не раскрывая глаз, я метнул нож в лампу и, продолжая движение, оказался за спиной мага. Едва послышался звон разлетающегося вдребезги стекла, я разожмурился. Теперь на несколько секунд я был единственным, кто что-то видел в мрачном каземате без окон. Секунда и амулет оказался у меня, а я развернулся на пятках и дал деру. За спиной яростно по-медвежьи взревел Живоглот, маг ПарапЕтус слабым и возмущенным голосом спросил: «Что происходит?» Я вылетел на лестницу и бросился вниз, когда над головой что-то грохнуло и разлетелось тысячей осколков, брызнула во все стороны зеленая жижка – Губинов швырнул в меня то, что держал в руках. Сзади зашипело и запузырилось, но я был уже недосыгаем.

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Убежав из обители мага, я думал, что победу отпраздную уже в родном городе, в родном мире, в любимой забегаловке. Но... Всегда бывает какое-то «но». Крепко сжав амулет, я даже заставил его светиться, на гранях розового камня проступили непонятные мне символы. И я даже научился переставлять их местами, проводя пальцем по граням камня. Но что толку? Путевой амулет превратился в хитрую головоломку. Несколько дней я почти не ел и не спал, пытаюсь разгадать ее, подобрать ключ. Все было тщетно, ведь я даже не знал, что должно получиться. Кроме того, Губинов спустил на меня всех своих псов. Искали меня не только его головорезы, но и стража, армия, какие-то «казаки» и каждый уличный бродяга. По крайней мере, мне так казалось. Весь город был обклеен портретами Дагена с обещанием приличной, по местным меркам, награды. К счастью, я отощал и оброс, что делало меня куда менее узнаваемым.

Пораскинув мозгами, я пришел к единственно возможному выводу – мне нужен маг. А единственным магом, которого я знал в этом мире, был ПарапЕтус. Страшно не хотелось возвращаться в его обитель, но подумав, что мы мо-

жем заключить взаимовыгодную сделку – амулет за возвращение домой, я решил пойти на риск.

Неизвестно, чем бы закончилась моя беседа с магом, но по дороге, на узкой ночной улочке сомнительного района, меня настигли люди Живоглота. Два мужика с фигурами бегемотов в самом расцвете сил схватили под руки и уволокли в глухой переулочек, где ждал третий – еще толще. Он засучил рукава мятой куртки, надвинул на лоб плоскую кепку и ударил куда-то вниз. Куда, определить я не мог, потому что больно стало везде. Я согнулся и безвольно повис на руках двух мордovorотов. Третий нанес еще пару ударов, видимо, на всякий случай, но слабее. Или это мои нервы уже отказывались чувствовать боль. Я уронил голову и закрыл глаза. Мужики, вероятно, решили, что я без сознания и расслабились, стали обсуждать, кто сколько получит от вознаграждения. Тот, что стоял от меня справа, все время повторял, что нужно делить поровну. Поддерживающий слева твердил, что он заметил и ему полагается больше. Голос того, который бил, возвышался над остальными и говорил, что он – главарь, ему и барыш делить. У меня появилась слабая надежда, что троица перередерется из-за добычи и позволит мне сбежать, но тут главный сказал странную фразу: «Хватит делить шкуру убитого медведя», и двое других согласились. Мысленно я взмолился, чтобы под «медведем» они не подразумевали меня, а слово «убитого» было употреблено не буквально. Я очень не хотел, чтобы мою шкуру делили.

Сказав: «Понесли», тот, что был слева перехватил меня поудобнее, взяв за предплечье – так что моя левая рука оказалась почти свободна. На большее я и не рассчитывал. Изогнув руку в локте до хруста суставов, я запустил пальцы в волосы, туда, где в сплетении «конского хвоста» был спрятан маленький сюрприз. Распутывать не было времени, я рванул, выдирая из прически вместе с волосами, маленький хрустальный шарик – «ампулу» с заклинанием. Хрусталь треснул в руке, и ночь превратилась в день, рожденный магическим светом, всего на секунду, но достаточно, чтобы ослепить смотрящего на вспышку. К сожалению, на вспышку смотрел только я. Мир вдруг стал белым, потом зашелся цветными кругами. Но эффект оказался неожиданным. Амбалы отпустили меня и с криками «Он колдун!» бросились прочь. Что ж, в невежественном в магическом отношении мире, полном суеверий, это была вполне закономерная реакция. И только сейчас я почувствовал, как раскалится мой браслет под действием магии.

А потом кто-то закричал: «Вон он – вор! Караул!» И в начале улицы кто-то нестройно и часто загрохал сапогами. И я, несмотря на пляшущие перед глазами пятна и не утихшую еще боль в животе, бросился бежать, не разбирая дороги, по улицам, переулкам и закоулкам, пока не выбежал на треугольную площадь, полную народа, несмотря на ночное время суток. Растворившись в толпе, я оказался в безопасности до тех пор, пока кто-нибудь не узнает лицо с плаката.

Причина собрания толпы оказалась банальна – на площади публично секли пойманного вора. Что ж, народ охоч до зрелищ в любом из миров. Чтобы не выделяться, я попытался пролезть поближе к центру площади, посмотреть на экзекуцию и посочувствовать невезучему коллеге. Пролез и оторопел. С эшафота прямо на меня большими зелеными полными мольбы глазами смотрела та самая цыганка-карманница, которая пыталась обворовать меня не-

сколько дней назад. Палач деловито работал плетью, и девушка с каждым ударом открывала рот в беззвучном крике. А народ кричал: «Да вздернуть ее и дело с концом!», «Одним вором меньше!». А стража обходила толпу вокруг, вглядываясь в лица, ища меня.

Мне бы ускользнуть, раствориться, как предрассветный туман. Улучить момент, проскользнуть мимо стражи, и только меня и видели. Но ноги как будто возымели свою волю и понесли меня вперед. Мотыльком я вспорхнул на эшафот, пнул палача под коленку и, пока он падал под собственным весом, выхватил кинжал у него из-за пояса. Толпа только сейчас поняла, что происходит и многоголосо взревела, потянула к нам руки, полезла на помост. Одним движением кинжала я освободил девушку, ради которой так глупо подставился. Бежать было некуда, толпа грозила разорвать нас на части. И вдруг, все вокруг заволочло черным дымом. Народ испуганно взвыл. «Беги», – раздался над ухом молодой девичий голос. Я последовал совету, хотя не видел даже собственных ног. Сделав несколько неуверенных шагов, я упал с края эшафота, больно ушибив локоть, мгновенно поднялся и побежал.

Через несколько метров дым рассеялся. Суеверный люд пятился от странного дыма, а то и вовсе бежал со всех ног. Только стража была хладнокровна, стояла на местах, наблюдая за дымом и, конечно, заметила мою скромную персону, выбегающую из дымки. Мне крикнули: «Стой!» А останавливаться я не собирался, и снова понеслись мимо улочки и переулки.

Сзади кричали и крики эти будили весь город. Казалось, что за мной гонится вся стража этого чуждого мне мира. И что-то ужасающе бабахнуло, подражая небесному грому, а потом еще и еще. Брызнула фонтанчиком пыли ближайшая стена, разлетелось вдребезги оконное стекло, что-то вжикнуло совсем рядом. Что это такое, я не понимал, знал только одно, остановка – смерть.

Я был быстр и ловок. Я перебирался через стены и перепрыгивал через телеги. Голоса преследователей становились все тише и дальше. И я уже решил, что еще один-два поворота, и скроюсь. Ужом выскользну из костлявых лап смерти, как выskalзывал уже не единожды. Но снова грохнуло и что-то ударило в спину. Плащ быстро увлажнился и потяжелел, стал липким. По инерции я еще бежал, а глаза заволакивало багровой пеленой, и собственное тяжелое дыхание слышно было четче, чем крики преследователей. Я еще бежал, но сознание покидало меня.

Два раза наступало просветление. Во время первого я так и не смог открыть глаза, только почувствовал, что лежу на твердом и холодном, под руками что-то склизкое, пахло помоями, а где-то сбоку грохотали сапоги. Быстро, бегом. Прогрохотали и стихли, удаляясь. Я снова забылся, а когда пришел в себя второй раз – рядом кто-то был. Я услышал неторопливые шаги и пособачьи частое дыхание.

– Даген, – позвал звонкий голос, и я поднял веки.

Я лежал на спине. Было утро, и свет больно резал глаза. Надомной стояла девушка – спасенная мной цыганка. У ее ног лежал странно знакомый черный пес. Цыганка лукаво глядела на меня. В руке она держала амулет. Мой Путевой амулет! Я открыл рот и что-то прохрипел, пытаюсь потребовать свое

обратно.

– Ну-ну. Не волнуйся. Я только посмотреть взяла, – прожурчала цыганка.

Амулет в ее руке зарделся розовым, и она стала быстро тыкать его большим пальцем.

– Я же тебе говорила – путь домой надо заслужить.

Потом она склонилась надо мной, источая запах сладких духов, и надела амулет мне на шею. Все вокруг заволокло густым розоватым туманом, и я почувствовал, что покидаю этот мир. А вслед мне летели последние слова гадалки: «Вот ты и заслужил».

Ночь приняла меня в свои объятия, густая, чернильная ночь. Тишина опустилась невидимым пологом. Но не просто тишина, своя, родная хакильская тишина. Я узнал ее, не абсолютную, насыщенную далекими перепалками, шуршанием помойных крыс, тихим гулом главной башни хакильской магической академии.

– Ты что тут делаешь? Это мое место! – надо мной склонился небритый, с подбитыми глазами бродяга. – Пшел вон!

Наверное, я выглядел не лучше, раз он принял меня за своего. Я встал легко и непринужденно и только после этого вспомнил, что был ранен. Раны не было и в помине. Не было ни дыры в плаще, ни следов крови.

– Ищи себе другой ночлег! – гнал меня бродяга.

– Заткни свой грязный рот, убогий, – огрызнулся я. И пошел вниз по знакомой улице знакомого города мимо знакомых домов и знакомых людей. Я был дома, черт возьми. Я был дома!

Анна Сырцова

В поиске похищенных секунд

Банкир пересёк Центральную площадь и без пяти девять очутился напротив канцелярии градоначальника. Ему осталось миновать полицейское управление, Гранд Отель и пару магазинов, а там уже рукой подать до банка.

Он собирался прибавить шагу, но вместо этого остановился. Какое-то неуловимое беспокойство овладело мужчиной. Со стороны Фонтанного Бульвара доносился звук льющейся воды, веселый визг школьников, брызгающих друг на друга – утренняя радость по пути на занятия.

На пару секунд взгляд банкира остановился на золоченых куполах православного собора...

Мужчина зажмурился... и понял – девять часов так и не пробило. Он достал из кармана часы, посмотрел на робко выглядывающее из-за туч заспанное солнце, перевёл взгляд на стеклянную дверь магазина с надписью «Закрыто» и вновь взглянул на часы.

Еще ни разу за тридцать пять лет службы банкир не опаздывал. Проспал? Маловероятно. Он мысленно прокрутил в голове события утра: встал ровно в семь, позавтракал яичницей с тостами, бегло пролистал утреннюю газету, освежив в памяти сводку котировок, поцеловал жену на прощание. Вышел в половине девятого... Всё как всегда.

Или не всё?

Нервничая с каждой секундой всё сильнее, мужчина прибавил шаг и очутился у дверей банка. Над массивными, резными створками в лучах восходящего солнца блестела позолоченная надпись: «Время – деньги». Девиз первого градоначальника. Выше висели часы: художественная ковка, латунный циферблат с выпуклыми римскими цифрами.

Но что-то было не так: часы стояли.

Впервые за много лет.

Мужчина прищурился. На бледном циферблате не было стрелок.

Большой и маленькой.

Минутной и секундной.

Банкир развернулся и быстро пошел к полицейскому управлению.

Юрий Гареев – практикант сыскной полиции Южной Пристани, скупал. В десятый раз он пролистал сводки ночных происшествий (вдруг что упустил!), составил краткий отчет, выпил третью кружку крепкого чая и от нечего делать выписал в столбик номера жетонов городских патрульных.

Службу в полиции Юрий любил всегда. Заочно любил. Еще в детстве он помогал всем друзьям искать пропавшие игрушки, лихо вычислял виновных в похищении яблок из сада тетки Агаты, а однажды даже участвовал в самом настоящем расследовании – кто-то похитил серебряные сережки мамы. Сережки нашлись через день – упали за отклеившуюся бархатную обивку шкатулки, но время, которое маленький Юра провел опрашивая свидетелей и строя версии,

он до сих пор вспоминал с восторженным трепетом.

Рутина оказалась на порядок скучнее. Ни одного более-менее серьезного дела – бумажки, отчеты, сводки... Когда Юрина скука начала перерастать в разочарование, его вызвал к себе Воеводин.

Начальник полиции, несмотря на жесткие методы руководства, слыл человеком справедливым и добропорядочным. Не выходя из кабинета, Всеволод Мартович Воеводин видел со своего высокого кресла всё, что творилось в городе. Даже в самых отдаленных его уголках. А учитывая то и дело открывающиеся в Южной Пристани, а потом бесследно пропадающие порталы, это было отнюдь не просто. Юрию иногда даже казалось, что начальник сам имеет некие потусторонние способности, хотя ни разу ни в чем подобном замечен не был.

Всеволод Мартович сурово нахмурил брови и протянул Юрию тонкую папку.

- Первое дело, - сухо бросил он, - не провали.

С выпрыгивающим из груди сердцем практикант вышел из кабинета начальника и открыл папку.

Улыбка, появившаяся на лице Юрия, погасла. Воображение, начавшее рисовать молодому человеку картину блестящего раскрытия особо циничного преступления, смущенно потупило взор и отступило на периферию сознания.

«Первое дело» оказалось всего лишь мелким хулиганством. Некто похитил стрелки с часов, висящих над дверьми банка.

Но Юрий не привык сдаваться. Да, дело пустяковое (молодой следователь был уверен, что это чья-то мелкая шалость), но откладывать в долгий ящик его не стоит. Юрию хотелось заслужить похвалу Всеволода Мартовича.

Молодой человек вышел из Управления и пересек Центральную площадь.

По крыльцу банка, нервно подергивая хвостом, ходил золотистый сеттер. Юрий запрокинул голову, посмотрел на часы, вздохнул и произнес:

- Да-а. Дела-а...

Собака подняла голову, фыркнула и села. В черных глазах сеттера читались растерянность и непонимание.

- Это произошло в мою смену, - сказал представитель клана Неспящих, затем сеттер поднялся и коротко кивнул: - Морон Де Бран, охранник.

- Юрий Гареев, сыщик, - представился Юрий, «забыв» упомянуть, что является практикантом. – Расскажите, что произошло?

Пес вновь сел, поджав под себя хвост.

- В районе охраняемого мной объекта с девяти ноль-ноль вечера среды по девять ноль-ноль утра четверга не было замечено никаких подозрительных лиц, - отрапортовал Морон Де Бран.

Юрий вздохнул. Клан Неспящих отличается нечеловеческой ответственностью, сеттеры давно зарекомендовали себя как лучшие охранники. Если Морон Де Бран говорит, что подозрительных не было, это означает только одно – акт вандализма совершил свой.

- Господин Де Бран, не затруднит ли вас составить список всех лиц проходивших в урочное время подле банка, а так же посещавших здание?

- Есть! – по-армейски ответил сеттер и, вильнув хвостом, скрылся за

дверью.

Память у Неспящих феноменальная, если злоумышленник не спустился за стрелками с неба и не воспользовался шапкой-невидимкой – в списке он обязательно будет.

Некоторое время Юрий стоял, разглядывая циферблат. Лишившись стрелок, часы сиротливо и жалобно позвякивали каждую минуту. Римские цифры, казалось, даже потускнели от огорчения.

Юрий вдруг вспомнил один занятный факт, связанный с часами, слышанный им в детстве из уст пришельца извнеземелья.

Пришелец столкнулся с ним в лопухах. В густых зарослях мальчишка искал велосипед, похищенный со двора Гарика-мелкого и по сведениям надежного источника спрятанного коварными похитителями именно здесь.

Велосипеда в лопухах не было, зато был высокий, тонкий, закутанный в серый плащ пришелец. То, что это не местный, Юрка определил сразу. И даже не по слишком острым ушам и не по отдающей зеленью коже, а по блеску миндалевидных фиолетовых глаз. Такой блеск бывает только у путешественников, исследователей и первооткрывателей. Или у мальчишек, впервые очутившихся в незнакомом месте.

Пришельцу оказалось триста двадцать шесть лет, что по нашему составляло четырнадцать, и ребята быстро нашли общий язык.

Целый день они бегали по городу, прыгали под упругие струи фонтанов, гонялись за бабочками, порхающими от клумбы к клумбе, собирали разноцветные камешки на пляже. А вечером, забравшись на чердак и любясь закатом, Гин – так звали пришельца – рассказал, что стрелки часов, висящих над банком, были выкованы из удивительного материала, переданного в дар градоначальнику Южной Пристани одним из первых пришельцев. Он был из мира Гина, поэтому всю эту историю мальчишка знал в деталях.

Материал стрелок отличался особой чувствительностью к искривлению пространства и временным вихрям, предшествующим появлению порталов. В мире Гина такой подарок считался высшей степенью уважения и преподносился лишь особам королевской крови.

В школе Юрке такого не рассказывали, и мальчишка очень заинтересовался, как именно материал стрелок улавливает колебания пространства. В то время его вообще увлекали все странности пристани, а особенно технология возникновения порталов. Родители строго настрого запрещали Юрке приближаться к вратам в иные миры, и невозможность проникнуть хотя бы в один из них, сильно огорчала мальчишку.

Ответа на вопросы Юрки Гин не знал (в их школе этого тоже не проходили), и остаток вечера ребята провели, болтая о всяких пустяках.

Стоя перед банком, Юрий вспоминал тот вечер.

Может, похищение стрелок – преступление гораздо серьезнее, чем он решил вначале? А если их исчезновение связано с необычными свойствами материала, из которого они выкованы?

Юрий почесал подбородок и направился в единственное место, куда стекались все слухи, сплетни, домыслы и рассказы. В порт.

«Порт никогда не спит».

В лабиринте пакгаузов сновали люди и пришельцы извнеземелья. Отличить одних от других порой бывало просто невозможно. Вон тот серокожий карлик с зеленым хохолком на лбу – местный или пришелец? Или юркая, гибкая девушка в тельняшке, из-под которой высовывается аккуратный пушистый хвостик? Или высокий угрюмый капитан с трубкой, выпускающий в небо кольца сизого дыма?

Множество лодок, катеров и баркасов теснилось у причала. Над ними возвышались большие суда. Люди спешили, суетились, бегали. Отовсюду неслись крики. Команды сливались в монотонный гул.

Юрий миновал причал. Здесь было поспокойнее – гости Южной Пристани рассредоточились по тавернам, кофейням и ресторанам.

- Приветствую, - тощий кабатчик сверкнул моноклем и поставил перед Юрием деревянную кружку, наполненную ярко-зеленым отваром.

Молодой человек присел за стойку, обвел взглядом кабак. В правом углу компания матросов резалась в домино – до слуха долетал глухой треск костяшек и приглушенная ругань, у окна теснились двое пацанов – размахивая руками, юнги с упоением хвалились друг перед другом выпавшими на их долю приключениями. Время обеда еще не настало, и кабатчик неспешно протирал стаканы.

Рядом с Юрием сидел грузный мужчина в красноватом камзоле.

- Твое здоровье, - кивнул он следователю и осушил свой стакан.

Молодой человек сделал то же самое.

- Ого! – произнес он, ставя кружку на стол. – Ядрёное зелье!

Кабатчик удивленно вскинул брови, но ничего не сказал.

- Сегодня отбываешь? – спросил толстый незнакомец, пока Юрий обдумывал с чего начать разговор. Сыщик был уверен, что официальный допрос с портовыми не пройдет, нужно втереться в доверие и выяснить все аккуратно. Кто знает, в чьих руках находятся похищенные стрелки.

- Отбываю куда? – уточнил Юрий.

Незнакомец хохотнул и хлопнул молодого человека по спине.

- Ну и перебрал ты, брат!

Судя по красному лицу, крохотным блестящим глазкам мужчины и стойкому запаху алкоголя, он-то точно перебрал. Юрий отвернулся от незнакомца и обратился к кабатчику:

- Вы здесь никого особо подозрительного не замечали?

Но ответ он не услышал, сосед в красном камзоле шумно вздохнул и громко произнес:-

- А я торчу здесь уже неделю. И угораздило же меня вляпаться в портал! Стихийно образуется, зараза. Не предскажешь, не найдешь специально. А тут бац – прямо перед носом открылся. Дай, думаю, зайду. За чертой красиво: фонтаны, цветочки, бабочки... А денег с собой не захватил! – он ударил себя ладонью по лбу. – А что завалялось в карманах, хватило лишь на это... - он обвел руками кабак, чуть не упав при этом с высокого стула.

- За порталы! – хором крикнули матросы в углу, подняв стаканы. Не вникая в суть разговора, они слышали знакомое слово и сочли его достаточным поводом для тоста.

- Вы забыли вчера, - обратился кабатчик к Юрию, выложив на стойку кожаный кошель. – Можете пересчитать, Киль Укар чужого не берет.

- Это не мое, - удивился Юрий.

Киль Укар вновь удивленно вскинул тонкие брови, молча расстегнул кошель и показал следователю затертую, старую, но вполне четкую фотографию. Около странного вида приспособления, напоминающего бочку с пропеллером, стоял Юрий. Мешковатая одежда скрывала фигуру, но черты лица были вполне различимы.

В этот момент молодой сыщик поступил совсем уже не профессионально – он открыл рот.

На снимке был явно он, но в тоже время Юрий прекрасно осознавал, что запечатленный на снимке молодой человек им быть никак не может.

Следователь схватил кошель и вытряхнул его содержимое на барную стойку. Несколько крупных серебряных и золотых монет со звоном покатились по отполированному до блеска локтями посетителей дереву, две из них упали на пол. Матросы, привлеченные звуком золота, все как один повернули головы, даже юнги замолчали и с удивлением уставились на Юрия.

Сложив в уме два и два, припомнив все обстоятельства, слова незнакомца и кабатчика, Юрий взял себя в руки и спросил:

- А я вчера не говорил, где остановился?

- А как же! – толстяк в камзоле хлопнул ладонью по стойке. – В «Глории». Не то, что я... - и он продолжил сетовать на свою жизнь.

Юрий поднялся, расплатился за зеленое варево и вышел из кабака, прихватив с собой кошель.

Ветер тут же взъерошил его светлые волосы. Мысли молодого следователя скакали, словно блохи в блошином цирке.

- Сэр? – у ног Юрия стоял запыхавшийся Морон Де Бран.

Неспящие отличные ищейки, увидев золотистого сеттера, сыщик даже не удивился.

– Список готов, сэр.

Юрий вытащил сложенный вчетверо лист, выглядывающий из-под ошейника пса. Неспящий коротко гавкнул и скрылся в одной из подворотен.

Служба для Неспящих превыше всего, но, понимая важность поручения, Морон Де Бран поспешил со списком, и сейчас уже неся обратно на место службы.

Подрагивающими от волнения пальцами Юрий развернул лист бумаги, нашел глазами своё имя, скомкал уже ненужный список и засунул его в карман.

Молодой следователь сидел в затемненной гостиничной комнате. За окном загорались газовые фонари, проливая на светлые обои матово-молочный свет.

Внизу хлопнула входная дверь. Юрий напрягся.

Проскрипели ступени под тяжестью сапог.

Дверь номера распахнулась. Молодой человек поднялся.

Сначала Юрий подумал, что стоит перед зеркалом, затем отражение отступило на шаг и удивленно воскликнуло:

- Вот это да!!

- За встречу! – Юрий номер два поднял кружку и осушил ее до дна.

Юрий номер один вздохнул и отодвинул варево. Одной кружки сегодня ему уже хватило.

- А я все думал, если в наш мир могу проникать пришельцы из таких отдаленных по временным и пространственным векторам миров внеземелья, то можно ли найти мир, отстающий или опережающий мой на один или два вектора, - рассказывал Юрий номер два. - Три года я высчитывал возможные координаты такого портала, но вот незадача – отыскать его все равно оказалось не так-то просто.

- И не говори, друг! - произнес толстяк в камзоле. Казалось, он даже не удивился, когда в кабак вернулось целых два Юрия. Может, посчитал, что у него в глазах двоится?

Пришелец внешне оказался точной копией Юрия Гареева, только в судьбе у них имелись значительные различия – в то время когда Юра номер один утратил детский интерес к порталам, Юрий номер два посвятил их изучению всю жизнь.

- И тут я вспоминаю про стрелки! Они не только улавливают колебания временных вихрей, но и могут определить их частоту! То есть предсказывать: в какой мир портал ведет!

Юрий номер один зажмурился. А ведь он тоже когда-то хотел путешествовать вот так – из мира в мир. И без разницы на каких они векторах. Странные чувства возникают, при таком близком соприкосновении с «а что бы было, если?».

- И вот я здесь! – радостно закончил его двойник. – Вот только тут и возникли некоторые трудности. Во-первых, стрелки. Сами по себе они привязаны к месту и когда я прошел портал, они остались в моем мире.

- Но они же тоже не отсюда? В смысле не из моего мира, – удивился Юрий номер один, вспомнив, из какого материала стрелки выкованы.

- Да кто их знает... - беспечно махнул рукой Юрий номер два, - ковали-то их на месте. Может, из-за этого?.. В общем, всё печально. Стрелок нет, портал обратно не отыскать, а застрять здесь на недели, а, может, и месяцы мне не улыбалось.

- И ты пошел на хищение? – спросил первый Юрий.

- А что мне оставалось? Со своими-то я договорился, а тут кто знает, как меня бы восприняли. Миры хоть и похожи, но все равно разные. Детали, нюансы, полутона...

Юрий номер два вынул из-под плаща стрелки. Огромные, длинные, словно шпаги, они масляно блестели в скудном освещении кабака.

Юрий номер один не удержался и провел рукой по холодному, будто покрытому инеем, металлу.

- А так все удачно сложилось, - констатировал Юрий номер два. – Найдем портал...

- Поймай, - перебил его следователь. – А как стрелками можно найти портал?

- Просто, как дважды два. Берем их в руки и ходим. Около временных и пространственных смещений стрелки сойдутся. Принцип лозы. Так вот, найдем портал, а стрелки ты вернешь обратно. А так... кто знает, куда они денутся... - Юрий номер два нахмурился.

- Мо-ло-дец, - по слогам сказал Всеволод Мартович, удовлетворенно

читая рапорт Юрия. – Первый блин и, вопреки обыкновению, совсем не комом.

Улыбаясь, молодой человек вышел из полицейского управления и пошёл по направлению к дому. В какой-то момент воздух перед ним сгустился, по земле заплясали маленькие фонтанчики пыли. Сквозь прозрачную пленку Юрий увидел Фонтанный Бульвар. Упругие струи били высоко вверх и падали в радужную пенную воду, в которой плавали крохотные ярко-синие цветы, каких никогда не было в его мире.

«Надеюсь, у них стрелки на месте», - подумал Юрий, шагая в открывшийся портал.

Евгения Привезенцева

С т е к л о д у в

Дознаватель по прозвищу Пес был высок, тощ и высокомерен. По крайней мере, так думали окружающие. На деле же справедливо было только одно - его рост, из-за которого Дознавателю приходилось пригибаться при входе в любой городской кабак. Строения он был вполне плотного, что умело скрывал длинным пальто, на лето сменявшимся брезентовым плащом. Ростом объяснялась его и манера смотреть на собеседника как на муху в праздничном торте. Ну, а привычка цедить слова сквозь зубы, которую терпела разве что его жена, на самом деле, абсолютно ни о чем не говорила. Дознаватель просто не любил общаться с людьми. Зато, как всякого человека, любящего одиночество, его жадно интересовали такие же, как он, избегающие толпы чудаки. Может быть, именно это и привело его к дому на улице Ремесленников с причудливой стеклянной витриной. Он пришел сюда вслед за примеченным им на площади весьма колоритным молодым человеком, которого принял сначала за подмастерье - на ученический статус указывали юное красивое лицо и натруженные руки.

Теперь же Дознаватель сидел за столиком уличного кафе, потягивал кофе без сахара и смотрел, как работает самый молодой мастер, которого он когда-либо видел. Перед ним была лавка стеклодува с примечательным окном-витриной, каждая секция которого была выполнена вручную, собрана из разноцветных филигранных деталей. Объемные стеклянные фигуры тускло переливались в лучах вечернего солнца, а в просветах между ними были видны недра мастерской - за мутной витриной сияло миниатюрное копьё горелки, а на конце какой-то специальной палочки поблескивало стекло. Мастер орудовал стеклянными стеками и щипцами виртуозно, пять минут - и уже видна форма флакона, из-за которого какая-нибудь столичная барышня наверняка проест хорошую дыру в кармане своего любовника. Красное стекло меняет форму, перекачивается, как желе, и угадать, в какую же сторону повернет этот процесс стеклодув, невозможно.

Дознаватель допил кофе, почти заворуженно глядя на обретающий мелкие детали флакон. Стеклодув отложил работу. Пес достал портсигар, медленно вытянул сигарету и закурил. Стеклодув подошел к окну и уставился прямо на него немигающими черными глазами. Дознаватель уронил сигарету себе на колени.

— Ах ты ж...

— Дядя, нехорошо ругаться.

Перед Дознавателем стояли две абсолютно одинаковые девочки-гимназистки, держащиеся за руки. Коричневые платица, белоснежные воротники и туфли с дурацкими бантиками. "Близняшки", подумал Дознаватель, и сразу вспомнил о приехавшем на прошлой неделе ученом из столицы. Тоже ходит тут, высматривает, и близняшками интересовался, коих в городе каждый год по шесть штук рождается. В его, Дознавателя, работу лезть пытался. Ну да он ему объяснил, где здесь чья территория. Столичным щеглам вон пусть Ар-

хивариус помогает, а Дознаватель всегда сам по себе. Ну, или с напарником. А напарник - что ты сам, отражение души в черном зеркале судьбы.

Девочки тем временем насмотрелись на задумавшегося Дознавателя и пошли дальше по улице к лотку мороженщика. Он же, подняв взгляд, увидел, что стеклодув вновь сел за работу, уже со стеклом другого цвета. Дознаватель собрался уходить, когда девочки пошли обратно, держа в руках по огромному рожку с голубым мороженым. И, когда близняшки проходили мимо, у одной из них в руках исчезло мороженое. Причем исчезло полностью и моментально. Ладно бы исчезло, но ведь какая наглость - прямо под носом у Дознавателя. Он постоял с минуту, глядя вслед близняшкам, и поднял взгляд. За окном стеклянной лавки сверкал в руках стеклодува коричневый миниатюрный рожок с лазурным мороженым. И Пес снова выругался, больше для виду. Ох, как же он был на самом деле доволен своей хваленной интуицией, которая и в этот раз его привела туда, куда нужно. Дознаватель достал толстый блокнот и убо-ристым почерком записал в нем адрес стекольной мастерской. Сунул блокнот в карман и размашистым шагом направился домой, не обращая более внимания ни на делящих оставшееся мороженое близняшек, ни на работу стеклоду-ва.

А на полку в мастерской легло уже почти остывшее мороженое - такое же, как у девочек на улице, вот только холодным и сладким ему не бывать. И стеклодув улыбался, думая, что очередное свое желание ему удалось вопло-тить в стекле. Его звали Филипп Тоев, и работал он здесь вот уже семь лет, каждый день, с утра до ночи. Такое трудолюбие Дознаватель даже не мог себе представить. А вот в чем тот был прав, так это в том, что определил Филиппа как человека, чурающегося громких толп и навязчивых собеседников. Более того, стеклодув был нелюдим настолько, что дорогу длиною в пять кварталов от дома до своей лавки пытался пройти, накинув капюшон зимой, или же над-винув на глаза шляпу летом, чтобы произвести впечатление человека очень занятого и вдумчивого. Делалось это, конечно, с одной целью - избежать лю-бых случайных разговоров. А необходимость общаться с людьми стеклодув свел в своей жизни к минимуму.

Все его окружение составлял старый мастер, его учитель, да Анна, де-вушка, ведущая все дела в магазине при мастерской. Казалось бы, все, что на-до знать об этих людях - это то, как они вошли в жизнь Филиппа. Но сам Фи-липп знал о них все. Более того, человек, казалось бы, не любящий людей, он с удивительной нежностью и вниманием относился к тем, кто имел к нему хоть сколько-нибудь серьезный интерес. Умей Дознаватель заглядывать в чужие мысли, он решил бы, что это в порядке вещей для людей такого типа - ведь он знает все, и ему не положено удивляться. А потом крепко задумался бы - то ли старость это, то ли излишняя сентиментальность, когда первый попавшийся мальчишка кажется столь похожим на него самого. Но Дознавателя не было в лавке, и уже тем более ему не было места в хитросплетениях мыслей Филип-па. Тот же нередко вспоминал и как пришел в первый раз на эту улицу, еще ребенком, прижался носом к витрине стекольщика, да так и застыл там на доб-рых полчаса. Когда же он заметил шевеление в глубине мастерской, он тут же отпрянул от двери, но было поздно - старый мастер уже стоял на пороге и смотрел на мальчишку. Он приподнял одну кустистую седую бровь и медленно

поманил ребенка пальцем. Филипп долго стоял, переминаясь с ноги на ногу и смотря то на прекрасную витрину, наполненную стеклянными замками, графинами, в которые ловили звезды, и статуэтками животных, то на грозного старика с обветренными руками. В итоге для ребенка победила сказка. Так, в одиннадцатый лет, Филипп стал подмастерьем стеклодува. А самое интересное началось потом, когда он, научившись выплавлять простейшие бусины и флаконы, начал копировать предметы в мастерской. Сначала стали пропадать кружки и тапки, которые старый мастер приносил из дома. Затем в один прекрасный день пропала горелка. Причем пропала, как только Филипп закончил работу над ее стеклянной копией. Стоило ему отойти к полке, чтобы поставить пусть еще топорную, но уже вполне сбалансированную работу на полку, как хлопнула входная дверь, и мастер вместо приветствия заорал.

– Куда ты опять переставил горелку, утеныш? Сколько говорил, пусть стоит, где стояла, попортишь мне инструмент, шкуру спущу!

Филипп только развернулся и квадратными глазами уставился на учителя, да вжавшись в стенку, ждал, пока тот облазает всю мастерскую. Ох, и попало ему тогда, и оговорки, что, дескать, "только что тут стояла", не помогли. Впервые его учитель вышел из себя, да еще как - от воспоминаний о его ремне Филипп и через несколько лет тер поясицу, да криво улыбался. Через несколько дней, когда он мог уже сидеть, мастер снова позвал его в лавку - там стояла новая горелка, и, показав на прислоненный к ограде клумбы велосипед, он велел скопировать его в новых сортах стекла. Учитель смотрел, как работал Филипп, сделал лишь пару замечаний, и довольно крикнул, взяв в руку щипцы с новой поделкой своего единственного ученика. А демонстрация его умений получилась весьма наглядной - мастер как раз поднял стеклянный велосипед повыше, сравнивая его с оригиналом, когда чей-то двухколесный транспорт на улице вдруг взял, да и растворился в воздухе. Фигурка же в руках мастера засветилась на миг и застыла, как была. Филипп молча мялся возле кресла, мастер сидел и оторопело смотрел на велосипед в своих руках. Минуты через две он прокашлялся и спросил:

– Горелка твоих рук дело? Твоих, спрашиваю?

Молчание.

– Ох ты ж, от кого ты на меня такой свалился, видать мамка-то с магом каким заезжим и закрутила... Ты горелку стеклянную делал или нет?

Филипп быстро убежал вглубь мастерской и вернулся с прошлой своей статуэткой. Мастер повертел ее в руках, повертел, да только кричать на него больше не стал.

– Значит, так. Ничего в мастерской не повторяй. Дома, какие видишь, не делай, ты вон подсвечник по типу городской мэрии делать собрался, так вот не смей. Мэрия нам нужна, понял? Людей... Людей не трогай, и не вздумай.

– А собак?

– Собак можно. Только болонку миссис Прайтон не делай, будут потом стеклянные блохи везде скакать.

И мастер рассмеялся, притянув к себе ученика. Филипп болонку и не делал, зачем она ему. Зато вот город от бродячих собак да от крыс избавил. Знал бы старый мастер раньше, что стеклянные сантиметровые крысята будут так продаваться, сам бы их выдувать начал. Да только плохое зрение и седая усталость мешали уже работать как прежде. И, когда исполнилось ученику ше-

стнадцать, он отдал мастерскую Филиппу. Тот знал уже, что можно делать, что нельзя, когда из головы стоит взять образ, а когда можно и скопировать. Правда, подозревал он, что и замок стеклянный в витрине магазина когда-то стоял на самом настоящем морском утесе, и кролики белые скакали по траве далеко отсюда. Но кто это мог доказать? Вскоре мастер придумал разделить мастерскую и магазин, взять Филиппу помощницу, чтобы не отвлекали его посетители от работы. Так появилась в мастерской Анна, девушка с аллергией на сладкое. И Филипп, не умеющий показать иначе, что он рад ее присутствию, задаривал ее стеклянными пирожными и мармеладными подвесками. А на соседней площади тем временем искали вора в кондитерском магазине. Тогда-то он и увидел впервые Дознавателя, и понял, что если кого-то и стоит ему бояться в этом городе, так это его.

И вот, спустя еще два года, голубое мороженое привело Дознавателя к лавке стеклодува. К его, Филиппа, лавке, к его любимому детищу и единственному делу, которым нравилось этому молодому человеку заниматься. К его жизни. И видно было, что просто так тот увиденное не оставит, будет следить теперь за ним, как за крупной дичью, и в результате прыгнет и перегрызет глотку. Филипп не стал тянуть время, он прекрасно знал, что Дознаватель – как питбуль на собачьем ринге, если вцепился, ни за что не отпустит. Так зачем ждать и поджимать хвост? Лучше уж выйти на поле боя и показать, чему ты успел научиться. Дознаватель появился снова спустя два дня. Филипп ждал его со стеклянным блокнотом в руках, с таким же, как тот, что носил Дознаватель в левом кармане брюк. Он открыл дверь перед высоченным угрюмым мужчиной и жестом пригласил его внутрь. Разговор был коротким. Филипп рассчитывал, что Пес его поймет – ведь он сам любил свою работу, столь суровую и неприглядную. И нельзя сказать, чтобы он ошибся... Но только с возрастом люди перестают доверять безгранично лишь чувствам, и учатся глушить интуицию выработанными принципами. Пес крутил в пальцах блокнот с выведенными на нем темно-синим стеклом надписями. "Большая рыбацкая, подвал дома 13... И откуда только узнал, ведь только перед кражей сделал запись". Дознаватель вспоминал, как настоящий блокнот испарился прямо у него из рук, а за ним последовала и новехонькая перьевая ручка.

– Вы же не хотите меня арестовывать, я же вижу.

– Я - хочу. Более того, мальчик, я приду и с удовольствием это сделаю.

– Да я же загнусь там, без своего дела, без стекла. Вы понимаете, что для меня означает отказаться от этого? Да если бы я мог, уже давно бы прекратил, если бы это от меня зависело...

Дознаватель посмотрел на него в упор, пошевелил носом. Затем опустил взгляд, натянул кожаную шляпу, ссутулился и, пригнув голову, вышел из мастерской, не притворив за собой дверь. Стеклодув провожал его тяжелым взглядом, смотрел пристально до тех пор, пока темный плащ не скрылся за поворотом.

Он не замечал ничего вокруг в своих мыслях, и автоматически посторонился, когда хрупкая девушка подошла к двери и заглянула внутрь. Тоненькая фигурка ему по плечо ростом тут же юркнула в мастерскую, сделав пару шагов, застыла, не зная, куда можно было в этом царстве стекла идти, а куда лучше и не соваться, чтобы не нарушить сказочное равновесие. Только тут

Филипп очнулся и сообразил, что девушки здесь быть не должно, и она лишь перепутала вход в магазин и в мастерскую.

Он с трудом выдавил из себя стандартные фразы.

– Сударыня, вы хотите что-нибудь купить? Подарок кому-то, а, может быть, украшение для себя? У нас есть прекрасные бусы и браслеты.

И тут она обернулась. Никогда еще в этом помещении не было кого-то столь подходящего и столь гармонично сливающегося с колоритом мастерской, как эта девушка. В первое мгновение, когда другие мужчины оценили бы формы, Филипп начал мысленно разбирать цвета, из которых была составлена эта ожившая иллюстрация к книге сказок. Волосы цвета медной проволоки, что использовал он для обрамления бусин, глаза как зеленое муранское стекло, тонкий кармин на щеках и бледная чуть персиковая кожа - цвет, над которым он так долго бился для своих фигурок.

Девушка тем временем получше огляделась вокруг.

– Нет, спасибо, я... Пока я просто зашла посмотреть.

– Что ж, если хотите, я покажу вам самые красивые работы.

Он дождался ее кивка и, не рискуя коснуться, указал на кресло. Филипп доставал со стеллажей статуэтки и подносил их к госте одну за другой, смотря на реакцию, чтобы понять, какую выбрать следующей. Он показывал кукол, звенящую карусель, корабли, заточенные в бутылках, музыкальную шкатулку - она только улыбалась и говорила, что они великолепны, но не ничего не хотела потрогать или посмотреть поближе.

– Что же вы хотите, сударыня, что вам нужно?

– Я не знаю, ну вот увижу эту вещь и сразу пойму, что это она.

Он смотрел на то, как она устраивается поудобнее в кресле, и с удивлением понимал, что она с каждой секундой все больше становится частью мастерской, с такой легкостью ее принимающей, будто она здесь была на самом деле на своем месте. Что-то было в ней, что-то смутно знакомое, в том, как она успокаивалась среди этих стен, как смотрела на стекло и на его инструменты.

И тут неразговорчивого стеклодува прорвало.

– Сударыня, хотите, я сделаю для вас карету? Это будет настоящая карета, с балдахином и крутящимися колесами, с сидениями и местом для кучера на подмостках. А хотите, я сделаю для вас и кучера, и волшебных коней, чтобы запрячь их в карету? Это будет самый красивый транспорт в городе, как раз под стать его хозяйке.

– Ну, она же будет не настоящая. – Девушка, оказывается, очень милая, когда так смущенно улыбается и краснеет.

– Но, сударыня, откуда вы знаете, что настоящее, а что нет? Может быть, ваши мечты - это и есть самое настоящее в этом мире? И они важнее всего, что вы видите вокруг, когда переступаете порог своего дома?

– Ах, ну что вы, это иллюзии, они же так и будут мечтами.

– Как вы можете так говорить? Разве вы забыли, чему вас учили сказки в детстве? А легенды, которые вы читали в школе?...

– Это сказки, небылицы, и только. Потому они и называются так. Я не смогу уехать на этой стеклянной карете, что вы предлагаете, сударь.

Стеклодув наклонился над девушкой, вцепившись в подлокотники ее кресла.

– Нет, сударыня, это НЕ сказки. Это истории, которые говорят нам, что кому-то это удалось. Кому-то повезло прокатиться на карете из тыквы, кто-то покорила летающий замок и приручил дикого льва. И мы, мы должны повторить их подвиги, должны поверить в себя, поверить в то, что мы сами герои легенд. Мы можем это сделать.

По мере того, как разгорались глаза Филиппа, и громче становился его голос, девушка оживала, как оживает лес перед весной - еще не видно листьев, но уже доносится с ветвей деревьев пение птиц. И тут же - снова холод.

– Ах нет, я не смогу. Я не смогу все бросить и вот так уйти.

– Уйти? Куда же вы хотите уйти, сударыня? - Филипп опустил перед ней на колени.

Она впервые посмотрела на него прямо, и Филипп увидел в ее глазах свое отражение – безумный взгляд, волосы встопычены, и напряжение, будто он несет на своих плечах бурю со всем ее громами и молниями. Теперь он отвернулся и уставился в окно. Девушка тем временем собралась для ответа.

– Куда угодно. Куда угодно, лишь бы там было поменьше людей, были зеленые луга и горы. И гроза.

Стеклодув отвернулся к окну - снаружи собирались серые облака, и уже начали падать на мостовую первые капли дождя. А выше, над горами, клубились настоящие тучи, сворачивались серыми котами на пиках, и проводили пушистыми хвостами по сосновым макушкам.

– Вы любите дождь, сударыня?

– Да.

Спустя какое-то время она снова заговорила.

– Он так успокаивает и будоражит в то же время, и отгораживает от всего остального мира, будто у каждого человека появляется собственная вселенная, серая и красивая.

– Значит, вы хотите дождь, горы, и минимум людей вокруг? Сударыня, вы уверены? А если бы кто-то предложил вам, как в сказке, очутиться среди того, что вы любите, в такой маленькой вселенной только для вас, и, может быть, для кого-то еще, сударыня, вы бы согласились?

Он поднял на нее абсолютно серьезный взгляд. И девушка замерла, уставившись на него – казалось, в его черных глазах будто без радужки, за блестящим отражением комнаты и маленькой ее, клубились буря, ночь и еще какой-то неведомый ей род тьмы, и никак они не могли поделить эту территорию.

– Да. Да, я уверена.

Дознаватель то и дело поправлял шляпу, стараясь натянуть ее поудобнее, но дождевые капли все равно шлепались с коротких полей ему за воротник. Прямо над площадью сверкнула вспышка и гроыхнуло так, что стекла в домах жалобно дзынькнули. Пес перехватил поудобнее папку с ордером на задержание Филиппа Тоева, и продолжил свой путь, наблюдая за быстро бегущей впереди него тоненькой девушкой. Семена на неудобных каблучках, на один его шаг она делала десять. Легкая и хрупкая, она отчаянно пыталась удержать над головой зонт, но ветер вырывал его и крутил вокруг нее, будто карусель. Дознаватель остановился, чтобы стряхнуть воду с плаща, перед тем, как зайти в лавку стеклодува, и замер - девушка юркнула в разноцветную дверь как раз перед его носом. "Все равно парень не уйдет, ладно уж, девочка

спешила, видать, что-то важное, или подарок какой забрать ей надо". На секунду у Дознавателя мелькнула шальная мысль, но он тут же ее прогнал. "Да нет никого у мальчишки, я бы заметил. Он сам по себе. Совсем. Такие девочки не бегают в лавки к таким, как он". Он не торопясь закурил сигарету и предался размышлениям о другом, гораздо более сложном деле. Кто-то наловчился уменьшать корабли и красть их из порта. Причем промышлял преступник исключительно водными судами. Сейчас пройти в порт, там присмотреться, не появился ли кто новенький, потом в адмиралтейство, потом в таверну... Из задумчивости Дознавателя вывела внезапная тишина. Нет, она не была полной и не была подозрительной. Она была именно внезапной. Исчез шум ветра, молнии и гром, деревья перестали перешептываться влажными листьями, и стук дождя по мостовой куда-то убежал. Дознаватель поднял взгляд и осмотрел улицу. Буря, продолжавшаяся весь день, исчезла, как ее и не было, все освещало яркое дневное солнце, а на идеально ровном небе ни следа облаков. Пес выронил изо рта окурки.

– Украли... Бурю... украли...

Он крутанулся волчком на месте и вломился в стеклянную дверь, чуть не сдернув ее с петель. Лавка стеклодува была пуста.

Мужчина заметался по комнате, выискивая хоть что-то, хоть какую-то зацепку, что-то необычное - ведь остался бы где-то след волшебства, след очередной кражи, сделанной мальчишкой. Но единственным, на что стоило бы обратить внимание сразу, был сильный запах озона, одуряющий и будоражащий одновременно. Запах столь сильно бивший в нос, что его, казалось, можно было пощупать. И вот, принюхиваясь, как гончий пес, Дознаватель нашел-таки последнее творение мастера-стеклодува. Тугие спирали запаха закручивались вокруг горячей еще стеклянной бусины, перламутрово-зеленой, с множеством ярких крохотных деталей внутри. Улыбка начала собирать морщинки возле глаз Дознавателя, когда он обернул полрой плаща руку и поднес бусину к окну. Он запрокинул голову и рассмеялся чистым, непосредственным смехом.

-- Украл... Ахххаха... Украл самого себя и ее... Украл... Хахххахаха...

Он медленно, пошатываясь от истерического смеха, развернулся и пошел прочь. Сначала в порт, затем в адмиралтейство, затем в кабак. Точно по плану. А в кармане у него бурчала украденным громом буря, и швыряла молнии в горные пики, и где-то на краю леса заливались смехом двое, наконец-то сбежавшие от всех людей?

Лариса Коваль-Сухорукова, Алексей Дуров Эпидемия

1. Эпидемия

Архивариус цедил кипяток из самовара. Тоненькая струйка воды стекала в фарфоровую чашку с горькой крупнорезанного листового чая. К потолку кухни возносилась паровая виньетка.

— Магию ему подавай, — ворчал он, — ленту Мёбиуса, феномен. Зачем, спрашивается? Ходят тут всякие. — Он немного подумал, продолжил: — Хотя, если он сумеет что-то понять и объяснить — это хорошо. Пусть пока разбирается.

Вытащил из верхнего ящика комода большой стеклянный шар, положил его в блюдце и sprysнул водой. Присмотревшись, заметил вслух:

— Не в ту сторону пошёл, там как раз на ленту Мёбиуса направление, если на неё попадет — год возвращаться будет. — Отпил чай и воскликнул: — Нет, так нельзя! Пока не поздно — надо ему мысли смелить, пусть сперва по набережной походит, в курс дела войдёт, с профессором посоветуется. Рано такому самостоятельно дела решать.

Он встал и направился в кабинет, подошёл к стеллажам вдоль стены: там, на полках, были расставлены всякие скляночки и бутылёчки, разложены разнокалиберные мешочки грубого полотна с надписями заточенным углём. Среди этого попадались довольно необычные вещицы, о назначении которых мог догадаться лишь посвященный. Впрочем, всё это богатство было видимым только хозяину.

Капнул в плошку из двух соседних бутылёчков, помешал стеклянной палочкой. Смесь зашипела, и он быстро произнёс заклинание:

— Шарабарунатабуна!

И щёлкнул по-особому тремя пальцами.

Конечно, все эти заклинания могли работать и без жидкостей, но в этом случае магу приходилось отдавать больше энергии, которая не всегда восстанавливалась быстро: например, сейчас Архивариус чувствовал надвигающуюся мигрень и, к тому же, не сильную, но препротивнейшую простуду, на лечение которой потребовался бы не один час. А если бы маг сейчас потратил силы на заклинание, излечение заняло бы не меньше недели, ибо в таком состоянии потерял бы энергии в триста раз больше, чем в здоровом. Короче, осталось проверить результат своей работы и лечь спать.

Архивариус подошёл к столу: в шаре было видно, как Истров недоумённо покрутил головой, развернулся и двинулся в обратную сторону. Вдруг он хлопнул себя по лбу и остановился. Дальше посмотреть не удалось, потому что мощная волна приступа боли сразила мага наповал: схватившись за голову обеими руками, он лишь успел сесть на пол и тут же потерял сознание.

А Истров каким-то образом вновь очутился около входа в архив, замотал головой, разгоняя сон, но тут же понял, что не спит. `Магия — так магия,` — подумал он и решил последовать совету Архивариуса — прогуляться по набережной.

Не успел отойти от Канцелярии на пару метров, как к нему подскочил конопатый мальчишка лет тринадцати с золотистым вихром на затылке и с подкупающей прямоотой спросил:

— Гостей смотреть идете? Морожено купите — покажу.

— Как тебя зовут?

— Никодим.

— Ты полагаешь, что я не смогу найти... хм... гостей на набережной без твоей помощи?

— Найдете! А ток кто ж вам разобъяснит, который гость откедова?

На набережной было достаточно прогуливающихся, однако выглядели они как обычные русские мещане или крестьяне.

— Ну и где же... гости? — с некоторым разочарованием спросил Истров.

— Нету. Ниче, ща увидим. А вона!

Истров уже и сам увидел — одетый в странную хламиду человек вел на цепочке существо, похожее на несимметричного паука. Бесформенное красное тело, ножки-прутики разной длины...

Истров замер, глядя во все глаза.

— Это из мира Гугэг гость, — важно объяснил Никодим.

— А... что это с ним... за животное?

— Это не животная, это растеня, навроде нашей репы, ток ходит.

Она завсегда за хозяином ходит, чтобы его кормить, хучь в другом мире забудь — сама тебя найдет.

— Тогда почему она на цепи?

— А это нашенское ихнее превосходительство наказали, что ежели кто из гостей со зверьем к нам заявится, дак чтобы зверь на поводке был, стал быть. А то такое приводят — страсть! Ну дак все на поводках и водят, у кого что с собой живое. Один, слиште? — блох своих на нитки посажал, а нитки к рогу попривязывал.

— К рогу?!

— А то! К левому переднему. Ток блохи у него не кусючие, а оне ток волосы чистили.

Истров хотел было расспросить про рогатого и блохастого гостя, но отвлекся на других гостей. Пожалуй, правильнее их будет назвать иномирянами. Но какие они были! Маленькие и огромные, синекожие, серокожие, радужнокожие, одетые в доспехи, шкуры и даже в облака тумана. Вот хрупкая девушка, одетая по-мужски: синие брюки, куртка, сандалии. Но странным было не это, а её невероятно экзотичная внешность: светлая кожа, резкие черты лица, необычный разрез глаз, очень плавные движения, короткие черные кудряшки на голове. И украшения: на правой щеке прикреплен прозрачный фиолетовый камень в оправе из белого металла, из верхушек ушей антеннами поднимаются тонкие

прозрачные иглы.

— А это мазэнка, — пояснил Никодим.

— Амазонка?

— Не-е. Амазонки, оне с саблями. А это мазэнка, с Мазэна она. Ток вы на ее не смотрите много, она мужа ищет.

— Я женат!

— Ну дак и не смотрите.

Как тут не смотреть?!

— Она у себя на Мазэне мужа не найдет, — рассказывал Никодим. — У ней, видите, камень на лице сиреневый такой? Дак это она беглая каторжанка.

— Беглая?! Так ее ловят?

— Не-е, на Мазэне беглых каторжан не ловят. Убёг — гуляй. О, морожено!

Он показал на тележку с большим, красным, ребристым конусом, которую толкал старик в переливающейся как ртуть зеркальной одежде.

— Крем-брулю бери, — подсказал Никодим.

— Два "крем-брюле", — попросил Иван, протягивая две копейки.

Мороженщик сунул руки в конус и достал пару прозрачных вазочек, в каждой — по белому шарiku с воткнутыми в них узенькими деревянными ложечками.

Никодим резво схватил свою порцию, вытащил ложечку, лизнул её, зажмурился, прицокнул. Истров тоже попробовал. Действительно вкусно, на лимонное похоже. Лизнул еще раз... уже не лимонное, ванильное! Более того, вкус мороженого менялся прямо на языке!

Они пошли дальше по набережной, смакуя мороженое, высматривая иномирян.

— А эти, — Никодим кивнул на миниатюрную женщину в черной одежде, которая везла на тележке спящего бородатого мужчину в белом костюме, похожем на пижаму, — с Каменного Дерева, оне месяцами спят, то мужики, то женщины. А потом — месяцами не спят.

Поразительно. А вот еще один гость — в звериной шкуре вокруг бедер, босой, с длинными спутанными волосами зеленого цвета, а тело покрыто орнаментом, как на змеях.

— Это кто? — спросил Истров.

— Не знаю. Похож на разляляйцев, да ток те не размалеваны совсем. И волосы у их короче... Не, таки разляляец, шкура видали какая? Такие звери ток на Разляляе живут.

Иномирянин брел, пошатываясь и спотыкаясь. Вдруг взмахнул руками и рухнул на мостовую.

Истров бросился к упавшему, склонился — тот был явно без сознания. Никодим протянул:

— Разляляйцы, вроде, не пьют.

— Нужно доставить его к врачу. Есть в городе больница?

— Ну, есть. На Малой Рыбацкой.

— Извозчик! — крикнул Истров, приметив коляску.

С помощью недовольно хмурающегося Никодима Истров загрузил упавшего, приказал гнать в больницу.

Встретил краснолицый усатый толстяк, представился:

— Доктор Арбузиков, — потом заметил с неудовольствием: — Опять гость. И опять ваш покорный слуга не имеет представления, как его лечить.

— Вы же врач!

— Когда я проходил полный курс в медицинской академии, меня обучали излечивать людей, и только людей. Пожалуй, я мог бы назначить верное лечение животному, но — заметьте! — земному животному. Многие гости отличаются по своей анатомии и физиологии от нас с вами гораздо существеннее, чем, например, лягушки. Если я рискну лечить гостя, то слишком велика опасность навредить.

Тем не менее, он помог занести так и не пришедшего в сознание разляляйца в приемную, стал осматривать. И развел руками:

— Я не знаю, что с ним. Пульс замедлен, температура понижена по сравнению с нормальными для человека, однако мы с вами совершенно не знаем, что характерно для разляляйцев. Да и узоры на коже разляляйцев мне до сих пор не встречались, это тоже может оказаться симптомом.

— Разляляйцы вообще редкость, — вставил Никодим. — Про их и не скажешь ничего. — Он почесал веснушчатый нос и вышел на улицу.

— Что же делать?

— То же, что и всегда. Отправлю Прасковью искать врача среди гостей. Прасковья!

Вошла миловидная полная женщина, глянула на беспмятного разляляйца, весело спросила:

— Сызнова гость приболел?

— Сызнова, — обреченно кивнул доктор.

— Так пошла я дохтуров меж гостей выпрашивать, что ль? Ток лучшее мне не с Гран Атели начать, а...

— Начинай откуда хочешь.

— Так мне иттить?

— Да иди уже! — отмахнулся Арбузиков и предложил Истрову: — Если желаете, оставайтесь на чай. Если больше пациентов не появится, я расскажу вам несколько весьма занимательных случаев из моей вот уже восьмилетней практики в Южной Пристани. Вы же приехали к нам развеивать мифы, вот и узнаете некоторые из них.

— А откуда вы знаете, зачем я приехал?

— Южная Пристань — маленький город, все про всех все знают.

Однако попить чаю не удалось — в дверь постучали. На пороге стоял напуганный толстяк, по виду лавочник, вместо «здравствуйте» залепетал:

— Доктор, у меня... — у него перехватило дыхание, и он принялся торопливо стягивать рубаху.

Истров невольно отшатнулся: на объемистом животе пациента проступал узор, аналогичный тому, что на коже разляляйца. Пока что узор был гораздо бледнее, чем у иномирянина, но откуда-то взялась уверенность, что яркости еще прибавится.

Доктор Арбузиков явственно побледнел. Потом спросил:

— Почему вы так напуганы?

— А там малец какой-то прибежал, гутарил, что разляляец с таким вот художеством помер уже.

— Он еще жив, — успокоил Арбузиков.

— А... ну, мож он гутарил, что сомлел, а не помер тот гость. Так теперь-то что, доктор? Что будет-то?!

Доктор обвёл всех глазами:

— Эпидемия.

Доктор Арбузиков тяжело опустился на кушетку. Рядом со сжавшимся от ужаса лавочником.

Истров тоже испугался. До холодного пота, до сухости во рту, до дрожи. Он же прикасался к разляляйцу... и зачем было это делать — валялся бы проклятый иномирянский гость посреди набережной!

Захотелось куда-то бежать, что-то срочно предпринимать... да хоть приставать к иномирянам — лекарства от «змеиной кожи» требовать...

«Змеиная кожа»... подходящее название иномирянской заразы придумалось, и от этого стало немного легче. Когда у врага есть имя...

И все равно хотелось выбежать из больницы, рвануть, куда глаза глядят.

Доктор Арбузиков, кажется, прочитал намерения Истрова, потому что сказал помертвевшим голосом:

— Вам лучше не покидать больницу. Вполне возможно, что вы заразились и теперь являетесь разносчиком.

— Что же нам делать...

— Дождаться Прасковью.

— А если она не найдет врача?!

— Хоть один из гостей да знаком с медициной, а в других мирах она зачастую продвинулась... Кое-что нам кажется магией.

— Нам просто сидеть и ждать?

— Да. Впрочем, можно сделать кое-какие анализы.

Доктор взял кровь у разляляйца и лавочника и засел за микроскоп.

А Истрову осталось только вышагивать по пустой больнице, мучаясь страхами. Рассчитывал жить долго...

Когда в очередной раз проходил мимо лаборатории, доктора перед микроскопом не было. Обнаружился он в приемном покое, — вертелся голый перед зеркалом и хмуро рассматривал бледный, едва проявившийся «змеиный» узор на груди, животе, ногах, спине, ягодицах...

Истров остолбенел, потом судорожными движениями задрал рубашку и уставился на свой живот. Да, вот они, пока еще малозаметные ромбы и прямоугольники. Как ни странно, Истров успокоился.

— Доктор, я хорошо себя чувствую, может эти узоры... не опасны?

Арбузиков отрицательно покачал головой:

— Отсутствие жара, тошноты и других симптомов свидетельствует, что организм не борется с инфекцией. В то же время, наличие на коже узора, к тому же прогрессирующего — очень серьезный симптом...

Давайте выпьем. Никогда не пил медицинский спирт...

Но и спирт выпить не удалось — прибежал еще один пациент с симптомами «змеиной болезни», — трясущийся, зареванный, бледный Никодим. Благодаря этой бледности был заметен четкий змеиный узор на руках, лице и шее. Пришлось успокаивать перепуганного ребенка: Прасковья придет, врача приведет. Затем пришел чиновник из канцелярии, спросил, не переступая порога:

— Доктор Арбузиков, в городе эпидемия?

— Да, — твердо ответил тот.

Чиновник испуганно выдохнул, уточнил дрогнувшим голосом:

— Его превосходительству придется объявить карантин? Запретить выход в море?

— Это будет верное решение. Нельзя допустить, чтобы эпидемия распространилась по Империи. — Он решительно закрыл дверь.

Истров спросил:

— Откуда они знают?

— Южная Пристань — маленький город. Давайте все же выпьем. И лавочника пригласим.

Но им снова помешали — едва доктор выставил на стол бутылку, как заскрипела дверь, и послышался голос Прасковьи:

— Ох, страсти, ох и страсти!

Доктор буквально подскочил, крикнул в коридор:

— Ты нашла врача?!

— Не, не нашла. Я врачуху нашла. Аж двух! Вот эту и еще одну, она потом придет.

Вместе с Прасковьей в приемную вошла уже виденная Истровым женщина с иглами на ушах и камнем на щеке.

— Мазэнка! — обрадовался лавочник, а лицо доктора буквально полыхнуло надеждой. И появившийся в дверном проеме Никодим расплылся в улыбке. Очевидно, мазэнцы — лучшие врачи в мире... во всех мирах.

Нежным мелодичным голосом иномирянка обратилась к Арбузикову:

— Это вы больны?

— И я тоже...

— Вы слишком возбуждены, вам нужно успокоиться, — доброжелательно произнесла женщина.

— Ну так успокойте меня!

— Но вы действительно напрасно волнуетесь, ваша болезнь незаразна и неопасна, достаточно проявлять сдержанность в еде, отказаться от жирной и острой пищи, крепких напитков, — и ваши желудок и печень восстановятся.

— Это я и сам знаю! А как же узоры?!

— Узоры? Какие узоры?

Доктор задрал рубашку — змеиная расцветка была видна отчетливо. Впрочем, она была видна уже и на лице.

— Я не вижу узоров, — сказала мазэнка. — Вероятно, дело в том, что мы видим по-разному.

— Ага! — подтвердил Никодим. — Мазэнцы, оне черных ворон серыми видят, а чаек — так и желтыми даж!

Мазэнка спросила:

— Вы не будете против, если я посмотрю на вашу кожу внимательно?

— Нет, конечно!

Чтобы посмотреть внимательно, иномирянка закрыла глаза. И сообщила:

— На вашей коже присутствует некий необычный микроорганизм. Очень жизнеспособный, но совершенно безопасный. Не опаснее нанесенной на кожу краски.

— И все?! Тогда почему разляляец впал в летаргию?

— Кто такой разляляец?

На ходу заправляясь, Арбузиков повел ее к разляляйцу, Истров пошел за ними, а лавочник остался сидеть с глуповатой улыбкой на лице. Истрову тоже хотелось счастливо рассмеяться: зря волновался!

Увидев беспамятного иномирянина, мазэнка сказала:

— Это не разляляец, это... — и выдала серию странных, каких-то механических звуков.

— О-ой, — протянула вошедшая Прасковья. — Мы такого не выговорим.

— Потому и называем их разляляйцами, — объяснил доктор.

— Я понимаю, — сказала иномирянка. — Это разумное существо здорово, просто употребило слишком много кофеина. Со временем оно придет в себя. Хотя, если нужно, процесс может быть ускорен.

— Дак это оно потеряло какого-то кофина?! — возмутилась Прасковья. — И где взяло-то?! У нас кофинов сроду не было!

— А что происходит в городе? — спросил Истров.

— Дак страсти! Чаво ток не гутарят — и что люди в змей перетворяются, и что чешуей обрастают, и... А их превосходительство ишо и в море ходить заказали, чтобы заразу не выпустить. А рыбаи-то про напасть со змеями прослышали, детишков с жинками в лодки посажали, да и поплыли в море. Да ток завернуло их.

— Кто завернул?

— Само завернуло.

— Какое само?

— Дак гутарю — само завернуло!

Истров хотел еще раз переспросить, что там за само, но припомнил, что его тоже днём как-то само завернуло обратно к канцелярии, и замолк, а Прасковья продолжила:

— Оне поплыли, глядь, — сызнава к берегу плывут. Оне завернули сызнава в море, а глядь — к берегу!

— Это... это так карантин действует?! — несказанно удивился Истров.

— Не-е, — замотал головой Никодим, — ихнее превосходительство колдунства не знают, оне ток бамагу подписали, что из города ни-ни. А завертывает — эт другое что.

Мазэнка неожиданно вышла. А из коридора слышался звонкий

женский голос со странным акцентом:

— Врача вызывали? — и вошла еще одна виденная Истровым на набережной иномирянка — там она спящего мужа на тележке везла. — Кто больной?

Ей указали на разляляйца.

— Что с ним? — спросила она, доставая из сумки какой-то маленький прибор.

— Он употребил слишком много кофеина, — ответил доктор. — Только вы к нему не прикасайтесь: его узоры могут передаваться, как инфекция.

Она кивнула, стала прикладывать приборчик к груди, ко лбу, к рукам беспамятного разляляйца. Подтвердила диагноз:

— Да, слишком много кофеина, — и вынула нечто похожее на браунинг и приставила к шее разляляйца.

Она что — хочет застрелить пациента?! Избавить от мучений?! Истров хотел помешать ей, но не успел: «браунинг» тихо пискнул, и женщина убрала его со словами:

— Скоро придет в себя. А узоры не опасны, вероятно, их можно удалить.

Доктор впечатленно поднял брови, покачал головой. Спросил, видимо, желая пообщаться на профессиональные темы:

— Как вас зовут?

— Я — Сэнга.

— Арбузиков, Фридрих Рахметович. Будем знакомы...

В этот момент пришел в себя разляляец: открыл глаза, сел на кровати, оглянулся. Глаза без зрачков, однотонно-серые.

Вдруг он вскочил и набросился на доктора — схватил за шею, прижал к стене, что-то зло заскрежетал на своем языке. Истров хотел было помочь, но мешала застывшая столбом Прасковья — и оттолкнуть ее некуда, и не протиснуться.

Сдёрнув с крюка полотенце, проскрежетала что-то поразляляйски Сэнга: видимо, оскорбление, потому что разляляец отпустил доктора и бросился к ней, но маленькая, хрупкая Сэнга захлестнула руку массивного разляляйца полотенцем, вильнула в сторону и опрокинула нападающего лицом вниз.

седлала, ловко спутала ему за спиной руки и притянула к ним ноги. И все — с невероятной быстротой.

— А я думал, что гости с Каменного Древа — тихие, — удивился Истров.

Сэнга неожиданно смутилась, пробормотала, отводя глаза:

— Я же его не била... только связала.

— А чего он кинулся-то? — протянула Прасковья.

— Сейчас спрошу.

Сэнга заскрежетала на разляляйском, разляляец заскрежетал в ответ, она перевела:

— Он говорит, что вы украли его цвета. Те самые узоры. Он требует, чтобы вы их смыли.

— С превеликим удовольствием! — воскликнул доктор. — Но

как?!

Сэнга спросила. Перевела, нахмурившись:

— Цвета можно смыть только кровью, — и, едва лица людей начали вытягиваться, добавила: — Его кровью.

— Да хватит ли у него крови — всех вымыть? — ужаснулась Прасковья.

— Достаточно маленькой капли, — ответила Сэнга.

Первым вызвался доктор: едва маленькая капелька рубиновой жидкости оказалась на руке, узор вокруг капли исчез, и участок чистой кожи стал стремительно расширяться, как чернильное пятно на промокашке. За несколько секунд исчез весь узор. Вторым был Никодим, — он торопился домой, пока домашние не хватились, ведь, несмотря на то, что солнце ещё светило вовсю, он так долго отсутствовал. Едва очистившись, мальчишка выскочил за дверь и умчался, поблёскивая вином в солнечных лучах.

— А если весь город... хм... заразился? — высказал сомнения Истров. — Или зараза все же проникла в Империю? Или даже в другие миры?

— По крайней мере, будет меньше неприятностей из-за цвета кожи, — оптимистично заявил доктор.

А разглагольщик неожиданно заговорил по-русски:

— Цвета передаются только тем, кто прикасался ко мне.

Заметив удивленные взгляды, с достоинством объяснил:

— Когда мы в боевой ярости, то способны говорить только на нашем языке.

2. О девушках и гномах

Архивариус очнулся от холода, ибо лежал на мраморном полу. В комнате было совсем темно, а в узком оконном проёме виднелся тусклый желтоватый диск луны. Голова не болела, но было ощущение пустоты в ней. Зато болело тело. Маг ощупал себя, подтвердил первичный диагноз — синяки и ушибы, и, кряхтя и охая, принялся вставать на ноги, которые совершенно не хотели разгибаться, а норовили подогнуться и свалить их обладателя на пол.

Что в конечном счёте и случилось — архивариус шмякнулся на бок, набив очередной синяк. А может быть даже шишку. Пришлось как следует помассировать ноги, разгоняя кровь. Вторая попытка встать увенчалась успехом, и маг кое-как доковылял при свете луны до письменного стола, где, сев в кресло, на ощупь нашёл спички и зажёл свечи в настольном канделябре. Мерцание дрожащего в воздухе пламени привнесло в комнату романтический полумрак.

— Что было-то? Что случилось? — начал он вспоминать события. — Ах да! Приступ мигрени! Давно надо было заняться составлением зелья против этой болезни, да как-то сперва каждый раз некогда, а потом вообще забывается. Ну хорошо... а что было до этого?.. Кажется, кто-то приходил...

Маг прикрыл глаза, и в мозгу начал проступать образ, сперва смутный, затем все более отчетливый: молодой человек, лет около тридцати, высокий, худощавый, со строгими чертами лица. Около левой брови небольшой шрам. Глаза карие, волосы русые... Да, а что он хотел? Какие-то сведения... мифы... О городе... Кажется, Архивариус рассказал ему историю города — очень кратко. Что ещё? Ах да — Внеземелье! Ну хорошо...

Восстановив в памяти последние события, маг почувствовал себя почти человеком, поджёг одиночную свечу в широком, как плошка, подсвечнике и пошёл на кухню. Когда приступ отступал, всегда подташнивало и хотелось попить крепкого горячего чая, вскипяченного в течение пары минут над никогда не затухающим в камине магическим пламенем. Напиток разбавлялся парой-тройкой столовых ложек двухсотлетнего рома в качестве лекарственного средства. После этого в голове обычно светлело окончательно. Так же случилось и на этот раз: пропустив стаканчик, Архивариус понял, что готов к любым действиям, в том числе и некоторым магическим. Первым делом он зажёл магический огонь в стеклянных шарах, висящих под потолком. Ровный свет залил кухню сверху донизу, выявив других, кроме Архивариуса, обитателей дома: тараканов. Маг сразу понял, что с его питомцами творится что-то неладное: бедные домашние животные бегали по полу от одной стены до другой и обратно, и на стенку, как бывало обычно, не лезли. Потом он увидел самого крупного старого таракана: глава семейства находился возле щели в полу и старательно расширял её по-очереди всеми лапами и даже усами. Однако, через какое-то время он прекратил своё занятие и помчался к наружной двери, проскользнул под нею и исчез из пределов видимости. Остальные тараканы дружно ринулись вслед. Через четверть часа в доме оставалась лишь одна живая душа — Архивариус, ибо мышей тоже почему-то было не видно и не слышно.

Надо сказать, что к этому времени он уже давно прислушивался также и к городу, который испуганно постанывал, охал, хныкал, хлюпал и всхлипывал. В конце концов магу удалось поймать некий однообразный мотив: эпиде-емия, эпиде-емия... это она... это она...

Затем эту мелодию сменили несколько сольных партий: источник — уничтожить... источник — город... город — уничтожить... миры — спасать... переход — уничтожить... зеркало — уничтожить...

Голоса шептались, ворчали, сердились друг на друга, прерывались, тяжело дышали и вновь вступали — каждый со своим мотивом.

"Зеркало? То есть зеркальный туман за третьим хребтом, благодаря которому Южная Пристань может существовать во многих мирах? А как же... Ведь стабильность города нарушится! Надо что-то немедленно делать," — понял Архивариус, прошёл в кабинет, подхватил дорожную сумку, подумав, запихнул в неё несколько склянок и бутыльков. Вышел на улицу и охнул, зажмурившись от яркого света. «Но ведь только что была ночь... луна же была в окне. Или это было солнце такое? Нет, именно луна, потому что в проёме окна небо выглядело ночным. Ох... Что-то со временем неладно... Причём — в городе, дома коснуться не могло, я же лично поставил вокруг него мощные заклинания. Плохо,

очень плохо...»

Пройдя немного пешком, Архиариус остановился передохнуть: после приступа ощущалась некоторая слабость. Пристроив сумку на спине наподобие солдатского ранца, маг взмахнул руками, одновременно шепча заклинание, и обратился чёрным вороном. Едва набрал высоту — попал из ясного дня в ночь. Да, искажения времени меняются с высотой, так и должно быть. Луна светила тускло, звёзд не было вовсе, но маг подключил третье зрение, которое позволяло видеть даже в полной темноте и полетел к горам, намереваясь в конце концов очутиться у третьего хребта. В его состоянии лететь было легче, к тому же, так появилась возможность качать в себя космическую энергию и копить силы для... Эээ... ну мало ли для чего могут потребоваться силы у мага...

Полёт доставлял старику неземное наслаждение, он даже попытался сравнить ощущения с сексуальным оргазмом. К сожалению, из-за преклонного возраста он помнил о таковом весьма туманно, девушек смущал его вид лет этак на семьдесят или даже семьдесят пять. Поэтому он решил, что при первом удобном случае сменит внешность на... Ну, скажем, примерно такую, каковая была у последнего его гостя, — того профессорского ассистента, прибывшего из Санкт-Петербурга. Надо же! Чудаки эти ребята: хотят развеять какие-то мифы, звучащие вокруг города, где живёт Архивариус. А где они — мифы-то? Всё реально. Да... А подмолодить внешность надо, а то уже и забыл, когда последний раз спал с женщиной. Совсем опустил — гимнастику по утрам уже лет четыреста как перестал делать. Может, потому и мигрени начались? Эх, спортом надо заняться, ходить больше, а не сидеть дома с тараканами беседуя. Кстати, о тараканах: ну, и куда они побежали?

Маг воспарил к висящему над ним облаку, застыл на несколько мгновений, обдумывая дальнейшие шаги, затем сделал замысловатый кульбит и сменил направление: в горы успеется, сперва надо точно узнать, что случилось с городом и что за эпидемия, может он сумеет её остановить.

Теперь ворон направлялся к небольшой деревеньке Нигдеевке, где жила его знакомая ведьма Люся. Облетев вокруг Люсиного дома, понял, что тот тоже под заклятием: в окнах горел свет. Значит, хозяйка дома уже проснулась и готова к ночным колдовским делам. Маг опустил на знакомую крышу и стал чистить перья. Убедился, что его никто не видит, и юркнул в кусты сирени, откуда вышел в родном человеческом облике. Легко поднялся по ступенькам — уже после одного контакта с космосом маг чувствовал себя помолодевшим лет этак на сто — и поднял руку, чтобы постучать в дверь. Но рука его застыла в воздухе, потому что кто-то затеребил его сбоку за штанину. Скосив глаза, маг увидел старинного приятеля-гнома. Тот исчез из поля зрения мага лет пятьдесят тому назад, вознамерившись пройти через горы. Как ни отговаривал его Архивариус, объясняя, что не стоит ходить туда без магических способностей, ничего не вышло: гному требовалось увидеть все своими глазами. Упрямый народ эти гномы! Он даже не захотел дожидаться, пока Архивариус возьмёт отпуск, и в одну прекрасную ночь исчез. Маг был уверен, что при переходе через зеркальный туман друг погиб, а он — вот он!

Маг подхватил гнома, сунул в карман плаща и скрылся за тем самым кустом сирени, откуда вышел.

— Чарли! Ты живой?! — тихонько воскликнул он.

— А то! — глухо откликнулся гном и начал энергично пихаться, пока наконец не высунул довольную физиономию из кармана, — большой друг умудрился на радостях запихать его головой вниз.

— Где ты был?!

— О... я много где был. Но сперва я заблудился. Помнишь этот зеркальный туман? Оказывается, он состоит из множества зеркальных осколков, расположенных под всевозможными углами. Мне удалось пройти сквозь них и не порезаться, вероятно потому, что я маленький.

— И ты прошёл путь туда и обратно?!

— Как видишь: вот он я — здесь!

— Мдя... — протянул Архивариус и с сомнением покачал головой, ибо то, что его маленький друг здесь, означало лишь то, что он здесь. А вовсе не то, что он был где-то не здесь, а потом снова пришёл сюда. — Ну... и что ты видел, после того, как вышел из зеркал?

— Море! Я видел огромное море!

— А потом?

— А потом я пошёл вдоль берега. Там гуляли всякие двуногие и недвуногие, разноцветные и однотонные, говорящие и молчащие. Пришлось идти мимо разных построек: архитектура мне не понравилась. Я шёл очень долго, и наконец пришёл сюда.

— Понятно... — Архивариус вздохнул.

Он понимал: чтобы преодолеть несколько миль, которые обычный человек пройдет за пару часов, маленькому путешественнику понадобилось полвека. Хорошо ещё, что не порезался и не истёк кровью там — на перевале бутылочных осколков, куда местные сбрасывали всякие стеклянные отходы с мусорного дирижабля, ведь люди в тех местах появлялись не чаще одного раза в несколько лет. Одни прилетали на том же мусорном, другие — на перерабатывающем дирижабле, где запускали процесс втягивания осколков в специальную полость агрегата и превращением их обратно в бутылки. Эти технологии южнопристанцы позаимствовали в мире Беспроблем: там все, что плохо лежит и воспринимается мусором, перерабатывается внутренней системой мира. В результате становится чисто и хорошо. И получают новые нужные вещи. Целиком технологию перенять не удалось, например, выращивать на деревьях предметы обихода. Или печь из земли хлеб. Однако кое-какие идеи удалось претворить в жизнь. Это им вообще-то повезло: тот мужик из Беспроблем, когда понял, что выпал из своего мира в другой, закатил истерику и требовал немедленно его вернуть обратно! Только после письменного обещания, заверенного нотариусом, вернуть его в родной мир, он согласился пожить здесь неделю на всем готовом и кое-что рассказать. В результате южнопристанцы заинтересовались миром Беспроблем настолько, что решили снарядить туда экспедицию. К слову, вернулись далеко не все: добрая половина ушедших возжелала остаться. А возвратившиеся уткнулись в чертежи и расчеты и начали творить всякие новшества. Будто Кулибины размножились. Но городу они не мешали, и

их не трогали. Чему все были рады: многие идеи пришлись жителям по вкусу и преумножили благосостояние города.

Тут Архивариус очнулся от воспоминаний и насторожился: ему почудился какой-то необычный звук. Прислушавшись, он понял, что звук доносится из его кармана. "Ох, — забеспокоился маг, — там же Чарли! Не задохнулся ли он там?! Точно — хрипит!" — и полез за маленьким другом. Тот, потревоженный и вытасченный из уютного насиженного места в ночную прохладу, сразу начал чихать. Архивариус насчитал четырнадцать чихов, но так как начал считать не сразу, а спохватился лишь через минуту, то чихов было несомненно больше. Раза в полтора. Тем временем гном почти проснулся и рассердился на мага:

— Что ты мне спать мешаешь?! Мне такой сон снился! Бабушка олады пекла! Из постели вырвал! В кои-то веки тёплая да мягкая попалась!

— А, кстати, почему ты не дома, а здесь? — запоздало удивился Архивариус. — Твой дом вроде в другом месте находится?

— Так я когда уходил — ключи от дома здесь оставил. У хранителя этого дома. Своего-то я отпустил — чего ему в пустом доме без меня жить.

— Ага, стало быть, ты тоже сюда шёл?

— Сюда.

— Замечательно, я стучусь к Люсе.

— Люся? Это кто ж такая? Тут же вроде тётушка Пелагея жила.

— Верно, но ты забыл, что путешествовал ни много, ни мало — а пятьдесят лет. Так что теперь здесь дочка её хозяйничает.

— Ой, беда какая... как же я заявлюсь? Эта Люся меня знать не знает, на порог не пустит.

— Не волнуйся, ты же со мной.

— Ладно, только сунь меня обратно в карман, там спрятаться можно.

Архивариус усмехнулся: уж он-то знал, что Люся — самая добрая ведьма из всех, ему знакомых. Девушка всегда и всем помогала, но только если это были просьбы о добром. В глубине души маг мечтал предложить девушке руку и сердце, но побаивался, не сочтёт ли она его чересчур старым. Он вздохнул: вот ещё один повод заняться гимнастикой по утрам. Пристроив гнома в карман, маг снова поднялся на крыльцо, решительно постучал в дверь и... рухнул без сознания. На этот раз приступ мигрени вроде ничего не предвещало, по крайней мере, сам Архивариус за разговором её приближение не заметил.

— Кто там? — раздался нежный голосок молоденькой ведьмочки. Точнее, подростка: всего каких-то шестьдесят лет...

— Откройте, пожалуйста, человеку плохо! — завопил Чарли, одновременно выбираясь из кармана мундира. К счастью, в последний миг перед падением маг успел ухватиться за ручку двери, и в процессе его развернуло так, что он скользнул спиной по загородке крыльца и свалился в полусидячее положение, поэтому гном не пострадал, а только испытал выброс адреналина.

— Ах! — возникла на пороге Люся. — Это же Архивариус! Надо

положить его в постель. — Девушка взмахнула рукой, и тело поплыло по воздуху в заданном направлении.

Уложив старинного приятеля на широкую кровать, ведьмочка прильнула к его груди: сердце билось глухо и медленно. Но привести архивариуса в чувство у неё не вышло, маг будто провалился в летаргический сон. Ну что ж, раз организму такое надо, значит надо: он отдохнёт, и сознание вернётся.

3. Спасение города. Сознательное бессознательное

После очищения от разляляйских узоров Истрова беспокоил лишь рассказ о лодках, как их заворачивало какое-то само. Вообще настроение было отличное, и он вышел проветриться. На веранде стояла мазенка: смотрела на море, положив руки на перила. Истров спросил:

— Как вас зовут?

— Вы можете использовать любое слово, которое не является оскорбительным.

— Да?! Э-э... если я буду называть вас Паллада, это не оскорбление?

— Нет.

Все-таки вопрос с мужем беспокоил Истрова. Но напрямую спрашивать не хотелось. Спросил другое:

— А вы действительно сбежали с каторги?

— Да.

— А... какое преступление вы совершили?

— Я отказывалась выбирать себе мужа.

— Да?! Ладно... Скажите, почему из города стало невозможно выбраться даже по морю?

— Город уничтожен.

— Что?! — Истров даже оглянулся. Да нет, вот он город, стоит, не шатается. Шутки такие у мазэнцев, что ли?

Но Паллада не шутила:

— Этот город больше не существует для всех остальных миров. Он существует только для самого себя. Но и это продлится недолго. Не более двух дней.

— Два дня, — пробормотал Истров, холодея. — Вы уверены?!

— Солнце не движется по небу. Это очень надежный признак.

Действительно, уже должен был наступить вечер!

— Вы умрете раньше, потому что воздух станет непригоден для дыхания, — информировала Паллада своим мелодичным голосом. — Я способна обходиться без воздуха, потому проживу дольше. Может быть даже увижу, как город перестает существовать для самого себя.

— Но... Почему?!

— Кто-то разрушает Зеркало. То самое, которое стабилизирует город, позволяет ему существовать во многих мирах одновременно. Вероятно, в некий из соседних миров проникли сведения об эпидемии, и тамошние жители решили себя обезопасить, уничтожив источник болез-

ни.

— Что?! Да нет же никакой эпидемии! Глупость это оказалась!

— Да, это действительно глупость.

— И... что, ничего нельзя сделать?!

Палла́да повернулась к Истрову, с удивлением спросила:

— Вы боитесь смерти?!

— Конечно!

— Почему?

От странности вопроса Истров даже забыл о гибели города. На мгновение.

— Потому что хочу жить!

— Почему?!

— У нас нет времени на философию. Город можно спасти?!

Палла́да нахмурилась, кивнула:

— Да, наверняка можно. Кто-нибудь из гостей должен знать, что делать. И надо рассказать всё Сёнге и доктору Арбузикову.

— Э... да. Давайте скажем. А вы знакомы с Сёнгой и доктором?

— Нет. Сегодня я увидела их впервые.

— Но откуда вы знаете их имена?

— У меня очень острый слух. Я слышала, как они разговаривали.

Пойдемте.

Однако доктор, лавочник и Прасковья уже пили спирт. Зазывали остальных, даже Никодима. Все отказывались.

— Они уже пьяны, — едва слышно прошептала Палла́да. — Им нельзя говорить, — они могут сказать другим, а испуганные люди на улицах будут мешать. — Она заговорила по-разляляйски, обращаясь к Сёнге. Естественно, разляляец тоже понял, но странно, что понял и Никодим, потому что воскликнул:

— Чиво?! Зеркало...

Палла́да развернулась и вышла, за ней — разляляец, Сёнга, Никодим. Замыкал Истров. Сёнга побежала будить мужа. Не сказав ни слова, ушел куда-то разляляец.

— А я — с вами? — спросил Никодим.

— Безусловно! — кивнул Истров. — Из всех моих знакомых ты лучше всех разбираешься в гостях.

— А то! И куды мы?

— В Гранд Отель, — ответила Палла́да. — Там наверняка можно найти гостя, который знает, как остановить исчезновение города.

— А как его искать? — поинтересовался Истров. — Кто из гостей может...

— Кто угодно. Придется спрашивать.

— Надоть спервоначалу столповиков поспрошать, — подсказал Никодим.

Палла́да кивнула:

— Да, вы правы. Жители мира Тысяча Столбов очень внимательны и ничего не забывают.

Прохожих по дороге почти не встретилось.

— Заразы боятся, по домам сидят, — авторитетно заявил Никодим.

— Откуда ты знаешь разляляйский язык? — поинтересовался Истров.

— Да не знаю я его, у меня от его рот болит.

— Но ведь понимаешь?

— А чего там понимать?

— Разляляйский язык действительно очень прост, — сказала Палла́да.

Дошли до помпезного здания Гранд Отеля. В холле было много иномирян — переговаривались, переругивались, бесцельно расхаживали.

Столбовика нашли сразу: Никодим указал на старика-мороженщика в зеркальной одежде. Палла́да спросила:

— Кто разбирается в зеркалах?

Пожевав губами, столбовик ответил:

— Дилри. Из мира Великих Лесов.

— Где он? — задав этот вопрос, Истров стал непроизвольно оглядываться.

— Его здесь нет. Он никогда не покидает мир Великих Лесов.

— А... а из тех, кто в городе?

— Ганри. Но он пошел в канцелярию градоначальника.

— Зачем?

— Хочет получить какое-то разрешение.

— Идем в канцелярию, — решил Истров.

— Что с Зеркалом? — спросил мороженщик.

Палла́да открыла было рот, но Истров ее перебил:

— Именно это мы и пытаемся выяснить.

А Никодим сказал:

— Я тут поспрошаю ище, ага?

— Поспрошай.

В канцелярии было пусто. Но из одной комнаты доносились голоса: ругались чиновник с иномиряннином в обтягивающей красной одежде.

— Мне необходимо покинуть город! — настаивал иномирянин. — Я обязан присутствовать на великом собрании всех народов!

— Вы думаете, я не хочу покинуть город?! — отвечал чиновник.

— Но вы же сами объявили карантин! Никто не может покинуть город, если это запрещено!

— Неужели вы думаете, что это мы не выпускаем гостей в их миры?! И корабли в море?! Да мы бы с радостью!..

— Но, раз карантин объявлен, то...

— Да причем тут карантин!

— Как это, причем?! Да поймите же вы, что в ваших интересах, чтобы я увидел ваше Зеркало!

— Да ради бога, смотрите! — чиновник указал на зеркальные дверцы шкафа.

— Вы что, издеваетесь?!

— Это я-то издеваюсь?!

Вмешалась Палла́да:

— Жители мира Великих Лесов очень законопослушны. Выдайте

этому господину разрешение покинуть город.

— Да зачем?!

— Чтобы он ушел.

— Что?! Да пожалуйста! Ради бога! Пишу: «Подателю сего разрешается покинуть Южную Пристань»! Вот, печать ставлю! Удовлетворены?!

— Да, благодарю вас, — недовольно пробормотал Гáнри.

А Истров добавил:

— Кстати, карантин можно снять, эпидемии нет. Это оказалась не болезнь, а... в общем, в карантине нет смысла.

Когда Истров, Паллада и Гáнри уже уходили, чиновник вскинулся:

— Подождите! Вы действительно можете... покинуть город?!

— Не знаю, — ответил Гáнри. — Собираюсь выяснить. Но, поскольку объявлен карантин, я без этого разрешения не могу предпринять никаких действий, чтобы покинуть город, это будет считаться нарушением.

У чиновника отвисла челюсть. Видимо, он недавно в Южной Пристани.

На выходе их встретил запыхавшийся Никодим:

— Я там такое вызнал! Сюда, как со змеиной напастью началось, считай, сразу аж пятеро с мира Пляшущих Мантикоров заявили! И оне в венках из листьев были, во!

— И что? — хором спросили Истров и Паллада.

— Так оне себя загубить решили, раз в венках, у их — так!

— Смертники? — спросила Паллада.

— Ага, смертыньки ищут! А вы ж сами гутарили тогда, что город наш изо всех миров сгинул, так эт можно ток прям из города смикитить, так? Стал быть, кто эт смикитит, так он и сам сгинет, так? Потому и в венках своих зеленых!

— Вы правы, — сказал Гáнри. — разрушивший Зеркало и сам погибнет.

— Вы уже знаете? — понял Истров.

— Про зеркало-то? Неужели вы думаете, я мог не заметить его разрушение? Но если обезвредить разрушителя до утра, достаточно прочитать несколько простых заклинаний, и Зеркало восстановится.

Теперь еще и заклинания. Что-то мифы города Южная Пристань не развеиваются ни в какую, и даже наоборот.

— А что касается того, где искать этого разрушителя... — продолжал Гáнри, — то наиболее подходящим местом в городе мне кажется разрушенная башня. Это... символично.

— Точ! — воскликнул Никодим. — Тама мантекоровцы! Оне как башню углядели — враз туда! Знаю я их!

— Не сомневаюсь, — очень тихо сказал Истров. Но Паллада услышала реплику и кивнула. У нее же очень острый слух. Истров все же высказал сомнения:

— Может, есть еще подходящие места? Вряд ли можно быть уверенным наверняка, что...

Однако Никодим и Гáнри не слушали Истрова — они вопроси-

тельно смотрели на Палладу, которая сосредоточенно нахмурилась, а затем кивнула.

— Да, они в башне. Я слышу, как бьются их сердца.

У Истрова в который раз за день отвисла челюсть.

— Значит — в башню! — решил Гáнри, и зашагал. Остальные — за ним.

Едва пересекли площадь, встретили Сэнгу и её мужа Тёверда, который уверенно заявил:

— Вы что-то выяснили.

Истров скороговоркой объяснил:

— Зеркало разрушают пятеро смертников из мира Пляшущих Монтико́р, они в разрушенной башне, мы идем туда.

— А вы уверены, что справитесь с пятью монтико́ровцами в одиночку? — спросил Тёверд, глядя на Палладу.

Почему в одиночку? Никодим, конечно, ещё ребёнок, но как же он — Истров?

— А ить точ, — почесал затылок Никодим. — Из нас усех ток Палла́да и мовет монтико́ровца сдюжить... Мазэнцы лихо бьются, ток одна мазэнка не управится с пятью.

Никодим, значит, тоже считает, что кроме Паллады — остальные не бойцы? И Сэнга с Палладой не возразила, и Гáнри. Обидно, однако.

— Действительно, — заговорил Гáнри, — чтобы разрушить Зеркало, достаточно одного человека, а их пятеро, по-видимому, для того, чтобы мы не могли им помешать.

— Нужно обратиться в полицию! — сказал Истров.

— Не, — тряхнул головой Никодим. — Уся наша полиция супротив одного монтико́рца, что ястреб супротив сокола. Надоть сызнава гостей просить.

— Сызнава, — пробормотал Истров. И направился в сторону Гранд Отеля.

В холле гостиницы — столпотворение: иномиряне сидели, стояли, ходили взад-вперед.

— Глупо собираться в толпу во время эпидемии, — пробормотал Истров.

Его услышал плешивый мужчина за ближайшим столиком, иномирянин, потому что его одежда могла сойти за женское подвенечное платье, если бы не черная. Он сказал:

— Да не было никакой эпидемии! Глупость это была, зря все перепугались!

И что теперь делать, как искать бойцов в этой толпе? Снова спрашивать столповика? Его еще самого надо найти... Истров забрался на стол:

— Глубокоуважаемые гости! Вы, видимо, знаете, что Зеркало разрушается!

Они, видимо, не знали, потому что многие сидевшие встали. А некоторые стоявшие, наоборот, сели, причем кое-кто прямо на пол.

Истров продолжал:

— Нам удалось выяснить, что Зеркало разрушают прибывшие из

мира Плещущих Монтикорь смертники! — Тут уже сели почти все, кто стоял. Некоторые — упали. Когда падала одна из женщин, одетая в облако тумана, тот развеялся, а под туманом не было надето ничего, потому Истрову пришлось продолжать, глядя в сторону, что, вероятно, снизило эффект:

— Мы знаем, что монтикорьцы в башне, и чтобы с ними управиться, нам нужны бойцы.

По холлу прошло шевеление. Несколько иномирян встали, направились к Истрову.

Выглядят внушительно, мощно. Хотя и не все, есть среди них сморщенный старичок, хрупкая женщина, необъятных размеров толстяк... внешность бывает обманчива, но не до такой же степени!

Когда собрались все «ополченцы», вперед выступил Никодим и распорядился:

— Берем его, их и ее, а с остальных монтикорьцы котлетов надевают, неча им... Ничё, сдюжим.

Среди выбранных оказались Тёверд и Сёнга, которые, вообще-то, не вызывались, просто стояли себе рядом. Тёверд нахмурился:

— Но мы не умеем драться. Мы умеем только танцевать.

— Ну так и станцуете, — пожал плечами Никодим. — Чего вам, жаль?

Тёверд тоже пожал плечами, мол — не жаль.

Кроме каменнодеревцев, Никодим выбрал женщину, правда с мускулами, которыми многие мужчины позавидуют, и в кольчуге, и мужчину, похожего на ящерицу. Нет, внешность у мужчины была вполне человеческая, но ломаная манера двигаться, неподвижное лицо и немигающие глаза наводили на мысль о рептилии. И одежда — пятнисто-зеленая.

— Может, нам имеет смысл вооружиться? — предложил Истров.

— Нету смыслу, — возразил Никодим. — У нас ежели ружья какие будут, а монтекорьцы колдовать зачнут, так все патроны наши по взрываются.

— Пойдемте к крепости, — сказала Паллада.

Они вышли, за ними — многие иномиряне. Целая толпа провожает.

— А мы взади пойдем, — сказал Никодим, имея ввиду себя и Ганри. — Чтоб, ежели монтикорьцы нападут, то чтоб не на нас. Оне раньше напасть могут, до крепости ишо. Ганри беречь надоть, ему зеркало расколдовывать, а я мал ишо.

Толпа провожающих смотрела вслед, пока Истров со товарищи не скрылись за поворотом.

Никодим и Ганри шли шагах в пятидесяти позади остальных, о чем-то разговаривали — время от времени слышалось характерное «не!» Никодима. Неужели им не страшно? Истрову было страшно. Очень. Кроме того, накатывало ощущение нереальности происходящего. Идет Истров по городу, который существует только для себя самого, под неподвижным солнцем. Рядом с ним — иглоухая девица в мужской одежде, не понимающая, почему можно хотеть жить, способная поста-

вить сложный диагноз, только взглянув на пациента, и не желающая выходить замуж, за что попала на каторгу, да еще и сбежала оттуда. Кроме того, рядом идет семейная пара из мира со странным названием Каменное Дерево, они время от времени впадают в спячку. Не умеют драться, зато так хорошо танцуют, что и драться уметь не надо, что бы это не значило. А еще — похожий на ящерицу мужчина и похожая на мужчину женщина в кольчуге. А сзади — нечеловечески законопослушный колдун и мальчик, знающий больше любого профессора.

Истров решил отвлечься разговором:

— Как вас зовут?

— Меня? — весело отозвалась женщина. — Бру́нха меня зовут.

— Хм... похоже на Бру́нхильду.

— А как же! Бру́нхильду в честь меня назвали.

Истров удивленно уставился на Бру́нху. Хотел расспросить подробнее, но отвлек человек-ящерица:

— А мое имя — Шка́сс.

А что, человеку-ящерице подходит.

Бру́нха задорно тряхнула головой:

— Чувствую, веселая будет драка!

— Вы деретесь ради удовольствия? — спросил Шка́сс. Непонятно было, осуждает он Бру́нху или одобряет.

— Мы деремся ради славы! И потому всегда выступаем на стороне справедливости!

— Ну что ж, можно и так.

— А за что деретесь вы?

— Сегодня я буду драться за город Южная Пристань. Этот город стоит того, чтобы за него драться. А тем, кто решил его уничтожить, придется держать ответ, чем бы ни закончилось сегодняшнее... недоразумение.

Слова Шка́сса неожиданно воодушевили Истрова.

А вот и развалины крепости, покосившаяся башня.

Никодим крикнул Истрову:

— Вы бы тоже лучшее не спэреду шли, а то мало ли чего...

Он прав, лучше не высовываться, предоставить дело специалистам.

Но отступить не успел — их атаковали. Метнулись из кустов размытые серые тени, одна — прямо на Истрова, которого страшным ударом, пришедшимся, кажется, на все тело, швырнуло на кусты. Перед глазами появились две размытые фигуры, белая и серая: они как будто танцевали сложный, невероятно быстрый танец, пока белая фигура не коснулась верхней конечностью головы серой, и та не завалилась. Белая фигура оказалась Те́вердом, серая — человеком в маске, монтикоровец, по всей видимости. А на заднем плане по земле стремительно, как бильярдный шар после карамболя, катался серо-синий клубок. Клубок замер, затрясся, раздался отчетливый хруст, и синее — Палла́да, — отделилось от серого — монтико́ровца. Палла́да, резко поднялась, рванулась в сторону, где Шка́сс на невероятной скорости сражался с еще одним серым — сходились, расходились, руки и ноги мелькали вихрем.

Истров попытался двинуться вперед, хотя бы, чтобы лечь на землю, но пронзила острейшая, оглушающая боль в груди. Истров закричал... попытался закричать — не вышло, он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, и это оказалось даже мучительнее, чем боль. Рот наполнился соленой кровью.

Мир закружился, помутнел, опрокинулся. «Это всё», — отчетливо понял Истров.

Но тут над ним появилось перевернутое женское лицо. Бледное, с неярко-зелеными глазами, драгоценным камнем на щеке, иглами на ушах, оно было божественно-спокойно и божественно-прекрасно.

В груди щелкнуло... и все прошло! Ничего не болит, можно легко дышать... Никогда в жизни не чувствовал себя лучше! Только привкус крови во рту остался.

Истров сел, собираясь поблагодарить Палладу за излечение, но ее рядом не было.

Все пятеро монтикоровцев лежали связанные, четверо — собственными поясами, пятый — чем-то черным. Все что-то бессвязно бормотали.

Напротив Истрова сидел на земле, прислонившись к стволу дерева, Тёверд, он явно дремал. Нашел время.

Брунха тоже уселась на земле, бесстыдно оголив плечо, над которым хлопотала с каким-то приборчиком Сёнга. У каменнодеревской женщины был начисто оторван рукав — видимо, это им связан пятый мантикоровец.

А перед женщинами возбужденно пританцовывал Никодим:

— Как я его, а? Он на вас ишь как насел, а ему как дам, а?

Брунха произнесла официальным тоном, но с улыбкой:

— Клан Соединяющих Металл народа сёпров из мира Тройной Спирали бзл

куда-то сбежал. А меня оставил в кармане мундира на тебе-старике, потому что мундир тебе-мальчишке был велик и попросту с тебя свалился.

— О... — хором произнесли Истров с Архивариусом и посмотрели друг на друга.

Гнома шокированный Истров воспринял уже как должное: подумай, эка невидаль! А вот раздвоение...

И тут же Архивариус воскликнул:

— Вспомнил! Я вспомнил! Это свойство досталось мне в день совершеннолетия: когда я теряю сознание, наружу выходит моя вторая сущность, — ребёнок. И всё потому, что в душе я всегда остаюсь мальчишкой. — Затем задумчиво произнёс: — А может, я потому и теряю сознание, что мальчишка просится на волю?

Участники проекта

Александр Ромашихин

Я всегда любил читать, и читал все, что попадалось под руку, потом пересказывал друзьям во дворе. Конечно, со своими комментариями, объяснениями и дополнениями. Повзрослев, просто обдумывал прочитанное, раздумывал о возможных действиях персонажей, если бы сюжет развернулся по-иному. И меня вполне удовлетворяло такое «творчество», но потом был период, когда полки книжных магазинов заполнила фантастика такого уровня, что я решил действовать по анекдоту: «Читать нечего, поэтому буду писать сам». Так у меня и появилось это хобби – писать фантастические рассказы.

С уважением и надеждой, что мой опус доставит вам несколько приятных минут.

Диана Удовиченко

Писатель-фантаст, автор цикла романов "История бастарда" ("Имперский ястреб", "Враг империи", "Верховный маг империи") и романа "Зеркала судьбы. Изгнанники", написанного в соавторстве с сыном, Максимом Удовиченко. Над рассказом для проекта работала легко и с удовольствием. Очень старалась передать неповторимую атмосферу южного приморского городка.

Максим Удовиченко

студент, начинающий писатель-фантаст. Недавно дебютировал с романом "Зеркала судьбы. Изгнанники", в соавторстве с Дианой Удовиченко. Идея проекта захватила настолько, что рассказ написал всего за три вечера.

Валерий Цуркан

По большому счёту - фантаст-любитель, имею несколько журнальных публикаций. Едва только узнал о проекте "Южная Пристань", то сразу загорелся этой идеей. Так уж вышло, что оба рассказа писал в жутком цейтноте, вдалеке от компьютеров и от Интернета, записывая текст в телефон.

Дэн Шорин

Писатель, потомок Ивана Сергеевича Тургенева.

Иван Зотов

Пишу с 2006-го года, но понял, что буду писать намного раньше за чтением любимой фантастики. Участвую в сетевых конкурсах, оттачиваю мастерство и, конечно, много читаю. Имею пару "бумажных" публикаций стихов, и совсем недавно победил на конкурсе.

Рассказ для "Южной Пристани" - первая работа в коллективе. Писался на одном дыхании. И я доволен результатом. Хотя, разумеется, нет предела совершенству.

Нина Дьяченко

Автор шести книг: «В любви, как на Войне, все средства хороши», «CRAZY. Бизнес на крови и костях человеческих», «Королевы скотского гламура», «Оргазм за миллион, или деньги не пахнут», «Тусовка», "Зі сторінок".

Анна Сырцова

родилась и живу в Екатеринбурге.

Начала писать сказки и рассказы в 2008 году.

С 2008 года активно участвую в литературных Интернет-конкурсах. Финалистка многих из них.

По образованию финансист - управляющий предприятием, работаю почти по специальности. В последний год активно совмещаю работу с литературной деятельностью.

Пишу фэнтези, сказки, экспериментирую с научной фантастикой, и прочими странными вещами.

Евгения Привезенцева информацию о себе не предоставила

Лариса Коваль-Сухорукова информацию о себе не предоставила

Алексей Дуров информацию о себе не предоставил

Олег Булдаков

Генератор идей, начальник всея Южной Пристани, смотритель Литературного проекта. Теле-, радиоведущий, чтец (или как иногда пишут: декламатор).

.

ЮЖНАЯ ПРИСТАНЬ

Сборник рассказов литературного проекта

Южная Пристань

Информация по литературному проекту «Южная Пристань» находится здесь
(http://community.livejournal.com/lit_project/)

Все рассказы озвучены Олегом Булдаковым с согласия авторов.

Вёрстка сборника, дизайн и коллажи—Валерий Цуркан (valico)
При создании pdf-файла были использованы программы *Microsoft Publisher*, *Adobe Photoshop*
и *PDFCreator*.